

Написано **шевалье Тетбу де Мариньи**,
консулом Его Величества Короля Нидерландов в Одессе.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЧЕРКЕССИЮ

Три путешествия в Черное море, к берегам Черкессии:
включая описание портов и важностей их торговли,
с очерками манер, обычаев, религии и т.п. черкесов.

Dess. by L. Haghe

CIRCASSIANS.
A Circassian House & Granary in the background.

... P. Muller del. 1847

Dag & Raaph. Litho' in the Eng.

Рисунок 1 Черкесы. Черкесский дом и амбар на заднем плане

ИД «Невские берега»,
2015

Мариньи, Тетбу де. Путешествие в Черкессию. Перевод с англ. - Корсаков Р.О. – СПб: ИД «Невские берега», 2015. – 124 с.

© 2015 Издательский дом «Невские берега», Санкт-Петербург.

© 2015 Корсаков Р.О. - перевод с англ. яз.

Перевод с издания:

Шевалье Тетбу де Мариньи, консул Его Величества Короля Нидерландов в Одессе. Путешествие в Черкессию. Три путешествия в Черное море, к берегам Черкессии: включая описание портов и важностей их торговли, с очерками манер, обычаев, религии и т.п. черкесов. Лондон: Типография В. Кловз и сын, Стамфорд стрит. Лондон: Джон Мюррей, Альбемарле стрит, MCCCXXXVII

Об Авторе:

Жак Виктор Эдуард Тебу де Мариньи (1793-1852 гг.)

Тебу де Мариньи принадлежал к аристократической семье, пострадавшей во время Великой французской революции. В 1809 г. семья эмигрировала в Россию, и юный Жак поступает на русскую службу, которая протекала на Черноморском побережье Кавказа. В 1813 г. Тебу де Мариньи был в Анапе, а в 1818 г. участвовал в экспедиции к берегам Черкессии, что позволило ему хорошо познакомиться с причерноморскими племенами адыгов — шапсугами и натухайцами. Он пытался установить с адыгами дружественные отношения, развивая выгодную торговлю. Предприимчивость чиновника не встретила понимания со стороны кавказских военных властей, вследствие чего Тебу де Мариньи оставил русскую службу.

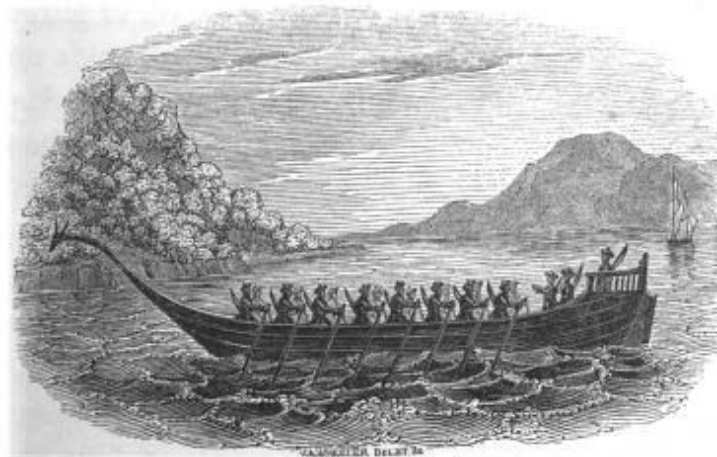
В 1821 г. он стал нидерландским вице-консулом портов Черного моря и с 1823-1824 гг. по заданию нидерландского правительства несколько раз посетил Черкессию. В 1830 г. был назначен нидерландским консулом в Одессе, где и прослужил до конца своей жизни. Тебу де Мариньи был активным членом Одесского общества истории и древностей. Свои путешествия в Черкессию описал в книге, изданной на французском языке 1821 г.

Дневники путешествий содержат разнообразный материал по этнографии причерноморских адыгов, ценность которого определяется главным образом тем, что он основан на личных впечатлениях автора. Тебу де Мариньи описал хозяйство и политическое устройство черкесских племен, их общественный и семейный быт, религиозные верования и духовную культуру. Сочинение Тебу де Мариньи вызвало большой интерес читающей публики и неоднократно переиздавалось при жизни автора, причем в 1837 г. оно было опубликовано в Лондоне на английском языке. *(Назарова И.М.)*

THREE VOYAGES
IN THE
BLACK SEA
TO THE
COAST OF CIRCASSIA:

INCLUDING
DESCRIPTIONS OF THE PORTS,
AND THE IMPORTANCE OF THEIR TRADE:
WITH
SKETCHES OF THE MANNERS, CUSTOMS, RELIGION, &c. &c.,
OF THE CIRCASSIANS.

BY THE
CHEV. TAITBOUT DE MARIGNY,
CONSUL OF HIS MAJESTY THE KING OF THE NETHERLANDS AT ODESSA.

Circassian War-Boat.

LONDON:
JOHN MURRAY, ALBEMARLE STREET.

MCCCDXXXVII.

838.

Предисловие

Часть данной публикации уже появлялась в работе графа Потоцкого «Путешествие по Астраханским степям и Кавказу»¹, однако рост интереса к Российской империи, на театре ее военных действий, с переменным успехом бушующих более века между жителями Кавказа и Мусковитскими захватчиками, недавно проявился вновь, уже со стороны Русского Правительства, вынужденного удовлетворять желание публики в информации о Черкессии.

Во время отсутствия автора этих «Путешествий» господина де Мариньи, на его посту консула Нидерландов в Одессе, в прошлом году в российской печати вышла работа под следующим названием: «Voyages en Circassie, par le Chevalier Taitbout de Marigny, presentement Consul de S. M. le Roi des Pays Bas a Odessa, avec vues, costumes, &c. Librairies de D. Mieville, Editeur: a Odessa et a Simpheropol», 1836²; на титульной странице была добавлено примечание на французском: – «Путешествия» напечатаны в отсутствие автора, издание содержит ошибки различного рода, главные из которых отмечены в листе опечаток, так что перед чтением книги требуется их правка».

Под покровом этой сомнительной аполгии, российский редактор, действующий под правительственной цензурой³, без которой никакое издание не может появиться в России, опустил некоторые важные авторские пассажи, и добавил другие, надиктованные Российскими властями.

Пропуски были направлены в Англию, вместе с копией русского издания, в котором помечены вставки Российских властей. Английский издатель предоставляет читателю, поупражняться в рассудительности и проницательности, отслеживая искусность, с которой Русский Кабинет старается исказить характеры, обычаи и ресурсы жителей Кавказа, в настоящий момент нерушимо сплотившихся под национальным флагом – «Санджак Шериф»⁴, двенадцать столетий объединявшим весь Мусульманский мир, а сейчас представляющим сто тысяч вооруженных боевиков вдоль Русских границ.

Оскорбление, нанесенное недавно коммерческому флагу Англии русскими военными в Черкесском порту, и важность вопроса, рассматриваемого в переговорах по данному инциденту, вызвали дополнительный интерес к беспристрастной и подробной информации об Эвксинских восточных берегах.

Однако, вне зависимости от политических интересов, возбуждаемых именем Черкессия, последующие страницы, заслуживающие внимания представителей торговых и

¹ Париж, 1828.

² Taitbout de Marigny, Edouard, chevalier. Voyages En Circassie, par le Chevalier Taitbout de Marigny, presentement Consul de S. M. le Roi des Pays-Bas A Odessa, avec vues, costumes, etc. – A Odessa et A Simpheropol: Librairies de D. Mieville, Editeur, 1836. – 285 p.

³ «Печать позволяется, с тем, чтобы по напечатании представлены были в Ценсурный Комитет три экземпляра. Одесса, августа 8 дня 1834 года. Ценсор Николай Курляндцев».

⁴ Sandjak Sheriff – Знамя Пророка – прим. Переводчика.

производственных классов, содержат обширные сведения, предназначенные стимулировать дальнейшее изучение Кавказа политиками, географами, геологами, антикварами и экологами.

Не претендуя на понимание загадки, связанной с «Декларацией Черкесской независимости», появившейся пятнадцать месяцев назад в журнале «Портфолио», оригинал которой, как заявлено в ходе дебатов в Палате Общин, находится в Англии, а его подлинность не отрицается Госсекретарем по Иностранным делам Его Величества, мы вряд ли сможем вообразить, внимательно перечитывая опубликованное в «Таймс» письмо за подписью «Дауд», с приложенным «Актом независимости», что Черкесские вожди в своей славной борьбе не поддерживаются в этой стране симпатией, которая не менее важна, чем разумность и эффективность.

Мы обязаны редакции «Портфолио» схемой Черкесского побережья, скопированной с Адмиралтейских карт в Санкт-Петербурге.

Лондон, 10 мая 1837 г.

* * *

Путешествие в Черкессию в 1818 г.

Общее описание края в этот период

Черкесы в настоящее время населяют край, расположенный между 43 и 45 ° северной широты, и 35 и 45 ° восточной долготы⁵. С Севера территория ограничена реками Кубанью и Терекком, которые отделяют ее от края Черноморских и Гребенских казаков; с Востока – Дагестаном; с Юга – Имеретией, Мингрелией и Грузией; с Запада – Черным морем. Земля эта, вероятно, была известна под именем Тур-ан, или Таур-ан, что в Халдейском и Финикийском языках означает «гористая страна». Я пришел к такому выводу, найдя в изданной Вольни «Истории» Геродота, следующее извлечение из Зенд-Авесты⁶: – «Царь Турана, по имени Арджасп, владевший огромной страной к западу от Каспия, и который при взятии Балка (древняя Бактра), казнил множество огнепоклонников, среди которых был Зороастр». Кавказ пересекает западную часть этой страны от северо-запада к юго-востоку, по всей ее длине, и затем поворачивает к востоку, поднимаясь почти перпендикулярно, словно огромная стена, которую Природа, в ее фантастических проявлениях, будто предназначила для предела, а далее выполаживается на небольшом расстоянии от Каспийского моря. Персы прозвали это место – Seddi Iskender («стена Александра»). Наименование Кавказ, хоть и очень древнее, не используется местными жителями, что отмечено в нескольких источниках. По-персидски Koh-kuf означает гора-каф; Моисей Хоренский называет это Кавказ. Kaf, Kau, Tau, Tao, Dagh, или Thag – скифские, турецкие и татарские слова, означающие «гора», или «вершина», в различных черкесских наречиях Azore, Azo, Azze, или Ouas, означает «снег». Эльбрус и Мкинвари наиболее

⁵ Парижский меридиан

⁶ Т. I, с. 55.

высокие вершины Кавказа, высота первой – 16 700 французских футов над уровнем Черного моря, а второй – 14 400, согласно Энгельгардту и Парроту. Мкинвари по-русски называется Казбек. У подножия этой горы проходит дорога, проложенная русскими прямо через земли осетин, кисти, ингушей, гондамакаров и чеченцев, для связи с Грузией. К северу от Кавказа взору предстают прекрасные равнины, обводненные множеством рек, впадающих в Кубань и Терек, несущих свои воды соответственно в Черное и Каспийское моря.

Почвы, в целом необработанные, везде хороши и плодородны, и подойдут любому виду сельскохозяйственного использования, до сих пор неизвестному местным жителям. Значительная часть страны до сих пор покрыта бескрайними лесами, с самой лучшей строевой древесиной, какую только можно найти.

На побережье, предлагающем мореплавателям великолепные якорные стоянки, как и в глубоких долинах, разделяющих уходящие за горизонт горные цепи, и где текут небольшие реки – жаркий климат, однако на предгорных равнинах воздух более резок, и зимой стужа сковывает их в полую силу.

Трудно добыть точные сведения о происхождении кавказских племен. Информация затерялась в сумерках времен и лабиринтах вымысла которым греческие поэты облекли известные им страны.

Тем не менее, многие античные историки согласуются, помещая на Кавказе и далее к Каспию албанцев, иберийцев, хомаров, массагетов, кадучеев, циссиантов, мосхов, птерофагов, савроматов, гирканцев, амардов, песциев, дербиан и т.п., все эти варварские⁷ племена, укрепившиеся за неприступными скалами, постоянно оказывали мощное сопротивление завоевателям, пытавшимся покорить их, пройдя через Кавказские ворота. Этот удивительный проход оборонялся крепостью Кумания, которая, как считается, стояла в том самом месте у подножия Мкинвари, где сейчас видны развалины укрепления Дарьял.

Колхи, гелоны, меланхлены, колики, коракситы, абассы, гениохи, зыхи, ахеане, керкеты и синитиане, живут по берегам Черного моря.

Привлеченные торговлей, они облегчили доступ иностранцев в свою страну, и многие из них покорились римскому ярму. Помпей украсил ими свой триумф, а император Адриан назначал им правителей. На их берегах, располагались: город Диоскурий, или Севастополь – согласно Арриану – колония милезианцев, который другие считают построенным Амфитриусом и Телхиусом – колесничими Кастора и Поллукса, и от которого ныне осталось маленькое поселение Искурия; город Пифий, прозванный Великим, вместо которого теперь почти пустынная долина Пицунда, к северу от Сухуми; города Боргис, Массаетика, Гераклеум – там где начинается край Ахеанов; города Пагра, Гиерон и Синдика, построенные местными жителями. Утверждают, что последний из упомянутых городов

⁷ Слово отсутствует в авторском тексте – прим. Издателя.

находился у бухты крепости Суджук⁸. Однако я склоняюсь к мнению, что он располагался на месте нынешней Анапы.

В Европе мы знаем эти племена под общим именем Circassians, русские называют их Tcherkesses. Некоторые подозревают, что последнее название – татарское, поскольку по-татарски tcher – означает дорогу, а kes – перерезать, что дает значение «перерезающие дорогу» – разбойники. Осетины и мингрелы называют черкесов – Kezekh, или Kasakh, что напоминает нам термин Kazakhia, использовавшийся Византийскими историками.

Следует отметить, что сами черкесы называют себя исключительно именем Адыгеи, никаких следов которого не найдено среди наименований, дошедших от античных историков. Племена живущие за Кубанью вплоть до Кавказских гор, а так же населяющие побережье, принадлежат к трем различным народностям: черкесам, абазам и татарам. Я полагаю, что именно абазы живут от Кубани до крепости Сухум; их название соответствует античному абассы, название черкесы вероятно произошло от керкетов, а натухайцы возможно происходят от ахеанцев. Апиан Александрийский утверждает, что последние были греками, которых бурей занесло в Эвскин, где они претерпели множество страданий от варваров, но попытавшись вернуться на родину, были плохо приняты и изгнаны, это расстроило их до такой степени, что они переняли обычай скифов приносить в жертву любого странника, появлявшегося поблизости. Вначале они резали всех подряд; позже отбирали самых симпатичных; и наконец жертва избиралась по жребию. Натухайцы, относящиеся к абазскому племени, живут к западу от шапсугов; их территория простирается с запада на восток вдоль Кубани на восемь лиг, до потока Кудака; с юга они граничат с Великой Абасией, которая начинается за Пшадой, среди натухайцев; на левом берегу Кубани располагаются татары и черкесы. Ранее они населяли остров Тамань, который оставили после оккупации русскими Крыма. Они называются «островитяне», среди них находятся некоторые из крымских султанов.

{Клапрот оценил население Кавказского перешейка в 2 375 487 душ, согласно следующему расчету:

Черкесы	51 130 семей
Абазы	53 898
Ногайцы	9 480
Осетины	33 915
Месхеты	35 850
Лезгины	138 700
Тюркские и туркменские племена	79 914
Грузинские страны	125 000
	527 887 семей

⁸ Soudjouk-kaleh – турецк. – крепость Суджук (сейчас – это место памятника Малоземельскому десанту в г. Новороссийске); John Purdy («The new sailing directory...», 1832) указывает (с.228) местное название: Tumusse – прим. Переводчика.

Из которого следует вычесть две последние строки, относящиеся к народам более-менее подчиненным русским, чтобы получить численность независимых племен⁹).

Черкесы в настоящее время представляют собой удивительное зрелище свободного населения, которое всегда сохраняло себя в почти варварском¹⁰ состоянии, вопреки окружению более цивилизованными народами. Они рассеяны, словно вершины высочайших гор, разделены народностями иных верований, и формируют множество мелких феодальных республик, руководимых князьями. Только турки, со времен завоевания восточной империи, поддерживают с ними коммерческие отношения; без попыток покорить их. Турки довольствуются обладанием Анапой – крепостью, расположенной на северной оконечности побережья, в восьми лигах от устья Кубани, служащей границей с Россией. Они установили рыночные отношения с черкесами, от которых получают мальчиков и девочек, зерно, воск, мед, шкуры, кожи, и т.п. в обмен на товары, ввозимые ежегодно из Константинополя и Анатолии. Эта торговля доставляет черкесам бедствия, унося их детей и, с неизбежностью, заметно уменьшает население. Фанатичная любовь к независимости, и героическая доблесть, которую ничто не может подчинить, делает их грозными противниками соседей. Привыкшие с нежного возраста к суровым физическим упражнениям, владению оружием и лошадьми, они считают славой только победу над противником, а позором – отступление; в результате мы видим их набеги на соседей, разграбление земель, угон скота и обращение в рабство всех, кого пощадило их оружие. Даже море не служит препятствием их жажде грабежа: на хрупких баркасах они часто захватывают суда, приближающиеся к их берегу. Тем не менее, существует не слишком известный способ, встречаемый среди иных варварских народов, рассеять страх путешественника, решившего посетить их. Он состоит в выборе покровителя, называемого «кунак»¹¹, знание имени которого достаточно для защиты. Этот авторитет гарантирует в глазах соотечественников все действия своего протеже, которому оказывает знаки величайшего гостеприимства, и которого он защищает от любого оскорбления. {Несмотря на свою любовь к грабежу, эти люди вежливы и восприимчивы к дружбе; что особенно заметно среди натухайцев, насчитывающих 5 350 семей, и являющихся союзниками шапсугов – соседей, знаменитых своей храбростью, численность которых можно оценить в 10 000 семей}¹².

Набеги черкесов на земли Черноморских казаков, и репрессии последних, поддерживают постоянную войну на границе, которую Россия последние сорок лет зафиксировала как границу Империи. Российское правительство время от времени посылает туда войска, которые на труднодоступной и малоизученной территории крайне редко достигают каких-либо заметных успехов {и это насилие приводит к еще большей жестокости людей, сознающих себя непобедимыми в своих горах}¹³. Во время последней войны¹⁴ с турками,

⁹ В скобки {} заключена русская вставка в Симферопольском издании. – прим. Издателя.

¹⁰ В оригинале использован эпитет – «примитивном». – прим. Издателя.

¹¹ Конак – прим. Переводчика.

¹² Фраза добавлена русскими. – прим. Издателя.

¹³ Фраза опущена в русском издании. – прим. Издателя.

¹⁴ Упомянута война, закончившаяся в 1812 году «Бухарестским миром» – ред.

захват Анапы в 1807, и в 1811 Суджука – небольшой крепости в восьми лигах к югу от нее, обороняемых турками, можно было рассматривать как преимущество, если бы не их возврат туркам по мирному договору 1818¹⁵. В настоящее время Суджук заброшен, а Анапа, укрепления которой усилены, управляется Пашой.

В течение пяти лет, когда Русский флаг развевался над этой крепостью, некоторые христианские спекулянты пытались в ее стенах вести небольшую торговлю с черкесами. Хотя этого оказалось недостаточно для изменения их настроений {многие из них выражают желание сформировать отношения с Россией}¹⁶, что дает основание надеяться, со временем, на возможность установления дружественных отношений между двумя странами. Мадам Катерина Бухольц – жена генерала, командовавшего в Анапе, – потомок черкесского семейства, из которого она была взята в возрасте четырнадцати лет, использовала все что было в ее власти для установления доверия соотечественников и привлечения их к России. В 1811 эта дама радушно принимала генуэзца Скасси, привлеченного торговлей в Анапу, и призывала его расширить бизнес через знакомства с некоторыми черкесскими вождями. В 1814, после сдачи Анапы, господин Скасси, который вернулся в Россию, попросил власти помочь с транспортом для перевозки соли на рейд Пшады, и экспорта строевого леса для arsenалов Имперского флота. Он его получил, и под защитой Мехмета Индар-Оглы¹⁷, господин Скасси, с командой русского транспорта «Дунай», высадился в Пшаде, где был хорошо принят.

Дюк Ришелье, бывший душой первого похода, с этого времени задумал проект прекращения бесплодной войны и установления торговых отношений с Черкессией. Русское правительство одобрило план, и господин Скасси, с 1817 года принятый на работу в Департамент иностранных дел, был назначен ответственным за его исполнение. Для этой цели он получил от Императора Александра сто тысяч пудов¹⁸ соли из Крымских солеварен.

В этот период я построил в поселке Алушта, на южном берегу полуострова, шхуну, которую господин Скасси считал подходящей для предстоящего проекта: она была названа «Черкес», и получила официальный флаг почтово-пассажирского судна. Я был назначен ее командующим и начальником экспедиции. Я уже путешествовал в Анапу в 1813, и информация которую я собрал относительно материковой части Черкессии, пробуждала во мне желание поближе познакомиться с этой страной. Я использовал все свое очарование, чтобы изыскать возможность участия в трудах господина Скасси.

¹⁵ Правка внесена из оригинала. – прим. Издателя.

¹⁶ Опущено в русском издании – прим. Издателя.

¹⁷ Это имя означает Мехмет – сын Индара. Оглы – турецкое слово, принятое черкесами только для обозначения сына. На местном наречии должно произноситься Индаркоу; слог «коу» соответствует русскому суффиксу «-вич», например Александр Павлович – Александр, сын Павла. В книге я буду использовать как синонимы имя Мехмет и отчество Индар-Оглы – прим. Автора к симферопольскому изданию.

¹⁸ Величина из симферопольского издания, в английском - «тысячу фунтов» – прим. Переводчика.

Журнал моего путешествия

29 апреля 1818 (с.с.¹⁹), в 11 часов утра, я вышел из Керчи с грузом соли и железа. Моим намерением было сначала стать на якорь в порту Геленджика, а после – на рейде Пшады, где уже обосновались два российских торговых представителя. Частью моих инструкций было посетить, если позволят обстоятельства, берега южнее, для поиска новых бухт, возможно более предпочтительных для торговли, и безопасных якорных стоянок. Вдобавок к команде, на борту были два адмиралтейских плотника для заготовки строевого леса, и переводчик.

Хотя юго-восточный ветер был против нас, я надеялся найти более попутный ветер после выхода из пролива, и мы прошли Павловскую банку, а позже – Таманскую. В три часа пополудни, из-за штиля, я был вынужден встать на якорь у Амбелаки²⁰.

30 апреля. – В четыре часа утра я вновь отплыл с легким ветерком с запада – юго-запада. В девять часов ветер развернулся к югу и стало штормить, что заставило меня к восьми вечера снова стать на якорь, под укрытием мыса Такил, на глубине пять фатомов с илистым дном. В течение ночи ветер стих.

1 мая. – В четыре утра береговой юго-западный ветер вновь позволил нам поднять паруса. Мы оставили мыс с востока. К обеду ветер дул к югу, после полудня к западу, и наконец сильно задул с северо-запада. Мы установили все паруса. В восемь вечера Анапа была с северо-востока – востока а мыс Суджук на востоке – юго-востоке. Ветер крепчал все сильнее и сильнее. Я подумал, что будет правильно укоротить паруса, чтобы не входить в Геленджикский порт ночью. Брам-стеньги были забраны, мы пошли на скорости семь узлов.

Когда мы приближались к Черкесским берегам, ветер дул к суше; но вскоре сменился на шквалистый северо-восточный, что вынуждало нас в полночь действовать с осторожностью. Течения, которые в этих водах быстро текут к северу, препятствовали нашему продвижению, несмотря на силу ветра, вследствие чего к половине пятого утра мы находились у выхода Суджукской бухты.

2 мая. – После переустановки всех наших парусов, мы с легким ветром к девяти часам прошли мыс Дооб, формирующий правую сторону входа в бухту Суджук. Мыс, в форме прямоугольного треугольника своей вершиной выдается далеко в море к юго-востоку, ограничиваясь прямой широкой береговой линией, отделенный расстоянием около мили от другой сильно выступающей точки, стороны которой перпендикулярны, с белыми, полукруглыми скальными обрывами.

К восьми часам мы были напротив устья, которое, как я полагал, должно быть проходом в Геленджикский порт. Схема береговой линии, данная мне рагузским капитаном по имени

¹⁹ O.s. – old style – по старому стилю (Юлианскому календарю).

²⁰ Ныне – поселок Аршинцево (прежнее название – Старый Карантин); «амбелаки» – от греч. ἀμπέλος – виноградная лоза, в древние времена это место покрывали виноградники – прим. Переводчика.

Братеглич, подтверждала мое мнение. Однако офицер шхуны, штурман Имперского флота, не соглашался со мной, основываясь на положении этой бухты на карте Черного моря лейтенанта Будищева, который поместил ее в двадцати пяти милях от крепости Суджук, от которой мы были, всего лишь в примерно двенадцати милях; он убеждал меня направиться к бухточке, расположенной чуть поодаль, на небольшом расстоянии от мыса, закрывавшего от нас остальной южный берег. По моему мнению, эта бухточка была турецким Яланджи-Геленджиком²¹ (Фальшивым Геленджиком). Поскольку, с топа мачты, за мысом виднелась вода, я уже был готов войти в бухту с попутным ветром, когда углядел черкесский баркас, шедший вдоль берега, и послал навстречу свою шлюпку с шестью моряками и переводчиком, с целью окончательно убедиться в том, что и так казалось мне очевидным.

Черкесы вначале хотели избежать встречи; однако вскоре позволили к себе приблизиться, и я услышал пение их любимого напева Арирача²². Наши посланники поспешили назад, уведомить нас, что мы находимся напротив Геленджика. Легкий ветерок с запада, позволил нам войти в бухту, двигаясь правым бортом достаточно близко к мысу, возле которого мы обнаружили девять фатомов глубины; и в три часа я опустил якорь с правой стороны бухты, на илистое дно глубиной шесть фатомов, в удалении полутора ружейных выстрелов²³ от трех складских зданий на берегу.

Наше прибытие привлекло на берег большое количество черкесов. Я подумал о высадке на берег с переводчиком, который советовал мне захватить в шлюпку некоторое количество сабель и пистолетов; однако я решил, что более мудро будет завоевать доверие жителей, прибыв безоружными, и довериться их гостеприимству. По мере нашего приближения, их количество быстро увеличилось, все они, по-разному одетые, блистали оружием.

Со своей стороны я ничего не мог противопоставить, и сознаюсь, что к моим чувствам примешивалось беспокойство. Я приближался к диким людям, многие столетия известным своим варварством, и не имел ничего противопоставить их склонности к грабежу, кроме имени человека, которого я не знал лично, отношение которого ко мне было неизвестно, который жил в десятке миль отсюда, и на чью защиту, по европейским понятиям, я не смел рассчитывать.

{Как сильно я обманывался, насколько уважаемым и священным является чувство, которое черкесы связывают с гостеприимством! Можно видеть, что добродетель практикуется в их среде, тогда как мы находим ее только в сочинениях философов}²⁴.

После высадки, черкесы окружили нас, и явно не терпели услышать имя нашего кунака; которое должно было стать сигналом нашей свободы или рабства. Я дал им понять, что мы являемся людьми князя Мехмета Индар Оглы; тогда они протянули нам руки, и поздравили со счастливым прибытием. Поскольку было поздно, я удовлетворился

²¹ Jalandji-Gelendjik – прим. Переводчика.

²² См. приложение.

²³ Дальность стрельбы гладкоствольных ружей составляет 150-250 м. – прим. Переводчика.

²⁴ Этот абзац исключен из русского издания. – прим. Издателя.

расспросами о нашем кунаке и наших уполномоченных, которым я послал срочное сообщение, пообещав две малых меры соли в компенсацию за их приезд.

По возвращении на борт я отдал приказ, чтобы каждая вахта состояла из половины команды, которая должна была не спускать глаз с окрестностей, и что я и переводчик должны быть разбужены при приближении любой лодки. Береговой ветер с юго-востока, поднявшийся на закате, дул всю ночь.

3 мая. – Этот день, так же, как и днем ранее, наш флаг развевался на корме, а генуэзский флаг – на бизани. Последний вывешивался каждый день, по совету господина Скасси, считавшего, что это пойдет нам на пользу, поскольку, по его словам, эти люди любят генуэзцев, которых называют «дженувес», и к которым расположены как к братьям, совсем как к французам. Однако мне легко было понять, что эта предосторожность была излишней, черкесы, которым я пожелал указать на этот флаг, не понимали, что я собственно имел в виду.

{Позже я наблюдал принимаемые двумя нашими уполномоченными меры для страховки их действий, показавшиеся мне гораздо более просчитанными, и состоявшие в том, что они считались французами, и не казались российскими агентами}.

Я не знаю, чему приписать привязанность черкесов к французам, которых они называют «франци», но чаще – «франки». Что касается их расположенности к генуэзцам, она, несомненно, обязана сильному влиянию, которое эта республика в прошлом имела на Черном море, и колониям, которые вероятно организовывались на абазских берегах. Некоторые исследователи, что было бы нетрудно, могут просветить нас на этот счет; и может быть удастся отыскать генуэзские слова в языке натухайцев-черкесов; принимая во внимание их обычай приветствия снятием головного убора, что уникально на Востоке, и кажется доказательством связей с европейцами.

Братские чувства, которые нас объединяли, никоим образом не уменьшали необходимость в кунаке. В 1813, польские военные, сосланные как пленные в Грузию за службу во французской армии, вторгнувшейся в Россию, и горящие желанием вернуть свободу, задумали бежать вдоль побережья Кавказа, и дюжине из них это удалось. После нескольких дней перехода, они встретили черкесов, которым назвались французами; на что последние пригласили их в свои жилища и неплохо с ними обращались; однако остались верны своим привычкам, и когда поляки захотели продолжить свой путь, каждого задержал человек, к которому он попал по жребию, и постарался объяснить, что больше они не свободны, но по братскому обычаю их при первой же возможности продадут торговцам, приплывшим к местным берегам. И в самом деле, когда я был в Анапе в мае 1813, после передачи этого города туркам, пленника, жившего поблизости, привели ко мне. Я имел слишком мало денег, и не мог собрать требуемую сумму, оставалось только смотреть, как уводят в горы несчастного, который ободрился улыбкой надежды, и чья невыразимая мука трогала мое сердце. Я пробовал было вызвать сострадание у его хозяина, но тщетно. Тогда я вспомнил, о драгоценном камне, оправленном в золото, который был мне очень дорог; он принадлежал самой нежной из матерей, которой я лишился год назад: жертва была достойна той, что дала мне жизнь. Я не колеблясь сделал

это, и получил счастье возвращения человека к свободе! Поскольку в Европе продолжалась война, он предпочел отправку на турецком судне в Константинополь, посадке в русском порту. Этот честный солдат поспешил обратиться к щедрости некоторых знатных персон, чтобы раздобыть средства для оплаты долга, хотя я был далеко и не просил возврата; однако этот человек, несмотря на рабство у варваров сохранивший чувство гордости, вдохновляемое уважением, связанным с великой нацией, был отвергнут теми, кто бы должен был ему покровительствовать; он мог умереть от голода в Константинополе, если только не нашел средств к существованию своим ремеслом. Я сожалею, что не удосужился отметить его имя в записной книжке. Он был младшим уланским офицером, уроженцем Кракова. С тех пор я узнал, что многие из его товарищей были выкуплены господином Мирковичем – рагузским торговцем из Анапы.

{Черкесы восхищаются Наполеоном, которого называют Великий джигит²⁵ Панапурте}²⁶. Имперское правительство Франции продемонстрировало желание воспользоваться воинственностью и духом свободы черкесов, обязав господина Фурчада – генерального консула в Синопе с 1803 по 1811 гг. – собрать о них подробную информацию. Этот способный чиновник не смог получить какие-либо удовлетворительные сведения, поскольку был вынужден ограничить свои изыскания приморскими городами Анатолии.

В восемь часов лодка, показавшаяся на входе в бухту, направилась к нам. Находившиеся в ней четыре человека с песней поднялись на борт шхуны, и после приветствия снятием головных уборов, они сказали, что посланы из Пшады супругой нашего кунака, которая, услышав о нашем прибытии, поручила им нас поприветствовать и предложить свои услуги. Я угостил их бренди, которого каждый из них выпил по три рюмки. Это их местный обычай, вне зависимости от напитка, или величины бокала. Их лодка, как и все остальные, которые довелось видеть позднее, была плоской, без киля, обшивка прикреплена гвоздями и деревянными стяжками к очень тонким шпангоутам: с носа поднималась фигура, представляющая голову животного, которого трудно было опознать; черкесы настаивали, что это голова козла.

Может ли это не быть воспоминанием о таране, на носу греческого судна, продырявившего Фрикса²⁷, память о котором так долго сохраняется этими людьми? Их необычно длинные весла имеют короткие лопасти, имеется небольшая деревянная перекладина для отдыха рук; есть румпель и небольшой квадратный парус. Многие из этих лодок достаточны для перевозки шестидесяти человек: на таких лодках они иногда

²⁵ Смелычак.

²⁶ Этого предложения нет в оригинале. – прим. Издателя.

²⁷ Натуралистическая интерпретация начала мифа о золотом руно; в канонической версии: Фрикс и Гелла – дети Афаманта, которых мачеха Ино планировала принести в жертву Зевсу. Златокудрый овен забрал детей из дома в Орхомене и понес по воздуху на восток. Дети на его спине держались что было сил, но, над проливом между Европой и Азией, Гелла упала в море. С той поры море, где погибла Гелла, стало называться Геллеспонтом. Фрикса овен довез до Колхиды, где в благодарность мальчик его зарезал, а шкуру – золотое руно, отдал Эту, правителю Колхиды, поместившему руно на хранение в священную рощу Ареса под присмотр бессонного дракона. – прим. Переводчика.

проводят безоружные торговые суда попавшие в штиль неподалеку от их берегов. Античные писатели называли их «камара».

Для переправки на берег я спустился в лодку, принадлежавшую вассалам Индара-Коу, хором распевавшим «Аррирача» – род напева, который черкесские гребцы поют в два хора, сопровождая движения своих весел, усиливающиеся или ослабляющееся, согласно различной тональности песни. Они сопровождают этот напев некоторыми, довольно комичными, искажениями, что, по их мнению, одно из главных свойств хорошего гребца.

Мы высадились на том же самом месте, что и предыдущим вечером, справа от небольшого ручья, возле которого были построены три хижины из сплетенных жердей, служившие складами. Несколько черкесов вышли навстречу; среди них был старый грек, живший в стране сорок лет. Он был женат на черкешенке, от которой имел несколько детей. Жена умерла двумя годами ранее от чумы. Этот человек пригласил нас войти в один из складов, где он до сих пор хранил 600 пудов соли. В восторге от встречи местного жителя с которым мог разговаривать, я принял его предложение, и уселся на каких-то старых циновках, служивших ему диваном. Пока мы курили трубки, он рассказал мне, что князь Индар-Оглы был приглашен в окрестность крепости Суджук, отметить годовщину погребения одного из своих друзей, а наши местные уполномоченные присоединились к нему. Один из них, по имени Мудров, только что увез из Пшады юную девушку, чем разозлил значительную часть местных обитателей долины до такой степени, что это вызывало страхи последующих бедствий для нашего представительства; Индар-Оглы, который как кунак, был обязан защищать его, оказался под не меньшей угрозой чем сам Мудров.

Я спросил, сможем ли мы, если найдем сопровождающего, обойти окрестности, казавшиеся великолепными. Я получил утвердительный ответ, и человек подал нам знак следовать за ним. Мы вышли с ним на очаровательную равнину, где поток прорезал свое русло в тени платанов, ясеней, грабов, диких яблонь и груш вперемешку с виноградными лозами, карабкающимися к их верхушкам. Мы вскоре очутились перед входом в густой лес, где наш проводник остановился, и сказал нам с довольным видом, что позволит нам испить молока: он держал свою саблю в руке, и пистолет за поясом – неожиданная догадка охватила нас: штурман и переводчик выглядели растеряно, а я уже сожалел, что зашел так далеко. Однако приятное лицо этого человека убедило меня пойти за ним, и товарищи последовали моему примеру. По узким тропинкам, пересекавшим лес в разных направлениях, добрались до поселения, состоявшего из четырех хижин, окруженных деревьями. Мы вошли в ближайшую, предназначенную для гостей. Она состояла из одной комнаты, снаружи и изнутри обмазана глиной: большой очаг татарского стиля располагался в конце, а с каждой стороны находились два вида диванов, покрытых циновками; седла, уздечки и оружие украшали стены. Нам было сказано, что мы находимся в жилище князя, родственника нашего кунака, по имени Шагане-Гази-Оглы-Кошмит, который сейчас отправился на ту же церемонию, на которую призвали Индара-Оглы. Один из его слуг, типа управляющего, принял нас очень любезно, и предложил нам разнообразные закуски; но осознав, что нам не терпится продолжить прогулку, пригласил нас на следующий день.

Мы вышли к морскому берегу, где, во время разговора с греко-черкесом, я наводил справки относительно продажи товаров: он сильно сожалел о тех изменениях, что произошли здесь после того как чума произвела столь страшное опустошение: болезнь только недавно отступила, унеся значительное количество жителей побережья²⁸. Этот бич кажется устроил черкесов, и заставил думать, что бедствия могут постичь их за любые связи с турками.

Ни одного корабля этой нации еще не показывалось с установления прекрасной погоды, и согласно всем заходов не будет, поскольку Анапский Паша заинтересованный, чтобы вся меновая торговля с абасами сконцентрировалась в его крепости, преуспел, убедив Порту запретить оттоманским подданным посещение любых других частей побережья. Эта мера, заставившая жителей наиболее удаленных районов отправляться за необходимыми покупками в Анапу, очень их настроила против него. Мягкий южный ветер со взморья ослаблял дневную жару, которая последовала за восхитительной ночью; ветер с суши наполнял воздух благоуханием тысяч ароматических растений, и песней соловья, единственно нарушавшей тишину, царившую над всем пространством бухты. Ближе к одиннадцати часам пронзительные крики достигли наших ушей; они походили на призывы черкесов к оружию, о которых мы уже слышали упоминание, и подумали, что нам угрожает атака; но переводчик успокоил наши страхи, сказав, что это вой шакалов²⁹. Эти животные, которые, как говорят, не водятся в Европе, имеют природу лис; они великие воры, и часто утаскивают обувь и шапки тех, кого находят спящими в лесу; они очень алчны до падали. Их шкуры используют для меха. Временами ночью они собираются в значительном количестве в лесах, издавая вой подобный только что слышанному нами. Черкесы сочли это за признак приближающегося дождя: я не знаю, была ли примета верной, но определенно этот вой беспокоил бы нас долгое время, если бы не случилось человека, знавшего разницу между криком этого животного и боевым кличем местных жителей, которые очень похожи, особенно для таких мало практиковавшихся ушей, как наши.

4 мая. – В восемь утра мы сошли на землю в месте, где нас приветствовали; мы встретили здесь третьего сына Индара-Оглы, которого побудила приехать новость о нашем прибытии в Геленджик. Этот юный князь, по имени Касполете, отличался приятной внешностью; его милое лицо расположило нас в его пользу. Он был высок, хорошо сложен, и очень худощав, как все черкесы: его одежда, походившая на виденную мной на всех встреченных до сих пор, не была примечательной. Он носил широкие льняные брюки, прилегавшие к ноге от колена и ниже; жилет, или туника, служившая и рубашкой, были покрыты одеждой той же формы из серой ткани, имеющей с каждой стороны сафьяновые чехольчики для

²⁸ Эта чума унесла двух юношей, отданных родными в заложники Дюку Ришелье, во время его пребывания в Одессе; они были отданы в Лицей этого города, и получили хорошее образование, но говорят, что по возвращению домой они снова одичали. (Примечание добавлено в Симферопольском издании).

²⁹ Олеариус рассказывает о глубоком впечатлении, которое крики этих животных произвели на личного секретаря герцога Гольштейнского, после кораблекрушения оказавшегося на дагестанском берегу: в конце концов он сошел с ума.

зарядов. На ногах были длинные гетры серой шерсти, без стопы, закрепленные под коленом фетровой подвязкой; сафьяновые туфли, очень высокие, без каблуков; на голове – папаха из овчины. Вооружен он был ружьем, с небольшим круглым прикладом, носимым на наплечном ремне в шерстяном чехле; очень длинным кинжалом, пистолетом, оправленным в серебро, и саблей, с закрепленной на манер ножа рукоятью из того же металла, без гарды, расшитые ножны которой были собраны из нескольких кусков сафьяна различных цветов.

Вся роскошь черкесов состоит из прекрасного оружия, которое они содержат с величайшей заботой. Они бреют свои головы, но немногие из них делают это столь часто как турки, и пучок, сохраняемый на макушке – шире. Старики бреют бороды, тогда как молодые в большинстве только обрезают их ножницами, так что большая часть остается, показывая возраст зрелости. Все они носят усы, той или иной длины.

В 9 часов слуга, пригласивший нас прошлым днем, пришел чтобы проводить нас к своему дому. Во время нашего продвижения туда, мой переводчик сообщил мне, что черкесы не имеют определенных часов для трапезы, и что едят они, только когда голодны, кусок хлеба или просяной запеканки. Во время их путешествий, или набегов на соседей, небольшое количество ферментированной просяной муки достаточно для их пропитания в течение всего дня. Они носят эту пищу, которую называют «комил», в небольшой кожаной сумке, подвешенной к седлу. Только по случаю прибытия чужеземца, или в праздничные дни эта бережливость преодолевается; тогда они едят все время роскошную пищу.

Мы были приняты в том же помещении, что и в прошлый день, и были вынуждены присесть тотчас же при входе, и оставались на этом месте до самого ухода. Эта неподобающая практика, связанная с этикетом к чужеземцам, очень досаждала мне; для того, чтобы сделать ее сносной, я воспользовался свободой принимать различные позы: все кроме одной оказались неудобными, и примечательно, что эта единственная привычна восточным людям, а именно – сидеть со скрещенными ногами и на каблуках.

Черкесы при входе вверили все свое оружие домочадцам, которые немедленно повесили его на стену, рядом с оружием хозяина дома³⁰. Оставили только кинжалы, с которыми никогда не расстаются. Они остались стоять из уважения к нам: если бы нас здесь не было, все бы они уселись, за исключением хозяина дома. Нам принесли воды для омовения рук, после чего сразу был накрыт ужин, на восьми круглых столиках, около трех футов в диаметре, быстро появившихся один за другим. На первом были различные блюда с засахаренными фруктами и молочной пищей; на втором – пирог, приготовленный из просяной муки; в середине было прекрасное куриное рагу, красное от обилия стручкового

³⁰ Я развлекал себя, сравнивая некоторые черкесские привычки с обычаями древних греков, описание которых Гомером, я включил в примечание:

«Копье, полученное из его рук, он поставил
К колонне, украшенной прекрасной скульптурой;
Где в подобающем порядке мирно стояло
Оружие Одиссея, надолго отошедшее от кровопролития».
Одиссея, Книга I.

перца. Я съел лишь немного, поскольку оно было горячее, а вилок мы не имели; просяные лепешки использовались вместо хлеба. Остальная часть еды состояла из солонины, которую едят с медом, плова³¹, яиц и т.п.; по окончании трапезы вновь принесли воду для мытья рук. В Черкессии считается позорным есть перед чужеземцами, и наш хозяин, юный князь, со своими друзьями, отведали ужин только когда наш десерт вынесли прочь, во двор.

Мы принесли носовые платки и иглы в подарок хозяйке дома, но поскольку она не появилась, я послал подношения через своего переводчика, передавшего ей, и супругу, благодарности за оказанный нам прием.

Сын Индара-Оглы с удовольствием принял предложение посетить наше судно: он прибыл в сопровождении нескольких черкесов, проважавших нас к берегу. Хотя мы только что встали из-за стола, я распорядился накрыть ужин, который мы нашли готовым по прибытию, что, по-видимому, им очень понравилось, равно как и несколько рюмок бренди, которые они выпили с разными интервалами, согласно своему обычаю, каждый выпил три рюмки. Я говорил с ними о турках, в которых они сильно разочаровались, после опустошений произведенных чумой и запретом торговли на их берегах. Один из них зашел далеко, сказав, что, несомненно, отношения с Россией подходят им лучше, если та будет уважать их свободу. Я уверил их, что в планы этой державы не входит лишение их свобод, она лишь желает установить торговые связи, для поставок по их нуждам, и должна обеспечить их спокойствие.

Мы отметили отбытие князя салютом из трех орудий. Он проследовал с другим юным черкесом в окрестности крепости Суджук, где находился его отец, с целью показать свое мастерство в пешех и конных состязаниях, принятых на годовщину погребения. Эти празднества состоят в основном из молитв у надгробия ушедшего, и обильной трапезы для гостей. Несколько предметов, переносимые быстрым конником, становятся призом для наиболее умелых наездников, которые так же верхом, прилагают все усилия, чтобы догнать его и получить награду за свою быстроту. Различные упражнения подобного рода завершают празднование.

5 мая. – В этот день – воскресенье, грек Димо спросил моего разрешения подняться на борт, чтобы помолиться перед крестом, висевшим в каюте. Я с удовольствием согласился с его желаниями, и он принес несколько свечей желтого воска, которые черкесы, так же как и мы, используют в своих религиозных церемониях. Житель Геленджика, пришедший с ним, сохранял во время этой молитвы уважительное молчание.

Из ответа на срочное сообщение, посланное мной нашим уполномоченным, мы узнали, что один из них, господин Тауш, прибудет завтра.

³¹ Плов – рис, сваренный на воде и сдобренный маслом, используется на востоке.

В этот день я получил замечательное доказательство умеренной стоимости скота: я заплатил за теленка солью, ценою в восемь турецких пиастров; две козы и некоторое количество яиц обошлись нам в два фунта соли и оча³² железа.

6 мая. – Пистолетный выстрел с суши возвестил нам о прибытии господина Тауша: он задержался вследствие инцидента с Мудровым, детали которого оказались еще более неприятными, поскольку мне казалось, что недоверие и презрение к иностранцам, которые уже действовали вызывающе по отношению к их законам, с неизбежностью усилятся, и породят новую ненависть. Однако пока я не мог составить оценку преступления нашего уполномоченного, поскольку слышал, что в Черкессии влюбленный должен украсть свою невесту. Господин Тауш объяснил мне ситуацию следующим образом: – Прекрасный пол, хотя и предназначенный судьбой для домашних работ, здесь, в отличие от Турции, далек от обреченности на вечное затворничество. В особенности юные девушки, допускаются на все празднества, которые они украшают своим весельем, их общество служит наиболее приятным отдыхом для мужчин, с которыми они общаются с величайшей фамильярностью.

Как только юноша сделал свой выбор, он должен согласовать с отцом цену его дочери; выкуп состоит в основном из кольчуг, сабель, ружей, лошадей и рогатого скота. После завершения сделки, юноша приходит увести свою любовь, сопровождаемый своим другом, который помещает ее на спину лошади, и садится сзади нее. Затем они пускаются полным галопом к жилищу одного из своих друзей. Крестный отец представляет юную девушку, которая вскоре будет введена в брачный чертог: здесь она терпеливо ожидает одна, ее жених поддерживает огонь, служащий для освещения. Только когда предполагается, что все люди в доме заснули, друг идет искать его в лес, чтобы привести жениха к невесте. Перед тем, как предаться божественным удовольствиям, которые соединят их, жених распускает своим кинжалом корсет, который невеста носит с возраста пяти-шести лет. Он сделан из сафьяна, и снабжен двумя деревянными планками, закрепленными на груди, которые своим сильным давлением препятствуют выпиранию груди. Эта часть тела рассматривается как признак материнства, и молодой девушке стыдно выставлять ее напоказ. Корсет также сильно стягивает грудь от ключиц до талии с помощью шнуровки, проходящей через кожаные петли; иногда для этой цели служат серебряные крючки; они носят его даже ночью, и снимают только когда он изнашивается, чтобы одеть другой, столь же тесный. Это может привести, говорят некоторые, к тому, что фигура черкесской девушки в день ее замужества имеет тот же размер, что и в шесть лет³³.

³² Около 2 $\frac{3}{4}$ фунта.

³³ Автор пишет о перетяжке груди, как о странном варварском обычае, достойном упоминания. Однако историки европейского костюма отмечают: «В Средневековье Церковь очень сильно влияла на представления о прекрасном, пропагандируя асексуальность. Искусство было неотделимо от религии, и по девушкам с гравюр можно легко отследить идеалы красоты. Героиня Средних веков выглядела примерно так: миниатюрные руки и ноги, высокий лоб, круглый живот, светлые волосы, плоская грудь. *Для того чтобы сделать округлые формы как можно более незаметными, грудь перебинтовывали и перетягивали металлическими пластинами уже с детства*». Нагаева Е. Вещи-убийцы. 30.07.2014. <http://www.be-in.ru/review/33285-veshi-ubijcy/> - прим. Переводчика.

Господин Лакруа, который в своей работе о странах, расположенных между Каспием и Черным морем, опубликовал некоторые довольно точные детали относительно черкесов, вероятно был введен в ошибку теми, кто обеспечивал его материалами, из которых он формировал свой рассказ, когда он говорит: «плечи молодых девушек становятся очень широкими вследствие ношения корсета – изъян, которому уделяется мало внимания, ввиду красоты их грудей». Напротив, чужестранцев шокируют плоские груди юных черкешенок, и только замужние женщины, освобожденные от девичьего корсета, позволяют Природе восстановить ее права.

Никаких церемоний, кроме описанного празднования, не требуется чтобы узаконить брак. Следующим утром на рассвете муж оставляет свою юную супругу, ставшую владелицей отдельного дома, который он построил для нее на свои средства, и в котором он увидит ее вновь ночью, или же, с величайшей таинственностью, днем – из-за бесчестья, связанного с идеей показаться с женой на публике. Если муж богат, он сразу же уплачивает свекру оговоренную ранее сумму, в противном случае он делает это постепенно, и часто исполнение соглашения занимает несколько лет.

Обычай не видеть своих жен не вытекает из презрения черкесов к прекрасному полу; напротив, я думаю, что изначально это было установлено для продления царства любви между мужем и женой, через установление трудностей, какие переживают любовники в обладании друг другом, и чему может быть приписана продолжительность их иллюзий. Подобный закон был принят Ликургом для лакедемонян, что могло бы служить доказательством происхождения абазов, или, скорее, основания пелопонесцами колоний на их берегах, если бы не тот факт, что многие народы имеют подобный обычай со своего младенчества. Сами спартанцы отличались от прочих греков лишь тем, что поддерживали себя посредством учреждений, от которых они отступали по мере того, как становились более цивилизованными.

Мудров был некоторое время знаком с молодой девушкой, в которую безнадежно влюбился, и которая была так же привязана к нему. Однако ее родители отказались выдать дочь за него, имея ввиду более выгодный для нее союз среди шапсугов – это правда, даже в Черкессии любовь не лишена препятствий и трудностей, возникающих из-за честолюбия и выгоды; но везде она богата средствами, внушив новую идею нашей черкешенке, которая, вопреки строгостям, с которыми она содержалась своей семьей, нашла средства по секрету сообщить своему любимому день, когда она будет увезена от него прочь, и полностью доверяя его храбрости, она предложила себя украсть. Мудров – грек, чувствителен к обидам, загорелся отомстить, он собрал сыновей Индара-Оглы, рассказал им об унижении, полученном с отказом в обладании той, которую его сердце выбрало в жены, и попросил их помощи. Звание кунаков обязывало согласиться на его требование; они тут же отправились в засаду на пути, где должен был пройти кортеж: сразу же как он появился, они разогнали сопровождающих, и юная Матапхе – приз победы, была с триумфом увезена к старому князю, где в тот же вечер соединилась со своим любимым.

Господин Тауш подтвердил новость о запрете, наложенном Оттоманской Портой на турок, торговать в любом месте побережья, кроме Анапы: это обстоятельство показалось мне

крайне благоприятным для установления наших торговых отношений. Для закрепления успеха, мы должны были поспешить поставить черкесам все те товары, которыми их ранее снабжала турецкая торговля; и Россия должна этим воспользоваться, тем более что она обладает многими из наиболее востребованных изделий, которые эта нация вынуждена поставлять по запросам Крыма.

Я решил послать в карантин Бугаза человека, снабженного письмом к господину Скасси, для которого было важно ознакомиться с этим вопросом.

Таланты и ум господина Тауша восхищали меня. Этот уполномоченный был молодым немцем, которого обстоятельства заставили поселиться среди черкесов после работы в торговле Анапы, когда эта крепость принадлежала русским: он в совершенстве выучил их язык, и стал незаменим для господина Скасси, который с самого начал приблизил его к себе, и назначил главой представительства в Пшаде. Семилетнее пребывание в стране, заставило его перенять манеры и обычаи жителей, которые, кажется, его полюбили. Он может быть весьма полезным нашему предприятию, и более того, я не видел кого либо, кто мог бы занять его место.

7 мая. – Я воспользовался его присутствием для подробного изучения якорной стоянки Геленджика, и завершения ее плана, который я изготовил.

Этот порт называется жителями Кутлузи³⁴; его устье около мили шириной. Мыс по направлению к северо-востоку низкий, без деревьев, ограничен кромкой из карбонатных пород, выступающей к юго – юго-западу на расстояние около полутора кабельтовых. По направлению к югу обрывист и сложен сланцами, формирующими косые слои: местные называют его Тлювес³⁵; в конечной точке мыс поднят около двадцати пяти футов над уровнем моря, и продолжает подниматься к юго-востоку, по направлению к долине Мезип³⁶. Наверху растут редкие кустарники; прибрежная отмель выступает на десятую кабельтова к югу, формируя сланцевое дно, которое окружает мыс и протягивается до внутренней части порта по направлению к складам, где оно становится намного шире. Море вдается в сушу примерно на одинаковое расстояние с обеих сторон – с востока – юго-востока и запада – северо-запада – формируя эллипс, или, говоря яснее, фигуру устричной раковины, примерно две с половиной мили длиной и полторы мили шириной. У входа в бухту глубина шесть фатомов, и постепенно уменьшается по направлению к берегу, поблизости от которого, в правой части от входа в бухту, все еще четыре фатомы глубины. Никакой ветер с моря не может повредить судам в этом порту: предосторожности должны быть приняты только от северо-восточного ветра, который неистово срывается вниз с гор. Что характерно для всех якорных стоянок на этом побережье. Долина, сквозь которую дует ветер, спускается к морю поблизости к складам, имеет протяженность около лиги: ее необходимо пересечь по дороге на Пшаду. Долина ограничена с севера и юго-востока, со

³⁴ Koutlouzi – прим. Переводчика.

³⁵ Tliouvieuse – прим. Переводчика.

³⁶ Долина Мезип является тем, что турки называют Яланжи-Геленджик, или Фальшивый Геленджик. – прим. Автора; (yanlız – тур., – ложный – прим. Переводчика)

стороны Мезыпи высокими горами, а с юга высоким холмом, формирующим мыс Тлювес. В этой долине находится большая часть жителей Геленджика, разбросанных по лесу на расстоянии около четверти лиги один от другого. По соседству возделаны некоторые поля. Вся северная часть бухты занята подножиями гор, очень крутые склоны которых рассечены оврагами. Деревья здесь очень маленькие, и сильно разбросаны, без сомнения вследствие потоков воды, которые в дождливый сезон должны течь стремительно. Берега неровные, сложены серыми сланцами, поверх которых текут прозрачные потоки. Передвигаться возможно только по берегу, верхом, или даже пешком. Влево от порта, напротив складов, виднеется другая равнина, покрытая лесом, как и предыдущая, протяженностью около полутора лиг по направлению к Суджуку.

Вся эта страна кажется мне очень плодородной: почва покрыта огромным количеством растений, что часто заставляло меня сожалеть, что я не был ботаником; я видел множество ароматических трав. Вопреки отвращению, которое черкесы испытывают к черепахам, они позволяют им спокойно размножаться на своих землях, где они находятся в удивительном количестве. Морские черепахи, хоть и многочисленные, такого количества не достигают. Из того, что я слышал о некоторых частях материка, и находок пемзы на морском берегу, кажется, что прежде в этой стране были вулканы.

В целом, все абазское побережье очень неточно отображено на русской карте Черного моря, выполненной лейтенантом Будищевым; но наиболее заметная ошибка – широта якорной стоянки Геленджика, отмеченной на карте на 44°24' с.ш., и которая, исходя из наблюдений сделанных мной во время пребывания здесь, составляет 44°33'. Разница в 9' по широте приводит к разнице в пятнадцать миль.

8 мая. – Согласно полученным данным разведки, жители Пшады, кажется, отвергали любые условия примирения. Князь Мехмет, чье прибытие назначено на субботу, должен будет указать место, где мы сможем провести выгрузку. Этот князь послал своего управляющего, позаботиться о нас в период нашего пребывания.

С момента нашего прибытия, я был убежден, что появление команды, по больше части состоящей из русских, возбудит в черкесах недоверие; я делал все чтобы его рассеять, но некоторые нескромные разговоры, о которых я не знал, и которые велись штурманом и моряками с некоторыми рабами их национальности, схваченными на Кубани, и живущими в Геленджике у различных хозяев, усилили подозрительность. Переводчику удалось усилить их недоверие, намекая, что плотники, посланные на заготовку деловой древесины, были людьми на службе Правительства. Вместо того чтобы внушать черкесам, насколько выгодными могли бы стать торговые отношения с нами, такое неблагоприятное поведение давало пищу размышлениям среди туземцев, что вело к безнадежности успеха нашего мероприятия.

– «Мы никогда не знали с русскими», – говорили они, – «иначе, как с оружием в их руках; и этот народ всегда показывал величайшее желание обладать нашей территорией. Наша доблесть, поддержанная силой Султана, к счастью препятствовала их планам, и

заставила возратить в 1812 то, что они забрали у нас³⁷. Но несмотря на опасность которой мы подвергались появлением столь грозных врагов, мы тем не менее согласились, что они должны пользоваться священным правом гостеприимства, и что одно из их судов³⁸ может приблизиться к берегам Пшады под управлением Скасси – известного нам несколько лет торговца, который получил строевой лес в обмен на соль. Этот человек обещал обеспечить все наши потребности через выгодную торговлю; но, нисколько не заботясь о нашем благополучии, он, получавший под нашим кровом хлеб и соль, обещал России завершить разрушение нашей независимости, и в попытках преуспеть в этом, он ежедневно увеличивает количество своих агентов на наших берегах, что ведет к посещению солдатами; и мы не сомневаемся, что торговля является только средством посеять раздор среди наших князей, и понастроить представительства, которые в случае необходимости вы превратите в крепости».

Все эти рассуждения могли быть легко предложены Анапским Пашой этим людям, которые ни в коем случае не обделены проницательностью и умом.

9 мая. – Вследствие того, что я узнал предшествующим днем, я распорядился, чтобы шлюпка не отходила далеко от шхуны, как это иногда случалось в наших экскурсиях, если только в ней не находились черкесы.

Мой титул француза, однако, рассеял худшие подозрения: многие черкесы каждый день поднимались на борт, часто даже к ужину. Один из них, которого я еще не видел, и который нанес свой первый визит, обрадовался знакомству со мной, и попросил меня сойти, и нанести ему визит после обеда. Искренность его манер понравилась мне, и я отправился к нему в назначенный час. Он был дворянином, принадлежавшим к свите отсутствующего князя, братом Кошмита, по имени Атиохай.

Расположение его резиденции прекрасно – на расстоянии двух ружейных выстрелов от моря, в окружении прелестного английского сада и очаровательного леса. Было поздно, закуски были нам поданы с обычными церемониями. Уже знакомые с черкесскими обычаями, мы были более непринужденными, и веселый характер хозяина развлекал нас бесконечно. Я нашел блюда чрезвычайно приятными, хотя, как и в прошлый ужин, плавающими в масле и меде. В восемь часов вечера мы разошлись лучшими в мире друзьями, обещая друг другу часто встречаться.

Черкесы разделены на три класса: первый – князья, которые рассматриваются как чиновники страны, и чья власть зависит от количества вассалов, связей и союзников, которых они могут вооружить для набегов, или обороны от соседей. Их дочери часто передают титул своим мужьям, но это хуже, чем титул приобретенный военными подвигами.

³⁷ Анапу и небольшую крепость Суджук.

³⁸ Транспорт «Дунай»

{³⁹ Равно остальному народу, жажда приведения в подчинение является им незнакомой. Юный князь, который в битве покажет достоинство своего ранга, не посмеет сидеть в присутствии пожилого человека, не получив его разрешения. Единственная прерогатива которой они обладают, состоит в дележе трофеев, взятых у врага, и пошлин, которыми они облагают суда, пришедшие торговать на их берегах. Половина принадлежит им, и разделяется между теми, кто сопровождал их в военных походах, или жителями подчиненных ему мест, которые избраны иностранцами для меновой торговли}.

Существует два вида князей – Хануки, которые не слишком многочисленны, и Пши.

Второй класс составлен дворянами, некоторые из которых становятся очень мощными, вступая в союз с многочисленными семействами {и носят титул Ворки или Уздени; им позволено, как и князьям, носить красную обувь}.

Вассалы, в той же самой манере, что существовала в Европе в феодальные века, живут от отца к сыну в зависимости от князя, чьи поля они обрабатывают во время мира, и которого они обороняют во время войны. Каждый из них обладает некоторой землей и скотом, над которыми князь не властен, равно так же как и над вассалом и его семьей, которые в случае недовольства свободны уйти и обосноваться где-то еще. Единственным правом наказания является то, что князь может их продать, но в таком случае дело должно разбираться народным собранием.

Эти классы очень мало отличаются одеждой, и бытовыми привычками, так что между ними царит самое идеальное равенство.

Можно добавить сюда четвертый класс, а именно: пленники, захваченные в походах, и ставшие рабами, которых они либо продают туркам, или держат между собой: их дети, как правило, все становятся вассалами. Я думаю, количество русских, включаемых в этот класс, может быть приблизительно оценено в 3 000.

{Все чужаки, попадающие в их руки, и не имеющие кунака, подобным же образом становятся частью этого класса; к ним относятся гуманно⁴⁰}.

Трудно представить, как эти люди, которые сами имеют рабов, и для которых свобода является первым благом, могут убедить себя продать своих детей. Отец располагает таким правом над своими отпрысками; брат над сестрой, если они лишены родителей; и муж тоже может продать свою жену, если она виновна в измене. Быть проданной – часто единственная мечта хорошенькой девушки, поскольку тогда она уверена, что попадет в турецкий гарем, который они предпочитают черкесскому образу жизни. Нередко случается видеть некоторых из них вернувшимися в свою страну после получения свободы. Они привозят с собой отчеты о радостях этих сладострастных тюрем, и вид подарков, с которыми они возвратились, достаточен чтобы решить судьбу многих, требующих быть проданными. Однако из князей немногие продают своих детей.

³⁹ Этот мастерский пассаж был дополнен русским издателем. – *прим. Издателя.*

⁴⁰ Это добавлено в русском переводе. – *прим. Издателя.*

10 мая. – Черкес, которого я убедил присоединиться ко мне, почти упал в море, пока ставил ногу на трап; однако, я его удачно вовремя поймал. Господин Тауш поздравил меня со случившимся, и сказал, что если бы он утонул, я был бы вынужден заплатить его стоимость родственникам, которые вне сомнения, принудили бы меня это сделать. Удивление, высказанное мной относительно столь необычного правосудия, побудили его привести различные исторические анекдоты, из которых эти люди почерпнули способ действий, и которые приводят как примеры величайшей справедливости.

Два черкеса сообща владели участком земли, на котором росло дерево, кора которого была ободрана одним из собственников: вскоре он уступил свою долю участка компаньону, и отправился жить в другой район; дерево высохло, и для того чтобы свалить его, владелец разжег вокруг огонь; пока оно горело, человек, решивший подойти и разжечь от огня трубку, был раздавлен его падением. Семья пострадавшего набросилась на собственника, и потребовала цену человека, причиной смерти которого он стал. Практика была обычной: казалось он не может ничего возразить, однако, собрав сход он доказал, что только лишь развел огонь, поскольку дерево высохло, а предыдущий собственник должен быть присужден к уплате, так как несчастный случай не произошел бы, сохрани дерево свою кору. Весь сход аплодировал ему и вынес решение в его пользу.

Князь заметил на своем поле козла, и приказал слугам прогнать его прочь; последнему, ударом камня поломали ногу, которую перевязали тряпкой. Животное, возвратившись к хозяину, прошло слишком близко от очага, и перевязь загорелась: причиненная огнем боль заставила его бежать прочь, через пшеничное поле возле дома, на которое перекинулся огонь, который быстро пожрал пшеницу. Сход рассмотрел случай, и обязал князя, отдавшего приказ, возместить все убытки.

Охотник выстрелил в лису, которая, убегая, спугнула стадо домашних гусей, которые своим шумным полетом испугали лошадь, которая сбросила и убила седока. Родственники покойного привели хозяина лошади, который легко оправдал себя, указав причину, сделавшую его лошадь неуправляемой; затем был вызван хозяин гусей, в свою очередь доказавший, что причиной несчастья был охотник, и тогда последний был приговорен к уплате штрафа.

Почти все случаи разбираются в сходной манере на народных собраниях, происходящих в лесу и возглавляемых князьями, в согласии с кодексом древних обычаев, и решения становятся священными законами в глазах черкесов.

{⁴¹Равенство их решений по отношению к людям своего племени, и по отношению к их союзникам часто восхитительно, но требовательность снижается по отношению к иностранцам, с которыми нет договора об обязательствах, что приводит к новому порядку вещей.

Вне границ союза, существующего между семьями одного племени, они договариваются с другими, устанавливая определенный баланс силы в своей стране, что препятствует

⁴¹ Добавки в русское издание. – прим. Издателя.

подъему превосходящего влияния. Для этой цели каждое племя усиливает себя союзом с другим племенем. Клятва произносится соответствующими посланниками, обязывая их не причинять друг другу ущерб, вершить правосудие взаимно, в обсуждениях между сторонами, и приходить на помощь друг другу во всех случаях. Персона, посмевавшая нарушить этот договор, наказывается большим штрафом, и в случае повторения обиды, он продается туркам как клятвopреступник и возмутитель общественного покоя.

Воинственный дух черкесов, их раздоры, их презрение к мирному труду, и их бедность, делает кражи единственным источником средств существования, либо напрямую снабжая их желаемым, либо принося денежные средства на оплату туркам их товаров.

⁴²Такая практика настолько высоко ценится, что величайшее оскорбление, которое юная девушка может адресовать юноше, это сказать, что он пока не украл даже коровы. Хотя союзнические договоры препятствуют кражам, но уважение к ним не в равной мере соблюдается сторонами; с исключением, однако, положений, относящихся к краже людей, которое практикуется только среди врагов. Обычно кражи умело осуществляются, вызывая сильное восхищение; индивидуальные соглашения, или узы отношений и гостеприимства, являются единственными средствами защиты от них. Неумелый вор на первый случай осуждается вернуть украденное, его семикратную стоимость и штраф в девять голов крупного рогатого скота, для удовлетворения чести оскорбленной персоны, если речь идет только о краже домашней птицы.

Убийство наказывается в той же манере, но с учетом обстоятельств, в которых оно произошло и положения убитого. Старики собираются на суд, чтобы определить посредника и сумму, которая будет уплачена родным. Выкуп состоит из скота, шкур, рабов, оружия и других товаров, которые убийца редко может собрать без помощи родных и друзей.}

В конечном счете, черкесские законы осуждают убийство родителей и неестественные преступления как позорные.

10-го мая⁴³ я шел опять отобедать с местным дворянином, у которого я обнаружил старого русского драгуна, взятого в плен еще во времена Екатерины II, на берегах Кубани. Он женился на черкешенке, и имел от нее несколько детей. Родной язык стал столь непривычным для него, что я едва его понимал: {но он помнил слово «водка» (бренди), и просил меня прислать ему немного. Я поспешил доставить ему такое удовольствие⁴⁴.}

- «Теперь я убедился, что вы француз», – сказал мне наш хозяин к концу ужина – «я в этом сомневался, когда увидел вас во главе этих русских; но легкость, с которой вы приобщились к нашим обычаям, вкус, который вы имеете к приготовленным для вас блюдам, ваша искренность, в общем вкратце все, доказали мне, как сильно я ошибался. Я видел русских в Анапе, на Бугазе, в Екатеринодаре, но их пренебрежение к нам, поскольку

⁴² Здесь смысл оригинала сохранен. – прим. Издателя.

⁴³ Этот параграф опущен в русском. – прим. Издателя.

⁴⁴ Добавлено в русском. – прим. Издателя.

они богаче, презрение к нашим обычаям, столь же сильное как наше презрение к их привычкам⁴⁵; высокомерие, оскорбляющее нас в их стенах, почти как татар, делает для меня невозможной любовь к ним; – но если бы вы знали, что за удовольствие для меня видеть француза! – приводите сюда других, мы все будем в восторге; вы просветите и обучите нас множеству вещей, в которых мы несведущи. Мы знаем насколько вы отважны, слава вашего оружия достигла нас: вы – нация джигитов (храбрецов). Я обещаю каждому пришедшему лошадь, юную девушку, изящную и гибкую как молодой кипарис, и свежую как яблоко».

О моя Родина! Скитаясь вдали от твоих берегов, я неоднократно чувствовал влияние твоей славы; везде она обеспечивает уважение и защиту твоим детям; – быть французом, даже для тех кто покинул тебя, всегда гордое звание.

Вечером мы подошли с господином Таушем к дому черкеса, угощавшего нас ужином днем ранее. Мы увидели трех прибывших чужаков, которые были приняты с величайшим уважением: они были аталиками сына Индара Оглы. «Аталик» означает приемный отец.

Очень редко мальчик получает образование под родительским кровом; право его обучения предоставляется первому человеку, предложившему себя; если более одного прибудет в то же время, существует арбитр, который определяет, как долго каждый из них может наставлять ребенка. Аталик увозит дитя, иногда секретно, и вверяет его няньке, но как только можно отказаться от ее забот, начинается обучение. Оно состоит во всевозможных телесных упражнениях, предназначенных укрепить силу и ловкость; скачек, борьбы, стрельбы из лука, ружья, или пистолета и т.д.; в мастерстве проведения успешных набегов; ловкости воровства и способности стойко переносить голод и жажду; они стремятся привить им красноречие, для того чтобы сделать их влиятельными членами народных собраний. Это обучение, напоминающее нам героические времена Греции, пользуется такой высокой оценкой у татарских ханов, что они пользуются случаем отправить своих детей на воспитание аталикам в Черкессию. Возвращение юноши в родительский дом отмечается большим празднованием, на которое приглашаются все родственники, и куда он приходит с триумфом. Аталик возвращается домой нагруженный подарками, и с этих пор приобретает в семействе своего ученика степень родства, которая сохраняется навсегда, и которую ничто не может нарушить.

С этого самого дня обычай, который запретил отцу видеть сына, прекращает действовать, и он может свободно дать волю своей отеческой привязанности.

Аталики сына Индара-Оглы, которых я увидел, казалось, пользовались вниманием, происходящим как из благородства происхождения и многочисленных союзов, так и моральными качествами, которыми они всегда отличались. Я пригласил их посетить и осмотреть корабль, и мы расстались только вечером, после обещаний друг другу взаимной дружбы, скрепив договор несколькими рюмками бренди, которым я их угощал.

⁴⁵ Следует отметить, что этот дикарь презирает только привычки русских, происходящие от цивилизации.

11 мая. – Дождь шел всю ночь и большую часть утра. Черкесы уверили, что такая погода предвещалась несколькими днями раньше криками шакалов. После обеда я пошел прогуляться с господином Таушем, и пожелал отдохнуть в доме князя Кошмита. Мы были приняты женой слуги, которой я сделал некоторые подарки, когда мы ужинали здесь, она приняла нас с величайшей сердечностью, и одарила нас, с изысканностью, которую я был не готов ожидать от нее, миской йогурта⁴⁶, который мы ели лежа на циновках под сенью грецкого ореха.

Возвращаясь на борт, мы нашли поле, на котором располагалось кладбище. На небольшом расстоянии друг от друга мы увидели могильные камни, размещенные в голове, в турецком стиле. Два небольших деревянных памятника грубой конструкции, содержали останки двух князей; несколько столбов, предназначенных для привязи лошадей тех, кто прибыл участвовать в похоронах, или отмечать годовщину, были видны неподалеку от этого места последнего отдохновения.

Кажется, что все церемонии, используемые в случае смерти черкеса, заключаются в песнопениях в его честь и погребальных речах, произнесенных над его гробом. Его тело, полностью зашитое в белый саван, помещается в могилу, в которой из ветвей деревьев сооружается подобие свода, после засыпаемого землей. В течение года постель и оружие усопшего сохраняются с неукоснительной заботой, в том же самом месте, которое они занимали при его жизни. Его родственники и друзья, навещающие могилу, должны рыдать и бить себя в грудь: вдова также проявляет знаки самого сильного отчаяния.

Неподалеку от кладбища, которое мы только что осмотрели, налево от складов, расположена батарея, построенная несколько лет назад турками, которые оставили здесь железную 24-х фунтовую⁴⁷ пушку без единого заряда, дуло которой заботливо прикрыто черкесами плоской плиткой.

Зная, что князь Мехмет должен прибыть этим вечером, господин Тауш ждал его до девяти часов, с целью подготовки почвы для нашей встречи. По своему возвращению князь передал мне поздравления, и пригласил встретиться на берегу ранним утром.

12 мая. – В шесть утра мы подошли на встречу с ним к складам, куда он пришел в сопровождении двух своих сыновей, Ногай и Ислама-Гери, и нескольких других черкесов. Наш уполномоченный Мудров был в их числе.

Мехмет Индар-Оглы – высокий, с грубыми чертами лица, и, несмотря на свои шестьдесят пять лет, все еще очень крепок. Во всей его персоне мы ощутили благородную простоту наших древних рыцарей; его прямая осанка и звук его голоса выдавали человека созданного для командования.

Ногай, его старший сын, был тем, кем его отец был в тридцатилетнем возрасте; его фигура и походка были таковыми бога Марса, он имел репутацию отважного бойца. Его брат,

⁴⁶ Сквашенное молоко, слабо кислое, используется восточными людьми.

⁴⁷ Калибр ствола ~147 мм – прим. Переводчика

Ислам-Гери, которого я встречал в Крыму, куда он был доставлен господином Скасси на транспорте «Дунай», не был столь же замечательной наружности, но заслужил уважение соотечественников за свою мудрость.

{Мехмет Индар-Оглы является главой одного из двух семейств, которые в очень отдаленное время стали во главе племени Натухайцев. Оно носит наименование Супа Куа⁴⁸, и делится на тридцать три ветви: та к которой принадлежит Индар-Оглы, называется Кириакине, ее отличительный знак – фигура в виде русского Т (П), которую они используют на своей упряжи. Эти знаки, называемые русскими «тавро», проставлены раскаленным железом на бедрах их лошадей. Они служат своего рода эмблемой в Черкессии и среди татар. Я видел эмблему Индара-Оглы, выгравированную на рукояти принадлежащей ему сабли⁴⁹.}

После представления князю, и рукопожатия в знак нашей дружбы, я пригласил их позавтракать на борт шхуны. Они туда прибыли, но поскольку спешили продолжить свой путь в Пшаду, вскоре оставили нас, несмотря на сильный дождь, за который они благодарили нас, уверяя, что мы принесли удачу их полям, страдавшим от засухи. Я дал в их честь салют из нескольких орудий, и последовал за Индаром-Оглы на берег, спросить его, какого курса я должен придерживаться в сложившихся обстоятельствах. Он посоветовал мне плыть в Пшаду, уверив меня, что дело Мудрова будет вскоре улажено, и что я могу положиться на его дружбу и на его желание видеть наше предприятие процветающим. Мой проект извлечения прибыли из запрета туркам часто посещать это побережье ему очень понравился. Он утвердил меня в принятом мной решении, просить господина Скасси о грузе, составленном всеми видами товаров, которые сюда привозили турки, и поспешить с исполнением проекта, который должен, как он сказал, принести нам титул благодетелей этой страны. Он оставил мне, по убытии, доверенного человека, которого я немедленно послал в карантин Бугаза с письмом господину Скасси.

Дальше мне не оставалось ничего делать, как поднять паруса, и я поднял якорь в два часа пополудни, пользуясь свежим ветром с востока, который вскоре позволил нам обогнуть мыс Тлювес. Я направился к мысу Абетсай, к юго – юго-востоку, пройдя примерно в трех милях от Мезыпи, расположенной в бухточке в четырех милях от входа в порт Геленджика. За мысом Абетсай ветер сменился на противоположный: мы следовали вдоль побережья столько, сколько смогли выдержать, несмотря на сильные встречные порывы ветра, срывавшиеся каждую минуту. Напротив долины Чианглоти⁵⁰ я спустил кливер, взял на гитовы наш небольшой марсель, и рифы на топселе. Течение, текущее строго к северу, значительно сдерживало наше продвижение. Мы оставили сзади второй мыс, называемый Итокопасхе⁵¹, на удалении примерно трех миль от Абетсай, чтобы обойти скальную банку, которая, по словам бывшего со мной господина Тауша, коварно скрыта под водой в южном направлении. От Абетсайя береговая линия перпендикулярна, и примечательна

⁴⁸ Soupa Koua – прим. Переводчика.

⁴⁹ Добавлено в русском переводе. – прим. Издателя.

⁵⁰ Tchiangloti – прим. Переводчика.

⁵¹ Itokopaskhe – современное название мыс Идокопас. – прим. Переводчика.

крутыми берегами, сформированными скатившимися вниз обломками скальных пород, которые постоянно подтачиваются морем, и которые из белых, какими они были в окрестностях Мезыпи, приобретают здесь красноватый оттенок, который они сохраняют неизменным до самой Мингрелии. От мыса Итокопасхе нам открылась якорная стоянка Пшады, от которой мы находились на расстоянии, самое большее, четырех миль; однако берег, который сильно изгибался к юго-востоку, отражал восточный ветер нам навстречу. Ветер дул очень свежо, мыс выдавался к югу – юго-востоку, и нас значительно сносило течением, мы решились стать на якорь на двадцати пяти фатомов, примерно в двух милях от берега, и трех от Пшады. Сильный ветер продолжал дуть всю ночь.

13 мая. – Легкий дождь с утра возвестил смену погоды; и около часа после полудня, я поднял якорь, но вскоре ветер опять сильно задул с востока. Я пробовал пробиться против ветра, но течение столь быстро несло нас к северу, что мы были принуждены встать на якорь снова, напротив долины Нюхюпче⁵², примерно в миле по ветру от нашей первой стоянки, на девятнадцати фатомов. Ветер сильно дул всю ночь.

14 мая. – Сегодня погода была ужасна, волны временами перебивали через шхуну, хотя мы были на небольшом расстоянии от берега. Небо было ясным, но тучи, казавшиеся неподвижными на горных вершинах, предупреждали нас об усилении шторма. На самом деле, к полудню мы были вынуждены опустить второй якорь, а к четырем часам к вечеру, спустить главную стеньгу.

Ночью, однако, ветер улегся, и так как стало достаточно спокойно, я подготовил все необходимое, для того чтобы воспользоваться первым благоприятным ветерком который поднимется.

15 мая. – В пять часов пополудни, ветер с востока – северо-востока позволил нам поставить парус и переместил нас к Пшаде, где я встал на якорь в восемь часов пополудни, на илистом дне восьми с половиной футов глубиной. Несколько пушечных и пистолетных выстрелов с берега возвестили наше прибытие на рейд: я ответил выстрелом из пушки, эхо выстрела которой многократно отразилось далеко в горах.

Один из людей Индара-Оглы немедленно выехал в шлюпке известить нас от имени князя, что дело Мудрова настроило против нас местных жителей, схватившихся за оружие; они даже спалили один из его домов, и учитывая враждебные проекты, которые они затевали против нас, он посоветовал нам не высаживаться на берег, и всю ночь всю ночь оставаться на страже, будучи готовыми открыть огонь в первую же приближающуюся лодку.

16 мая. – На следующий день в шесть часов он был прислан сообщить нам о прибытии князя, и вскоре после этого мы увидели появления многочисленной свиты, сделавшей несколько выстрелов из пистолета – сигнал согласованный нами. Я немедленно сошел на берег, где сыновья нашего кунака усадили меня на лошадь, чтобы переправиться через реку, наискось пересекавшую берег. Проехав немного, мы прибыли к месторасположению

⁵² Neukheupche – прим. Переводчика.

складов. Здесь я нашел князя, который просил меня не отлучаться от него, поскольку дело приняло серьезный оборот, в противном случае я навлекал на себя риск.

Несколько жителей Пшады приняли нас с удовольствием, и сделали все возможное, по договоренности с Индаром-Оглы, чтобы убедить своих соотечественников принять нас; но те, кто были связаны кровными узами, дружбой или деловыми связями с родителями увезенной девушки, из мести ли за честь семьи, или просто враждебности к русским, не соглашались допустить нас в свою страну для товарообмена, если только девушка не будет возвращена вместе с суммой пропорциональной оскорблению ей нанесенному. На сходе, собранном по этому случаю, наш кунак резко противился первому⁵³ требованию. {⁵⁴ – «Как», – сказал он, – «я могу унижить себя столь постыдным бессилием, до такой степени, чтобы предать обязанность, налагаемую на меня званием кунака! Должен ли я терпеть, что мои гости подвергнутся обидам, от которых моя поддержка должна защищать их? Нет! Я никогда не поддержу действия, которые заставят их усомниться в искренности моей защиты. Мудров соединился с той, что составит счастье его жизни, и следовательно невозможно разлучить их».

Эти обсуждения были весьма интересны европейцам, привычным созерцать власти внутри обширных зданий, заимствующих у искусства внушительный внешний вид. Здесь лес является местом схода, князь окружен собранием внимающих мужчин, молча ждущих своей очереди высказаться. Никакой ранг или возраст не влияет на этот выбор; он всегда дается тем, кто отличается среди сограждан доблестью и красноречием.

Результат обсуждения был более благоприятен для нас, чем мы могли ожидать. После долгих дебатов, к вечеру было получено разрешение выгрузить некоторое количество железа, в котором они, по-видимому, нуждались. Князь на прощание дал нам несколько человек сопроводить нас до шлюпки, а один из них поднялся на борт переночевать.

Мы рано утром отправили на берег шлюпку, груженную железом, в сопровождении этого человека, который, возвратившись, сообщил мне, что князь распорядился прекратить разгрузку, и просил меня прибыть на встречу с ним. Я прибыл, одетый в местную одежду. Мои черкесские друзья были очарованы этим, и поздравили себя, с тем, что могут рассчитывать на француза в своих рядах. Однако наши дела снова приняли дурной оборот: Индар-Оглы сказал мне, что он был обвинен в желании потворствовать вступлению русских в Черкессию, а я прибыл с командой этой нации разведать берег, и решить, какие места наиболее легко можно атаковать, чтобы захватить их при первом объявлении войны с Турцией, и что тогда его сын Ногай возглавит войско, в то время как укрепления, которые будут построены в Геленджике и Пшаде, защитят его.

Собрание было очень оживленным. Ногай расхаживал кругами, пенясь гневом, в готовности смыть кровью нанесенное ему оскорбление. Мы ожидали в любой момент увидеть наши склады охваченными огнем, прокладывая наш путь среди этих свирепых

⁵³ Выше всего одно требование, что наводит на мысль о пропуске уже в английской редакции – прим. Переводчика.

⁵⁴ Это опущено в русском издании. – прим. Издателя.

горцев⁵⁵, которые, как я всегда подозревал, были настроены против нас Анапским Пашой. Его поведение в различных ситуациях дало мне основания подозревать его, и я не находил другого основания для поездки в это же время байрактара⁵⁶ в долину Пшады.

Князь отослал меня обратно на корабль. Господин Тауш остался с ним один, чтобы известить нас вечером о том, что должно нас интересовать. В восемь часов он сказал мне, что с крайними сложностями он снова получил разрешение на выгрузку наших товаров; но прежде чем я начну, мне следует повторно переговорить с князем.

18 мая. – Сразу же, как был подан сигнал, я сошел на берег. Черкесы теперь потребовали с нас ввозную пошлину, которая не была фиксированной, и устанавливалась общим сходом. Хотя этого не делалось прежде, было необходимо подчиниться, поскольку это казалось единственным способом уладить дело, и я нанял несколько черкесских лодок с целью разгрузки шхуны.

Работа длилась два часа, когда жители снова собрались, требуя чтобы наш кунак стал поручителем, за все что мы можем сделать во время нашего пребывания здесь, так же, как и за импортные пошлины. Он согласился на эти требования, и мы провели остаток дня, стараясь организовать наши дела насколько возможно безопасно.

19 мая. – Две лодки работали на разгрузке корабля, и Индар-Оглы, пришедший с сыновьями повидать нас, выделил нам три доверенных человека в качестве охраны, рекомендовав не разлучаться с ними.

Этот князь принял самое живое участие во всем, что было связано с нами, и наши дела причинили ему много беспокойства. Священное чувство которое он испытывал к гостеприимству внушало мне восхищение; определено, что ни один член семьи Индара-Оглы, и ни один из его вассалов, не будут колебаться рискнуть за нас своей жизнью. Чужак, даже если он виновен, находит в своем кунаке покровителя, который никогда не отдаст его ярости своих соотечественников. Мудров представляет собой поразительный пример этому.

Ногай поднялся на борт: мы дали в его честь салют из нескольких орудий. Некоторые из которых, заряженные картечью, приятно его удивили; я презентовал ему свою саблю, что, кажется, ему понравилось.

{После произошедшего, я мог бы ожидать, что штурман станет более осмотрительным, однако к своему удивлению, сойдя на берег, я увидел его с ружьем в руках, командующего и упражняющегося на русский манер, в центре много численного круга черкесов, среди

⁵⁵ В оригинале выражение звучит как «гордые республиканцы». – прим. Издателя.

В издании 1836 г. стоит «ses farouches montagnards» (фр. – этих диких горцев), остается гадать, насколько автора, наблюдающего поперек своего пути беснующуюся вооруженную толпу, заботило демократическое устройство их племени, проникся ли он радостью мысли, что голову ему отрежут «гордые республиканцы», а не «дикие горцы»? – прим. Переводчика.

⁵⁶ Bairaktar (турецкое написание). – прим. Автора. Bayraktar тур. – прапорщик; младший офицерский чин. – прим. Переводчика.

которых были сыновья князя Мехмета. Господин Тауш и я тщетно приказывали ему остановиться; он казалось настаивал на продолжении. Негодование мгновенно отразилось на многих лицах, и житель долины сказал, показывая мне саблю, что по первому сигналу она пригодится для убийства русских.

Это показывает, что не должно быть неразборчивости в выборе представителей, когда речь идет об изменении мнения одной нации о другой, и что часто они гораздо важнее, чем те, по чьим приказам они действуют⁵⁷.}

{Наш меновый рынок состоял из двух складов, всего лишь тридцати шести футов в длину, на четыре фута высотой, сооруженных из жердей, едва обмазанных глиной, и очень походивших на широкие корзины, покрытые соломенной крышей. В них хранилась только соль: один из них был полон соли больше года. Я спросил господина Тауша, действительно ли его учреждение больше ничего не имеет; он подтвердил, что нет, и что мы не найдем ничего для погрузки, поскольку только за соль, без других необходимых товаров, которые черкесы ищут в Анапе, очень трудно заготовить местную продукцию. Я решил взять балластом древесину на топливо: она требуется в Керчи, и может быть задешево собрана на берегу Пшады.

В Крыму рассказывали, и эти сплетни без сомнения заставили штурмана поверить, что господин Скасси имеет в Пшаде дворец: этот офицер был очень удивлен, что не только не было ничего, но что черкесы противятся любой застройке с нашей стороны, а склады считаются принадлежащими Индару-Оглы⁵⁸.}

20 мая. – Князь Мехмет, зашедший пригласить нас отужинать на следующий день, передал мне письмо господину Скасси, которое написал по-турецки, с помощью человека, бывшего долгое время уполномоченным в долине Ньюхюпче⁵⁹.

У черкесов нет представления о письменности. Определенные эпохи их истории сконцентрированы в песнях и некоторых старых традициях, по большей части легендарных. В бизнесе они используют только свидетелей, или клятву, приносимую над некими амулетами, что среди них, {где интриги неизвестны⁶⁰,} достаточно, чтобы заключенные договоренности скрупулезно соблюдались. Их отношения заключены в узкую сферу, где они редко вынуждены сообщать свои мысли иначе чем словами; и когда они вынуждены это делать, они посылают гонца. Только некоторые турки, поселившиеся в Анапе, или во внутренней части страны, владеют грамотностью. Черкесы, однако, показывают, что чувствуют как будет полезна для них письменность. Различные отметки на их упряжи дали мне идею составления алфавита, используя эти знаки для инициалов каждого владельца: их существует около тридцати шести. Возможно будет лучше познакомить их с латинскими буквами теперь повсеместно принятыми в Европе, и которых будет достаточно, в руках умелого человека для каждого звука: {но почему не

⁵⁷ Опущено в русском издании. – прим. Издателя.

⁵⁸ Это добавлено в русском издании. – прим. Издателя.

⁵⁹ Neukheupche – прим. Переводчика.

⁶⁰ Опущено в русском издании. – прим. Издателя.

приспособить русский алфавит? Три латинских буквы едва хватает для обозначения «Ш», и пяти для «Щ»⁶¹, часто встречающихся в черкесском языке. Что же до «ү» и «х», их невозможно передать латинскими буквами gh и kh⁶².}

К вечеру мы решились на прогулку в священную рощу, недалеко от берега. Грубо сделанный крест, верхняя часть которого имеет форму трилистника, освящает это культовое место, никто не посмеет рубить здесь деревья, или даже трогать что либо, помещенное здесь. Сохраняемый здесь символ христианства передан им предками; они не знают, что он собой представляет. Только турки рассказали им, что когда Великий Пророк был на грани убийства в ванной, к окошку подошли ангелы, и сказали ему пролезть сквозь него, чтобы спасти себя; затем тронув его лоб, один сказал, что голова слишком велика, но другой ответил, что это не так, и затем указал на его плечи и живот, как мешающие его побегу, в ознаменование этого и был сделан крест. Они собираются перед ним в определенные дни года, отмеченные торжественными праздниками.

{⁶³ Култ черкесов представляет собой механическое исполнение нескольких языческих и христианских обрядов, извращенных временем и непониманием. Нет ничего определенного, принимая во внимание период, когда христианство попало на Кавказ, и кем оно проповедовалось идолопоклонникам. Довольно общая идея приписывает подобный вид апостольства некоторым крестоносцам, убежавшим от бедствий похода в Святую Землю. Небольшое племя хевсуров, проживающее на Кавказе рядом с осетинами, носят на своих одеждах мальтийский крест из красной ткани, и они раскрашивают его тем же цветом на своих небольших щитах из железа. Французские имена также замечаются среди них, такие как Девилет, Гвиллот, и т.п.⁶⁴ Также говорят, что семена христианства были посеяны среди черкесов Святым Андреем; каковое мнение подтверждается некоторыми крестами, найденными на Кавказе, формой сходной с тем, что дал имя этому Апостолу.

В начале четвертого столетия, во времена Константина Великого, женщина, по имени Нона или Нина, принесла христианство в Грузию, и вероятно, в значительную часть Черкессии. Она обратила людей, явив чудесные исцеления, и имела крест из виноградных лоз, связанный ее собственными волосами. В 1720, этот крест, на страх туркам, был увезен в горы, и впоследствии послан Царевичу в Москву. Император Александр, отослал его обратно в Грузию. Утверждается, что в тринадцатом веке другая женщина, по имени Тамара, знаменитая царица Грузии, распорядилась построить церкви среди осетин, и возможно где-то еще на Кавказе⁶⁵.}

⁶¹ “Sha”, “stcha” – прим. Перводчика.

⁶² Русское издание. – прим. Издателя.

⁶³ Добавка в русском. – прим. Издателя.

⁶⁴ Я обязан этими сведениями господину Хани, майору инженерных войск, являющемуся, возможно, единственным европейцем, побывавшем у хевсуров, куда звание француза обеспечило ему доступ.

⁶⁵ Добавка в русском. – прим. Издателя.

Генуэзцы тоже должны были внести вклад в пропаганду христианства на черкесском берегу, если имели здесь представительства, как это всеми предполагается, но от которых на сегодняшний день не сохранилось остатков.

Что бы не послужило возникновению христианства в Черкессии, следует предположить, что его прогресс не был достаточно закреплен среди людей, не имеющих письменности, чтобы удержать их от скатывания к примитивному местному культу, и смешения с ним, как только оно лишилось поддержки Грузинских властителей, или Крымских христиан. Со времен завоеваний Магомета II, татары и турки проповедуют магометанство черкесам, и имеют многих обращенных среди известных семейств: эта религия делает значительный прогресс, культ черкесов основан на достаточно прочной основе, чтобы противостоять шоку религии, предлагаемой им завоевателями. Но магометанство усиливаясь, усиливает и религиозные сомнения большей части этих дикарей, и добавляет хаос в их культ.

В двух моих поездках я заметил, что черкесские магометане довольно безразличны к своей религии. Я видел сыновей и дочерей князя Мехмета, перебрасывающихся шутками посреди церемоний используемых в их молитвах. Были даже такие, что не обращали на них внимание. Замеченный на даме, впоследствии сопровождавшей меня в Черкессию, крестик доставил этому семейству большое удовольствие; они пришли к выводу, что черкесы имеют тот же самый символ. По факту, исповедующие магометанство посещают и местные религиозные церемонии.

Один из них сообщил мне, что все гяуры были уничтожены магометанами, которые прибыв к абазам нашли их в священной роще, окруженными небольшими столиками накрытыми яствами религиозного празднества, и что никто не мог пройти в круг, составленный ими, чтобы казнить их.

Черкесы признают Высшее Существо и некоторые силы небесные второго порядка. Они верят в бессмертие души и в другой мир, в котором люди воздаются по своим трудам; но не заботятся о таком будущем состоянии: все их действия имеют временные перспективы непосредственно в поле зрения.

Мерисса, или Мерейме, прозванная Матерью Божьей, является покровительницей пчел. Черкесы говорят, что гром своим гневом поразил их всех, но эта святая женщина скрыла одну из них в своем рукаве, с помощью чего вид был спасен. Праздник отмечается в сентябре. Черкесы по этому случаю потчуют себя яствами и напитками, приготовленными на меду. Я думаю, что этимология имени этого божества восходит к «Мелисса». Не является необычным, что в стране, где мед является одним из ведущих продуктов питания среди населения, должна появиться покровительница насекомых его производящих. Греки называют пчелу Мелисса – Мерисса изначально могла быть Деметрой (Церерой), чье имя и культ сейчас изменены и смешаны с культом Девы Марии.

{⁶⁶ Сеозерес был великим мореплавателем, которому починались ветры и волны. Он особенно почитается теми, кто живет на морских берегах. Он представляется в виде сухого

⁶⁶ Дополнение в русском издании. – прим. Издателя.

грушевого дерева, на котором остались только немногие остатки ветвей. Каждое семейство сохраняет одно из таких деревьев во дворе своего дома: никто не дотрагивается до него, за исключением дня чествования этого божества, отмечаемого весной. Это дерево является символом Сеозереса; его погружают в воду и обмывают; сыр крепится к его верхушке, и оно украшается маленькими свечами, по количеству собравшихся гостей. Как только оно украшено, несколько человек вносят его в дом для совершения обряда. Остальные собравшиеся ждут у дверей, чтобы принять его и приветствовать его счастливого прибытие. Его входу предшествуют жертвы и приготовления к большому празднеству. Они едят и пьют в течение трех дней, в промежутках моля Сеозереса удерживать волны и ветра от совершения разрушений. Когда этот период празднества проходит, сыр и другие яства распределяются среди гостей, а дерево помещается обратно на свое место; все собравшиеся сопровождают его, желая божеству счастливого путешествия, и оно оставляется до следующего года. Он также является покровителем стад, и имеет двух братьев. Его долгое путешествие, его сила, форма его эмблемы, напоминающей огромную дубину, может привести к выводу, что это божество – Геркулес. Преданность, с которой племена на берегах Черного моря чтят Ахиллеса, должна, по-видимому, вести к предположению о некоторой близости с культом этого героя, называемого Понтархос – повелитель, или покровитель морей. Но истинное происхождение Сеозереса наиболее вероятно ведет к Ахайкоросу или Акикаросу (Αχαικόροσ или Αχικαροσ), упомянутому Страбоном в своей Географии⁶⁷, почитавшемуся жителями Босфора, наравне с Замолкисом гетов; и который, согласно Лукиану, почитался скифами и персами как священный объект, и даже как божество, под именем Акинаки или Акираки⁶⁸.

Тлебсе⁶⁹, король и защитник кузнецов. В посвященный ему день в его честь изготавливаются топор и плуг. Наохаче, Скуска, Йемише и Месте⁷⁰ – другие святые, или полубоги, так же имеющие посвященные им дни.

Черкесы очень почитают трех сестер, управляющих домашней гармонией и согласием между соседями, и защищающих путешественника своим охранительным покровом. Каждый сменяющий жилище приносит им жертву по прибытии к новому местожительству, а путешественник в дороге делает то же на привале. Сходство между этими тремя сестрами, Пенатами, и Ангелами-Хранителями, является новым доказательством смешения верований, которые составляют религию черкесов.}

⁶⁷ Книга XVI, с. 762

⁶⁸ Существует поразительное сходство между черкесскими церемониями в честь Сеозереса, и церемониями отмечающими праздник Святого Иоанна в старых польских провинциях: где в сквере высаживается дерево, и короны, цветочные гирлянды и ленточки прикрепляются к его ветвям; несколько молодых людей обоих полов празднуют вокруг него, танцуя, распевая и развлекаясь до поздней ночи, до поры, пока измученные усталостью они не прекращают празднество, с яростью набрасываются на дерево уничтожая его: следующим утром, все части, которые они унесли, кладутся в бочки с солеными огурцами, заготовленными к зиме, считая, что они сохранят их.

⁶⁹ Tliebse – прим. Переводчика.

⁷⁰ Naokhatche, Skuska, Yemiche and Meste – прим. Переводчика.

К концу октябрьской луны, они празднуют память усопших: этот период воспоминаний отмечен молящимися из разных семейств, которые обращаются к силам небесным, чтоб те не позволяли предкам нуждаться в чем либо в областях вечности.

{⁷¹ Черкесы не имеют бога грома – но будет ошибкой утверждать, что они никогда его не имели. Гром очень почитается в их среде: они утверждают, что молния является ангелом, поражающим тех, кто удостоен благословения Создателя: тело персоны пораженной молнией торжественно захоранивается; и пока оплакивают покойного, родственники радуются чести, которой отмечено их семейство. Эти люди толпами выходят из домов на шум, производимый этим ангелом на своем небесном пути, и спустя некоторое время, когда он замолкает, народ возносит молитвы небу, о его возвращении. Благодарности воздаются дождю, сопровождающему грозу, за свежесть и очищение воздуха во время летнего зноя.

Новый год, который приходит примерно в то же время что и наш, и последующее возобновление полевых работ, так же отмечаются двумя праздничными днями: но Пасха отмечается гораздо торжественнее; церемонии которыми празднование сопровождается, не оставляют сомнений в его происхождении. С мартовского новолуния они воздерживаются от употребления яиц, а также от найма, дачи или получения займа, или получения чего-либо; они даже не берут огня от соседского очага. Празднество имеет место в конце этого лунного месяца, и обычай, обязывающий проводить его дома, делает его довольно скучным, если бы каждый праздновал его в тот же самый день; из этих соображений, каждая провинция выбирает различные дни. Праздник объявляется ранним утром выстрелами из огнестрельного оружия со стороны главного здания. Соседи сбегаются туда, и переходят в священную рощу, для начала торжества обычными религиозными церемониями; но в этом случае количество жертв для заклания пропорционально количеству гостей, и к этому добавляются яйца, сохраненные в период Великого Поста, который они держали в течение мартовской луны. Празднование завершается ружейными выстрелами – мишенью является яйцо, а шкуры жертв – наградой за успех.}

Возраст и доблесть дают право возносить молитвы народа к трону Всевышнего. Священники не формируют отдельного класса в Черкессии. В молодости они проливали кровь в битвах, и приближение врага как прежде зовет их к оружию. Они исполняют обязанности с непокрытой головой, одетые в бурку; и стоя перед крестом, они начинают с искупительной жертвы – овцы или козы – в очень редких случаях в жертву приносят быка: перед жертвой старейшина с помощью одной из небольших свечек, прилепленных к подножию креста, сжигает немного шерсти жертвы на месте, куда будет нанесен удар, и льет бузу на ее голову. Несколько молодых людей, главным образом рабов, становятся за ним, держа чаши, наполненные этим напитком, и ломти пресного хлеба с сыром. После жертвоприношения, старейшина берет одну из этих чаш, и хлеб, делая подношение Верховному Существо: затем он благословляет их, и передает их самому старшему члену общества, который вкушает от них. Молодые люди подносят ему еще, он жертвует их

⁷¹ Добавлено в русском издании. – прим. Издателя.

Мериссе, а затем передает следующему по возрасту старику. Та же церемония повторяется перед всеми божествами, к которым обращаются различные молитвы. После их завершения, служитель назначает, по своему усмотрению, день следующей встречи, которая случается обычно раз в неделю, в субботу, воскресенье, понедельник, или вторник, но никогда в любой из трех остальных дней: он также делает объявление о пропажах и находках; но о последних редко слышно, поскольку черкесы любят попридержать их. В итоге мясо жертвы служит для трапезы, которая дополняется провизией принесенной каждым семейством, церемония в целом завершается обычно танцами, играми и скачками: голова жертвы посвящается Создателю, и навешивается на ветвь дерева, или жердь, на небольшом расстоянии от креста: шкура жертвы принадлежит священнику, проводившему церемонию.

{⁷² Когда мы внимательно изучили природу этих церемоний, мы не смогли распознать ничего кроме идолопоклонства⁷³, и слабое сходство с христианскими мистериями, что соединенное вместе, сформировало религию, плод невежества этих людей. Помимо еженедельных празднований, которые я описал выше, вторичные божества чествуются в установленное время. Необычно видеть исповедующих магометанство жителей, которые проявляют к ним большое уважение, и принимают в них участие.

Красота места, тишина, царящая в лесу, благочестивое и простое поклонение, предлагаемое этими людьми Создателю в храме созданном Природой – внушили мне чувство, которое я не переживал ранее, и которое породило вихрь размышлений, от которых я полностью избавился только к концу моей прогулки.} Господин Тауш остановил меня у двери жилища одного из своих друзей, куда мы вошли. Хозяин отсутствовал. Мы были приняты его женой и свояченицей, которые потчевали нас блюдом, приготовленным на молоке. И согласились присесть только после длительных уговоров. Муж вернулся примерно через час, и потребовал от нас перейти в его комнату, что мы тотчас же исполнили, чтобы не возбуждать у него недоверие относительно цели нашего визита, желание повторить который возбуждалось дружелюбностью наших хозяек.

Я уже отмечал, что черкес может видеть свою жену только ночью: если они случайно встретятся днем, они тут же расходятся в обратных направлениях. Практика столь благоприятная любви, заставила меня думать, что она оставляет женщин жертвами обольщения, и я спросил, чем они рискуют в случае если подобное случится. Наказание ограничено уплатой суммы, соответствующей оскорблению, нанесенному мужу. Последний не смеет покушаться на жизнь своего соперника, поскольку будет вынужден

⁷² Добавлено в русском издании. – прим. Издателя.

⁷³ {Любопытно сравнить их с церемонией далекой античности, отчет о которой мы находим в третьей книге Одиссея. Стратиус и благородный Эхефрон ведут облюбованное животное за рога; Аретей исходит из дворца, неся в одной руке резной кубок, наполненный святой водой, а в другой – чистую муку из священного ячменя. Вооруженный острым топором, воинственный Фразимедес стоит готовый поразить жертву: Персей готовится принять кровь в глубокую урну. Старый Нестор, после того как излил на жертву воду и высыпал муку, посвящает великое множество молитв Минерве, и начинает бросая в огонь шерсть, сорванную со лба жертвы.}

выплачивать штраф за его смерть родственникам. Наказание женщины состоит в побоях, или продаже: некоторые мужья дики настолько, что отрезают им носы или уши; но лишь немногие из них виноваты в подобных крайностях, которые вероятно обяжут их к уплате штрафа, который семейство потерпевшей имеет право требовать, более или менее значительного, согласно тяжести увечья.

21 мая. – Господин Тауш, штурман, и я, рано сели на лошадей, в сопровождении нескольких черкесов, чтобы отправиться к дому князя Мехмета; его сын Ислам-Гери пришел встретить нас. Мы следовали по отмели реки, орошающей прекрасную долину Пшады, окруженную заросшими лесом горами, на склонах которых мы разглядели поместья, окруженные изгородями, и редко состоящие более чем из пяти-шести домов. Земли казались вполне хорошо обработанными; и даже в глубине леса виднелись поляны, очищенные с помощью огня, и засеянные кукурузой. Вид с севера заслонен протяженной горной цепью, составляющей часть Кавказского хребта: там живут шапсуги. На расстоянии около лиги от моря долина становится шире, и вероятно русло значительно расширяется в сезон дождей.

Преодолев около трех лиг, мы спешили в резиденции Индара-Оглы: он вышел встретить нас со своим сыном Ногаем ко входу во двор, и провел в комнату для гостей, стены которой были украшены саблями, кинжалами, луками, стрелами, ружьями, шлемами, и несколькими кольчугами. Наше оружие было отложено в стороне от входа, после чего он пригласил нас сесть. Князя, как и остальные черкесы, остались стоять. После разговора они принесли нам воды помыть руки; после чего вскоре ужин был накрыт на пятнадцати небольших столиках, которые следовали один за другим по мере того как мы пробовали блюда с каждого. Я ужинал со штурманом и двумя нашими управляющими, которых я пригласил присесть к нам, вопреки противоречию черкесскому обычаю, согласно которому они предполагались частью семьи Индара-Оглы. Я хотел, чтобы они передали князю, как сильно расстраивает меня не ужинать вместе: он ответил, что это вопрос этикета; но что он скоро надеется видеть меня включенным в состав своей семьи, и тогда он сможет свободнее общаться со мной. Я поклонился ему, будучи уверенным в дружбе, которой он вдохновил меня, и что он будет рассматривать меня впредь как собственного сына. Затем мы выпили за здоровье друг друга несколько рюмок бренди, и он приступил к яствам с нашего стола, сервированным перед ним.

После полудня я спросил его разрешения выразить свое почтение его супруге: он дал разрешение, и во время того как она готовилась принять нас, мы вышли из резиденции, которая соответствует описанию тех которые я уже видел, составлена из дюжины домов, построенных из жердей, или небольших брусьев, обмазанных землей, и покрытых соломой. Они никогда не состоят более чем из одной комнаты, и служат приютом семье князя, дворянам, и слугам, работающим на него. Эта резиденция окружена легким частоколом, и размещается у подножья холма, на излучине реки, на берегах которой расположен фруктовый сад и плантации льна и кукурузы. Очень густая роща за домами служит для укрытия женщин, детей и скота всякий раз когда враждебное племя делает набег на страну.

В каждом доме все необходимое производится его жильцами. Женщины специализируются на производстве ткани хорошего качества, сходной с фланелью; изготавливаются бурки, седельные подушки, лен, верхняя одежда, обувь, бечева, сабельные, ружейные, пистолетные ножны и чехлы. Подобно гомеровским принцессам⁷⁴, черкешенки не исключены из этих трудов, в которых они гордятся, отличая себя от своих слуг. Мужчины работают как плотники, собирают ружья, изготавливают пушечные ядра, производят достаточно хороший порох, и очень несовершенно дубят кожи, перетирая их между двумя кусками самшитового дерева. Кузнечная и ювелирная линия являются единственным ремеслом, которое принадлежит немногим мастерам: в прошлом они изготавливали ножи, топоры и гвозди; большая часть железа их стрел, прекрасных кинжалов, которые они используют, производится отдаленным племенем, называемом Кумук⁷⁵. Ювелиры украшают серебром оружие, фляги для пороха, и пояса. Трудно выразить словами совершенство, с которым подобные работы выполняются, красоту и точность дизайна, исполненного на черном фоне. Они обычно закупают турецкие ружейные и пистолетные стволы и сабли, которые после дорабатывают в своей собственной манере. Я видел много такого оружия европейского производства; среди прочего – сабли которые большей частью венецианские или генуэзские: помимо тех, которыми их снабжает торговля, встречаются очень старые клинки, главным образом найденные в могилах. Мы можем судить о длительности времени их использования по уменьшению ширины, которая часто на одну треть меньше обычной. Шлемы, кольчуги и луки, попадают к ним из Персии и Константинополя: они покупают, но немного, и те, которыми они обладают, переходят в семьях по наследству от отца к сыну, составляя главное наследство; их количество можно оценить в 20 000.

По истечении часа мы были допущены видеть княжон. Господин Тауш, за которым я следовал, сказал мне повторять всё, что он делает, чтобы не ошибиться в этикетке по отношению к прекрасному полу.

При нашем прибытии все женщины встали: мы шли друг за другом вдоль стены, противоположной от них, твердым, но медленным шагом, позволяя нашим рукам свисать вниз на полную длину, чтобы показать уважение. Мы приветствовали их, с превеликой важностью касаясь шляп нашими правыми руками. Когда мы сели, княжны вернулись к своим местам на диване, а десяток из их свиты остались стоять. Мать княжон, возрастом около пятидесяти лет, обладала красивой фигурой и интеллигентной внешностью; она была одета в длинное платье, открытое спереди, и застегивающееся от груди до талии, наподобие турецкого антерис⁷⁶; также она была одета в широкие

⁷⁴ «Твои вдовьи часы разлуки, наполнены тяжелым женским трудом
И различными работами за ткацким станком; обманывая
Это правило, от дворцовых забот удаленно и свободно».

Одиссея, Книга I. Телемах к Пенелопе

⁷⁵ Koumouk – прим. Переводчика.

⁷⁶ Anteris – турецкая одежда, открытая спереди подобно плащам наших дам.

шаровары⁷⁷ из полосатого материала, а на голове была большая белая вуаль, скрывавшая часть ее лица. Ее волосы едва ощущались, стянутые скрывавшим их платком.

Юные жены князей или рыцарей более специфичны в прическах; они носят под вуалью красную скуфейку спереди украшенную полосой черного сафьяна с серебряными пуговицами, что им очень к лицу⁷⁸, и позволяет волосам свисать вниз длинными косами. Груды дочерей Индара-Оглы были стянуты на особенный манер, и их антерис застегнуты от горла вниз с серебряными пластинами. На косы самой старшей было подвешено множество побрякушек из того же металла; форма их головных уборов не была изящна; они были составлены из шести кусков ткани различных цветов, выкроенных в форме долек дыни; швы скрывались под прикрепленными кружевами. Девушки нижних чинов носили ровные округлые головные уборы. Две юных княжны, не будучи красивыми, имели, как это казалось мне, очень приятные лица: старшая, по имени Гваша, и младшая – Чапсин. Я забыл перевод этих двух имен: все имена, которые даются детям имеют значение. Я видел двух женщин, имя одной из которых значило «Львиный взгляд», а другой – «Сложенная как лань».

После первых комплиментов, княжна спросила меня, что я ощущаю, увидев их страну бедной и лишенной всех тех удовольствий, которыми мы располагаем дома, и о которых ее сын Ислам-Гери часто ей рассказывал. Уже упоминалось, что этот юноша побывал в Крыму в 1814. – «Я хочу, чтобы он вернулся», – сказала она, – «он был в то время слишком юным, чтобы извлечь пользу из своего путешествия, и я желаю доверить его Вашей заботе, как только работы по сбору урожая и сенокосу закончатся. Не возвращайте его до тех пор, пока он не наберется мудрости: правда, я боюсь, что ему придется жить здесь», – продолжала она, улыбаясь, – «поскольку он слишком много рассказывал о красоте тамошних женщин! Что Вы думаете о наших?» Я воспользовался столь удобной возможностью, произнести комплименты ее дочерям, убежденный, что прекрасный пол также падок на лесть в Черкессии как и везде, и я удивил ее, рассказав о славе черкесских женщин среди нас.

Господин Тауш, во время этого разговора, приблизился к одной из княжон, которой беззаботно коснулся: я этому удивился, и напомнил ему, что он требовал от меня копировать его во всем. На мою ремарку он ответил, что через некоторое время я смогу делать то же что и он. Я, на самом деле, заметил, что в этой стране к девушкам относятся с большой фамильярностью. Мы еще некоторое время поговорили на разные темы, и затем оставили дам. Мать княжон простерла руку в мою сторону, в знак дружбы, и пожелала счастливого путешествия.

Ее муж, которому я объявил, что мы будем готовы плыть утром, пообещал подойти попрощаться со мной. Господин Тауш предупредил меня, что это визит будет очень важным, и что я должен приготовить сделать ему подарки. Князь заранее обязал его

⁷⁷ Брюки.

⁷⁸ Эта кожаная полоска в головном уборе черкесских княжон и дворян сходна с *στλεγγις* (stlengide), позолоченной полосой кожи, прикрепляемой греками как диадема на свои лбы.

попросить у меня порошу, пушечный лафет, стаканов и тарелок, сахару, кофе и чая к которым он пристрастился.

Черкесы не стесняются спрашивать все что им нравится; и было бы смешно отказывать им тому, кто имеет право просить у них любое из того чем они владеют. (Эта общность вещей заходит столь далеко, что бедняк часто дарит богачу свое рубище, чтобы получить его верхнее платье. Однажды я увидел Ногая, возвратившегося без обуви, поскольку он встретил плохо обутого человека, попросившего его сапоги⁷⁹).

{Такая практика, согласно которой нищета, безделье, жадность часто ведут к дегенерации в попрошайничество, рассматривается черкесами в свете даров дружбы, обменов, памятных подарков, которые делаются для того чтобы оставить приятное воспоминание друг о друге; и естественно, по отношению к чужакам они становятся расчетливыми, поскольку те дарят им множество вещей в которых они нуждаются⁸⁰. В двух моих путешествиях мне постоянно досаждала толпа людей, объявлявших себя моими друзьями, чтобы впоследствии получить право спросить подарок. Они ободрали значительную часть содержимого и мебелировки каюты моей шхуны⁸¹.}

После событий этого дня, меня без сомнения, могут спросить, какое впечатление от черкесских дам, которых только что видел, я получил? Если бы я попытался судить об этих известных восточных красавицах в первый визит в их страну, я счел бы трудным сделать это беспристрастно, предубежденный репутацией, которую они имеют в Европе; и мое возбужденное воображение в краю столь обильном рыцарским вдохновением могло привести меня к ошибке; но познакомившись поближе с их именами, и имея время изучить их самих, я могу уверить наших европейских дам, что восточные женщины ни в чем их не хуже.

Натухайские черкешенки имеют овальные лица, как правило, с крупными чертами; их глаза, обычно черные, прекрасны; они их высоко ценят, считая одним из своих самых мощных оружий; глаза венчают ярко выраженные брови, ширину которых они уменьшают, выщипывая волоски. Как я уже упоминал, девушкам недостает главного украшения – их груди чрезвычайно небольшие и гибкие: с другой стороны, у многих женщин нижняя часть тела весьма объемна, что считается очень красивым на Востоке, но мне кажется в некоторых случаях уродливым. Мы не можем отрицать, что те, кто пропорционально сложен, имеет большие достоинства в осанке и привлекательности. Кроме того, их костюмы, особенно одежды замужних женщин, очень милы. Но чтобы ими восхищаться, их нужно видеть только в домашней обстановке; поскольку когда они выходят, их медленная походка, и атмосфера безразличия, выраженная во всех движениях, шокируют взгляд европейца, привыкшего к живости и элегантности турнюров наших дам. Даже длинные волосы, которые нам нравится видеть струящимися по груди и плечам

⁷⁹ Опущено в русском издании. – прим. Издателя.

⁸⁰ «Ты сможешь счастливым вернуться на борт твоего судна, после получения из моих рук драгоценного дара, такого, как дарит другу друг, и который, заставив вспомнить меня, будет в твоём жилище памятником моей щедрости» – Одиссея, Книга I.

⁸¹ Вставка в русском издании. – прим. Издателя.

черкешенок; вуаль, которую они одевают с искусством вдохновляемым во всех странах желанием нравиться; платье, которое обтягивая талию, оставляет напоказ шаровары, что тоже очень привлекательно, становится смешным и неловким, когда черкешенка оставляет свой диван. В большинстве своем они умны; обладают живым воображением и подвержены сильным чувствам; они любят славу, и гордятся той, что их мужья обретают в битве.

{После такого портрета, который до сих пор производил приятное впечатление, я с сожалением должен признаться в факте, который разрушит очарование. Все черкесские дамы имеют кожное заболевание по типу чесотки⁸², причем «чесотка» – это очень мягко сказано, называемое «княжеская чесотка»: это должно быть действительно так, поскольку во время двух летних путешествий, когда я часто дотрагивался своими руками до рук красавиц, пораженных этим заболеванием, сам я не заразился этим расстройством. Мне неизвестно, что его вызывает; им больны все черкесы, и я встречал его в Крыму среди татар, но не столь часто. Вначале я испытывал отвращение, однако со временем привык до такой степени, что просто не обращал внимания. Несмотря на этот эффект привычки, мы должны верить, что турки лечат рабынь, перед тем как приводят в свои гаремы. Такая забота должна сильно способствовать их красоте. Нужно понимать, что очень немногие красавицы могут где бы то ни было противостоять тяжелой работе и образу жизни, которому они предоставлены в их родном краю. Одного примера будет достаточно. Как то я сказал господину Таушу, что склады нужно бы заново оштукатурить. Этот молодой человек ответил, со своей черкесской наивностью, что он передаст об этом княжнам; что они раньше уже это делали сами, и сделают опять с удовольствием. Вообразите, мой добрый читатель: эти могущественные княжны своими чесоточными руками обмазывают глиной склады торговца, и согласитесь, это действительно слишком в стиле Гомера⁸³.}

22 мая. – Индар-Оглы, который утром прислал нам в подарок буйвола, пришел сам повидаться с нами в час пополудни, сопровождаемый несколькими другими князьями. Я знаю, что он высоко ценит знаки уважения, особенно в присутствии своих соотечественников; поэтому я дал в его честь салют из нескольких орудий, что очень ему понравилось. Он ответил, на выраженные мной благодарности за все причиненное нами беспокойство, что только исполнил свой долг; что его поведение докажет нам больше и больше как сильно он был к нам привязан; что он надеется успокоить буйный нрав черкесов, завершить дело Мудрова, и, наконец, создать твердую основу нашей торговли. Он попросил меня приложить все усилия к реализации проекта перехвата турецкой торговли на этом побережье, чтобы снискать добрую волю его соплеменников. Я не сомневаюсь, сказал он, что господин Скасси, который часто выражал желание быть полезным, всеми силами постарается использовать благоприятный случай, предоставленный запретом Анапского Паши. Постельное белье, ножевые изделия, всякие другие товары, в которые здесь крайне необходимы, должны составлять большую часть нашего груза, поскольку имеющейся соли хватит надолго. Он пообещал познакомить меня

⁸² Вставка в русском издании. – прим. Издателя.

⁸³ Этот параграф добавлен русскими властями. – прим. Издателя.

с несколькими князьями в окрестностях Субече⁸⁴, на Абазехском⁸⁵ берегу, куда он сопровождает меня, когда я вновь появлюсь, с целью поддержать торговлю и в тех краях. Для заготовки строевого леса для зданий, я порекомендовал ему плотников, которые до сих пор ничем не занимались, и он уверил меня, что сразу же, после моего отъезда, он пошлет их в леса, расположенные поблизости к берегу, откуда доставка не будет столь трудной.

Поняв, что мы не сможем уплыть до после полудня следующего дня, он пообещал прийти увидеться со мной еще раз, и подарил мне красивый пояс, украшенный серебром.

Вечером наша погрузка была закончена; груз состоял из дров и нескольких прекрасных стволов можжевельника.

23 мая. – Князь послал за мной, пригласив встретиться на берегу в восемь утра: он говорил о наших планах со всей теплотой глубочайшей заинтересованности, и просил меня упомянуть в России все что я видел, чтобы выработать наилучшие меры для сохранения успешных отношений с его страной. Он дал мне множество поручений, и строго рекомендовал мне захватить подарки для трех человек, которых он оставил для защиты нас от любых обид, которые нам могут нанести; один из них имел высокую репутацию. Князь едва смог убедить себя оставить меня; всякий раз как он собирался расстаться, он вспоминал что-то требующее обсуждения, и задерживавшее его: он возвратился после полудня, и мы наконец попрощались друг с другом. Человек из его свиты, чьи услуги я вознаграждал, пообещал мне подарок, который его сестра вышивает для меня: с отчаянием, видя мой отъезд раньше окончания работы над обещанным, он бросил мне свой пояс, говоря, со слезами на глазах: – «Вот, возьми его, и не забывай твоих адыгейских друзей». Я отплыл в 8:30 после полудня, с мягким ветерком с юга – юго-востока, направляясь в порт Феодосии, куда был обязан прибыть.

24 мая. – Ветер был встречным в течение всего 24-го, и в 8-мь после полудня мы считали, что находимся в двадцати семи – тридцати милях от побережья Тамани.

25 мая. – Мы шли против ветра весь день, между Керченским проливом и Кубанским бугазом⁸⁶, и к трем часам после полудня мы были к югу от мыса Такил: ветер стал очень свежим, и продолжал усиливаться. Я боролся с ним и очень сильным волнением до рассвета, но без какого-либо успеха, принимая во внимание, что нас сильно сносило из-за поднятых парусов.

26-го мая, в 4 утра мы прошли мыс Опук, ветер все еще продолжал усиливаться, я решил встать на якорь под защитой мыса Такил, куда я прибыл с ветром в корму; однако он продолжал и здесь дуть слишком сильно, и я решил направиться к Керченскому карантину, где в полдень спустил якорь.

⁸⁴ Soubeche – прим. Переводчика.

⁸⁵ Abazekhes – прим. Переводчика

⁸⁶ Бугаз, или гирло – пролив соединяющий лиман с морем – прим. Переводчика.

Я поспешил передать рапорт о состоянии наших дел в Черкессии, и о мерах, которые считал эффективными для их улучшения, и которые откроют возможность нам проникнуть в страну. Я использовал язык правды, который казался мне необходимым. Бесполезно углубляться в детали моей стоянки в Амбелаки, продлившейся месяц, в течение которого я подвергся слишком многим волнениям. Я был вынужден уйти с грузом соли, даже не имея удовольствия захватить с собой подарки, о которых Индар-Оглы просил для себя и для тех из его последователей, которые достойно обороняли нас, и сохранили представительство от тотального разрушения.

Госпожа Е., наделенная природой пылким умом, живым воображением, и горячим желанием отличиться, качества которые часто вредят женщинам, проинформировала меня о своем решении предпринять путешествие в Черкессию. Хотя и убежденный в сердечности приема, которым она будет встречена, я объяснил ей риски, которым она подвергнется в стране без законов, и почти без властей, среди варваров, где понятия о гостеприимстве являются единственным, что хранит чужака от бедствий которым он предоставлен. Она обсуждала все мои замечания, но не уступала им; опасения, которые я выискивал чтобы внушить ей, порождали тысячи романтических мыслей, закреплявших ее намерения, и вопреки моим увещеваниям, она взошла на борт в сопровождении юной русской служанки.

Я отправился снова в плавание **30 июня**, в 4 после полудня, со слабым ветерком с юго-востока. Я имел проект создания представительства на территории князя Атиухай⁸⁷, и с этой целью я встал на якорь в Геленджике **1-го июля**.

Князь Атиухай сразу пригласил меня увидеться: он принял меня очень любезно, и предложил послать одного из своих людей известить господина Тауша о моем прибытии, на что я согласился. Когда я уже приготовился возвратиться на борт, я был приятно удивлен встречей с князем Мехметом, направляющемся из Анапы в Пшаду, в компании Мудрова и своего младшего сына, девяти лет. Он заинтересованно расспросил о составе нашего груза и был расстроен ответом. – «Соль, всегда соль!» – сказал он, – «у нас ее достаточно, чтобы засолить наши горы; и все же нам нужно одеваться».

Он был восхищен прибытием госпожи Е., и уверил меня, что с удовольствием представит ее своему семейству. Море штормило, и я не убеждал его подняться на борт, поскольку он опасался, что укачается на судне; но он попросил меня прислать чаю и сахара ему в дом князя Атиухайя, где он предполагал провести ночь. Мудров отправился ужинать со мной, с целью обсудить наши дела. Его дело, по его словам, кажется забылось, хотя до сих пор он ничего не заплатил родственникам своей жены. С другой стороны, подозрения черкесов относительно нашего представительства казались усилились. Некие турки в Анапе только что рассказали ему, что знают что Тауш и он только и заняты поиском предлогов для привлечения русских в страну, факт чего достаточно доказывается их частыми поездками в Бугаз, и совещаниями с тамошними сотрудниками.

⁸⁷ Atioukhai – прим. Переводчика.

3 июля. – Следующим утром я увидел нашего кунака снова, как раз когда он отъезжал. Он посоветовал мне снова идти в Пшаду, так как в Геленджике не было складов для приемки соли. Я пообещал так и поступить. Перед отходом госпожа Е. пожелала сойти на берег: во время своей прогулки она встретила старую черкешенку, которая протянула к ней руки, произнесла: – «Добро пожаловать!», – и прижала к своей груди. Это величайший знак дружелюбия, какой только может быть показан; поцелуй принадлежит только любви; помещенный среди последних предпочтений женщин, он только там и используется: даже в дружбе он не востребован.

Атиухай пригласил отобедать с ним меня вместе с госпожой Е., однако ветер был попутным, я не принял приглашение, и поднял якорь в 10 утра. Штиль и встречный ветер мешали нам до следующего дня встать на якорь у Пшады.

Индар-Оглы приказал принести вниз к берегу небольшую полуфунтовую пушку, единственную, которой он располагал, для того чтобы дать мне салют. Его сыновья, Тауш и несколько черкесов пришли встретить меня при высадке. Мы вместе отправились к складам. Здесь я обнаружил небольшое количество пшеницы, ржи, кукурузы, шкуры козляные, лисьи и куньи шкурки. Урожай на побережье ожидался хороший, и мена шла очень быстро. Для нас было бы желательно снабдить местных жителей другими товарами первой необходимости, и шире привлечь население к нашему рынку.

Плотники, которые наблюдали наше возвращение с глубоким удовлетворением, наведались в леса без возможности выполнить свою работы, поскольку хорошая, полностью созревшая строевая древесина росла вне владений Индара-Оглы, а другие черкесы не согласились на вырубку, будучи убеждены, что Россия воспользуется этим чтобы прийти и начать войну против них.

Князя Ногай, Ислам-Гери, Касполете и один из их друзей поднялись на борт: они похвалили госпожу Е. от имени своей матери и сестер. Выражая свое восхищение, ее отваге пересечь море, чтобы посмотреть на них. Я пригласил их присесть от ее имени, они так и поступили, со всем уважением, которое наши кавалеры демонстрируют прекрасному полу.

Ближе к шести вечера, я спустился с ними в шлюпку, чтобы отвезти их на берег; но так как было поздно, я не сошел на землю, и сразу погреб назад. Мы были едва в нескольких ярдах от берега, когда в нас выстрелили из ружья, и пуля прошла между мной и моряком. Несколько минут спустя на берегу послышался спор, и я узнал среди различных голосов, голоса Ногай и Тауша. Я имел неосторожность не взять свой пистолет, и опасаясь рисковать без оружия, поднялся на борт, где с нетерпением дожидался рассвета, сильно желая узнать причину этого нового покушения на нас.

5 июля. – Господин Тауш пришел утром рассказать нам, что из ружья стрелял шури́н Мудрова, поклявшийся убить одного из наших людей. Ногай заставил бы его дорого заплатить за его дерзость, если бы преступника сразу же не вырвали из его рук.

Князь Мехмет ждал меня на берегу: он принял меня с любезностью, я доставил ему письмо господина Скасси; но был вынужден ждать, пока ученый человек из долины Нюхепче, который писал письмо, переданное через меня, придет прочесть его, он спросил меня как о его содержании, так и о том, чем я занимался в Крыму. Явно, обещания на будущее не казались ему достаточными; и в процессе разговора я с сожалением обнаружил, что планировавшееся поездка в окрестности Субече пока не состоится.

6 июля. – В восемь утра господин Тауш пришел сообщить мне, что дочери князя собираются нанести визит госпоже Е. Их сопровождало множество персон обоих полов, среди которых я увидел юную шапсугскую княжну по имени Джантине⁸⁸. Мы шли на встречу с ними в дом примыкающий к нашим складам, по пути туда мы встретили множество людей. После расспросов о состоянии моего здоровья, они хвалили меня за твердость, с которой я держал свое слово, и уверили меня в удовольствии, которое я им доставил, привезя с собой даму. Жестокие порывы ветра вызвали на море волнение, я счел невозможным пригласить этих дам на борт корабля, а они надавили на меня, перевезти гостью на берег и доставить в их резиденцию.

Господин Тауш и несколько черкесов, среди них аталик князя Касполете присоединились ко мне. Я известил госпожу Е. о приглашении княжон, думая, что вероятно она не согласится нанести им визит; но, к моему великому изумлению, она приняла предложение, и приготовилась к поездке, не выказывая и малейшего затруднения. Я вверил ее нашему уполномоченному, и по совету аталика я произвел салют из нескольких орудий, как только шлюпка отошла от борта корабля. Устье реки было пожалуй глубже обычного, легко позволив шлюпке его преодолеть. Толпа мужчин, женщин и детей, столпившихся по соседству, покрыла берега. Несколько ружейных и пистолетных выстрелов раздалось при ее сходе на берег. Я ответил на эти салюты, и вскоре чаща леса скрыла госпожу Е. от моего взора.

В 2 часа после полудня корабль, который мы видели утром идущем на север, встал на якорь на расстоянии ружейного выстрела от шхуны. Несколько турок, бывших на борту, сказали мне, что шли из Трапезунда в Анапу с грузом полотна, но встречный ветер заставил их отважиться на стоянку на этом рейде, будучи ободренными нашим присутствием, поскольку они не имели кунака для защиты. Они спросили меня, есть ли какая опасность в высадке за водой на берег. И я предложил составить им компанию, на что они согласились с удовольствием. Вечером они вновь отплыли, пользуясь ровным ветром с суши.

7 июля. – Господин Тауш прибыл сказать мне, что княжны убедили госпожу Е. продлить ее визит к ним, и она отложила возвращение на следующий день. Его отчет о манерах с которыми ее приняли, очаровал меня, и я радовался тому что привез ее к этим людям, которые боятся своих соседей, рассказами о которых я пытался вызвать у нее страх, и к которым никогда не проникала ни одна европейка. {Кажется, ее красота очень способствовала такому результату; черкесы, как и другие люди, среди которых

⁸⁸ Djantine – прим. Переводчика.

цивилизация не достигла большого прогресса, легко располагаются в пользу людей наделенных приятной наружностью⁸⁹.}

Во время прогулки по берегу, я прошел неподалеку от группы черкесов, которых я не знал, и которые завтракали под деревом: они пригласили меня разделить их трапезу, состоявшую из небольших лепешек, говядины и соленой свинины. Я принял предложение, и вступил с ними в разговор. Я узнал, что они направлялись в окрестности Анапы, к шапсугам, чтобы вернуть лошадей, которые князь украл у них. Когда я приготовился уйти, один из них поднялся, протянул мне руку и предложил дружбу с ним и его компаньонами. – «В моей собственной стране я такой же чужой, как и вы», – сказал он, – «Я потерял мою семью от чумы; жилище, где они умерли было из за этого сожжено, мои поля заброшены. Я теперь вижу только овец и лошадей бывших соседей, а я лишен всего: мое оружие, конь и седло – это все мое состояние; без родных, без союзников, я был вынужден обратиться за защитой к некоторым кунакам, которые, слава Богу, исповедали в отношении меня первую из добродетелей – гостеприимство: в свою очередь они мои хозяева, и я их защитник, когда того потребуют обстоятельства. Ты один из наших братьев; мое оружие, моя помощь в твоём распоряжении». Он еще раз протянул мне руку, и мы расстались.

8 июля. – После длительного ожидания госпожи Е., господин Тауш появился сообщить о ее прибытии на берег. Я нашел ее в повозке, одетой на черкесский манер, с молодыми княжнами и другими женщинами семейства Индара-Оглы. Они с ней прощались, требуя обещания посетить их снова до отъезда.

Когда мы достигли судна, я поспешил узнать у госпожи Е. детали ее черкесской жизни: она рассказала мне, что по ее высадке, княжны пришли ей на встречу, и, взяв ее за руку, прижимали ее к своей груди, подставляя поочередно правую и левую сторону. Огромное количество дикарей, желающих посмотреть на нее, окружили их, и проводили до повозки, запряженной буйволом, в которой она разместилась вместе с дочерьми нашего кунака и юной шапсугской принцессой; прочие следовали за ними пешком. По дороге несколько семейств ждали ее увидеть, и все они выразили удовольствие, которое испытывали по такому случаю.

Жена Индара-Оглы вышла ей навстречу неподалеку от своей резиденции, за ней следовали все ее слуги. После обычных церемоний ее провели в жилище для гостей: вскоре за прибытием последовал ужин; он был накрыт на двенадцати маленьких столиках. Княжны, которые постились на Рамазан⁹⁰, занимали себя во время трапезы, нарезаая хлеб и мясо на небольшие порции. После ужина они принесли ей воды помыть руки, и обмыли ее ноги, что является знаком высокого уважения. Остаток дня прошел в развлечениях госпожи Е. играми и танцами. Индар-Оглы, прибывший вечером, радовался увидев близость, возникшую между ней и его семейством, и просил ее считать его дом как свой собственный. Некоторые из их обычаев она быстро переняла, что привело их в восторг:

⁸⁹ Параграф добавлен в русском издании. – прим. Издателя.

⁹⁰ Очень строгий магометанский пост.

они пожелали сделать ее полностью черкешенкой, распорядились приготовить для нее одежду, над которой они работали всю ночь.

Главным из этих обычаев, который не очень обрадовал госпожу Е., была обязанность вставать при появлении мужчин, или любой пожилой женщины, даже служанки: мужчины, со своей стороны, делали то же самое, по отношению к обоим полам; они не могли сесть, пока персоне, в честь которой они поднялись, не распорядилась так сделать словом «tize» (садитесь). Эти люди никогда не нарушают это правило, и строго соблюдают его, даже в собственной семье.

Час, назначенный Кораном для ужина, был объявлен выстрелом из пушки по приказу князя. Госпожа Е. пожелала принять эту еду совместно с княжнами, но была разочарована. Черкесские семьи никогда не собираются за едой; отец и мать едят отдельно, так же как и их дети, которые разделены по возрасту и полу, и едят свои порции в отдельном месте. Мудрая Тамари, старая турецкая рабыня, которой было приказано везде следовать за госпожой Е. и снабжать ее всем, что она пожелает, руководила ее ужином, и приготовила ей роскошную кровать, застланную богатыми покрывалами. Эта женщина в юности была возлюбленной Индара-Оглы, который купил ее за большую цену, соответствующую ее красоте. В последствие она поднялась до управляющей домом, и заслужила уважение всей семьи⁹¹. Гоаша пришла разделить кровать с госпожой Е., и всю ночь следила, чтобы ничто не нарушало ее сон⁹².

Следующим утром госпожа Е. была одета в черкесском стиле, и мать княжон по такому случаю сделала ей подарки, в ответ на те, что были поднесены ей; они состояли из серебряных пряжек, и набора пуговиц для украшения передней части головного убора замужней женщины. За время ее пребывания в доме нашего кунака, случилось происшествие, которое может служить примером беспокойной жизни, которой живут эти люди. Его последствия заставили меня обрадоваться, что я настоял на возвращении госпожи Е. на борт.

Как я уже рассказывал, воровство запрещено в отдельных случаях, особенно когда два князя клятвенно пообещали уважать собственность друг друга. Наш кунак, доверяя подобному договору с шапсугским князем, послал к нему одного из своих вассалов с поручением: шапсуг, не поверив его обязанностям, сделал его рабом. Спустя несколько дней, брат князя проходил недалеко от резиденции Индара-Оглы через поле, где работал человек, который, симулируя незнание того что произошло с его другом, завел его в свой дом и задушил. Новость об этом вскоре распространилась; с каждой стороны были

⁹¹ «Зажженный факел мудрая Эвриклея несет:

Дочь Опа, единственного сына Писенора,
За двадцать коров куплена Лаэртом»
Одиссея. Книга I.

⁹² «Глубоко в богатом алькове князь лежал,
И спал под пышной колоннадой,
Рядом с ним Писистрат лежал распростершись».
Одиссея, Книга III.

назначены люди, которые не преуспели в своих стараниях примирить двух князей, и дело приняло оборот, кажется ведущий к объявлению войны.

9 июля. – Черкесская лодка, готовившаяся к отходу привлекла подозрения наших друзей; она принадлежала тем жителям долины, кто зарекомендовал себя нашим наиболее жестким противником, и хотя они объяснили, что поездка связана с доставкой груза зерна в Пшаду, уверенность, что это не так, побудила дворян, назначенных нашими охранниками, думать, что они готовились атаковать нас. Один из них поднялся ночевать на борт, и посоветовал нам открывать огонь по любой лодке, которая будет приближаться ночью.

Князь, который пришел повидаться с нами, был вынужден вернуться раньше обычного, так как шапсуги вооружались и угрожали его жилищам.

10 июля. – Некоторые историки, в частности Страбон, говорят нам, что различные части страны между Черным морем и Кавказом, славились своими рудниками. Миф о золотом руне, которое аргонавты прибыли искать в Мингрелию, по-видимому доказывает, что когда-то это было так. Многие горы сложены красноватым грунтом; деревья стелющиеся, низкорослые, растут с трудом. В разное время мне приносили обломки, которые оказались золотой и серебряной рудой, оба были найдены в оврагах после дождей. Примерно в пяти лигах от Пшады расположена гора конической формы, довольно высокая, и почти полностью лишенная растительности; только на ее вершине есть немного леса, в котором все кто туда проникают, умирают либо мгновенно, либо по истечении нескольких дней; даже животные, которые пасутся вокруг, не смеют туда войти, и никогда не видно птиц, приближающихся к нему. Этот факт, без сомнения преувеличенный, который черкесы приписывают обитанию здесь какого-то злого духа, может хорошо объясняться структурой самой горы. Здесь существуют и другие места, о которых рассказываются сходные истории, и которые я должен посетить, если позволят дела.

В полдень пришел человек, передать нам, что все вассалы Индара-Оглы присоединились к князю, чтобы обороняться против шапсугов, которые приближались к его местопребыванию. Я сильно сожалел, что такие обстоятельства не были предусмотрены моими инструкциями, поскольку я сильно желал помочь нашему доброму кунаку. Я не смел так поступить, хотя без сомнения для России должно быть выгодно воспользоваться гражданской войной среди черкесов, чтобы заключить союз с некоторыми из их князей.

11 июля. – Мы имели ложную тревогу утром, что было особенно затруднительно, поскольку наш переводчик был на берегу, а мы не имели на борту никого говорившего по черкесски. Лодка наших противников, о которой я рассказал выше, оставила реку и направилась к нам полная людей. Увидев это, я немедленно распорядился вынести наше оружие на палубу, а большое количество наших друзей, собравшихся на берегу, своими выстрелами, казалось, призывали нас к сражению. Опасаясь, однако, неудачного исхода, который определенно наступит, я все еще колебался поднести фитиль к пушке, которая была заряжена картечью, и направлена на них; когда, видя их готовящимися швартоваться к нам с кормы, и считая их намерения враждебными, я уже был готов стрелять, но заметил молодого князя, одного из моих друзей, родственника Индара-Оглы, неожиданно

показавшегося среди экипажа и приветствовавшего меня. Это рассеяло мои страхи, и я больше не колебался позволить им приблизиться. Некоторые из них поднялись на борт, и казались удивлены видом нашего оружия. Это, возможно, отвратит их от совершения, в других обстоятельствах, серьезной попытки. Они продолжили свой путь на юг, оставив юного князя на борту. Предупрежденные о наших приготовлениях, они убеждали его отправиться с ними, чтобы более безопасно пройти нас.

Господин Тауш, присутствовавший при атаке шапсугов, пришел уведомить нас, что их количество было около 200, и что они отступили без боя, оставляя дело на рассмотрение национального собрания. Вот так их ссоры обычно и заканчиваются, хотя им всегда предшествуют великолепные военные приготовления. Дворяне и вассалы вооружаются по призыву человека, назначенного оповестить о подходе противника, скача полным галопом по окрестностям, они оставляют свои жилища, чтобы собраться у дома князя, который встает во главе войска; однако, в момент, когда две партии, кажется готовы выплеснуть друг на друга всю свою ярость, некий нейтральный человек вмешивается, и предлагает себя в посредники их дел, и несколько ружейных и пистолетных выстрелов делается в воздух, прекращая дело на время. Однако это относится только к вылазкам против отдаленных племен, в то время как союз нескольких князей дает больше шансов на успех, что иногда приводит к кровопролитию. Единственным разрушением, причиненным этой конкретной войной, было разорение маленького поля льна, посаженного княжной Гоаша. Она была очень расстроена этим, и ее с трудом убедили согласиться, что ее отец не должен настаивать на возмещении ущерба.

12 июля. – Разгрузка была окончена накануне, я начал погрузку полученных в обмен товаров, количество которых прибывало с каждым днем, и которые главным образом состояли из ржи, пшеницы, ячменя, кукурузы, воска, меда, коровьих и козлиных шкур, и некоторых мехов. Первый товар был особенно значителен, ввиду хорошего урожая; прочих, за исключением козлиных шкур, были явно достаточно для образцов. Эта часть Черкессии производит их, но то что здесь находится, посылается в Анапу, торговцы которой снабжают Черкесов разнообразными товарами, которые те используют.

Господин Тауш как-то давно говорил мне о древностях, которые временами отрываются черкесами. Во время моего первого путешествия он даже дал мне вазу, случайно найденную при возделывании почвы. Она была наполнена костями, которые были выброшены прочь, из соображений, что она может использоваться для хранения бренди. Ваза была глиняной, обычной формы, покрыта зеленой краской. Перед своим отбытием, я убедил господина Тауша предпринять поиски в небольших курганах, которые встречаются в разных частях страны, и особенно в лесу, возле священной рощи, которую я посещал. Черкесы говорят, что это могилы великого народа, населявшего их страну. Обычно они покрыты огромными камнями. Различные причины мешали нашему уполномоченному участвовать в этом вопросе; а новые дела, занимавшие меня с моего возвращения, не позволяли провести какие-либо исследования по этим объектам интереса. Мое внимание пробудили две увиденные этим днем обожженные глиняные вазы, одна около двух с половиной футов высотой, наполненная пеплом, кольцами, и медными пуговицами, так же, как и какими-то железными принадлежностями, проржавевшими настолько, что их

нельзя было опознать, и которые разламывались от прикосновения. Над ними находился кабаньих клык, а рядом с урной – остатки стеклянной чаши, или, скорее слезницы⁹³. Другая ваза, гораздо меньшего размера, вероятно, содержала только пепел и скелет маленького животного, которое легко могло быть принято за ящерицу. Помещен ли он сюда намеренно, или по случайности, как и клык кабана в другом сосуде? Эти вопросы должны ставить более мудрые антиквары чем я. Я расспросил черкесов о месте, где они нашли эти вазы, и узнал, что они были под курганом, в трех-четырёх футах от поверхности к северо-востоку, всегда поблизости места, где находят древесный уголь, вне сомнения остатки огня. Владелец этих ваз, согласно господину Таушу, имел великую страсть к древностям, и, хотя был столь же необразован, как и его соплеменники, он сделал ее своим главным занятием. Я сожалел, что его жилище было слишком далеко от берега, чтобы я его использовал, заставив добывать для меня эти изделия. Иностранцы, которые обыскивают погребения, вызывают подозрения среди черкесов, которые говорят, что те выискивают среди кусочков меди доказательства того, что их предки владели этой землей, чтобы предъявить свое право на землю. Рвение, проявленное путешественниками в скупке античных монет, когда Анапа была занята русскими, возможно, привело к возникновению этой странной идеи.

Индар-Оглы прибыл пригласить госпожу Е., от имени своего семейства, посетить их на следующий день, и остаться у них до конца нашей стоянки в Пшаде. Я с удовольствием согласился на такое предложение.

13 июля. – В 7 утра я прошел пол лиги к северу от якорной стоянки, осмотреть еловую, можжевелевую, и дубовую древесину, предназначенную для завершения нашего груза. По моему возвращении, госпожа Е. рассказала мне, что княжны приходили за ней, и она спускается в шлюпку чтобы присоединиться к ним, в сопровождении их братьев и господина Тауша. Этот уполномоченный вернулся вечером, и мы приготовились следующим утром совершить вылазку вглубь страны. Он рассказал мне, что в доме одного из обитателей долины Мудров видел старую рукопись на греческом, и что этот черкес обладал сердоликом, на котором были выгравированы буйвол и какие-то буквы. Я дал почувствовать господину Таушу неуместность не столь быстрого сообщения мне о таком интересном открытии, и строго настаивал не жалеть усилий чтобы предоставить мне эти два объекта для рассмотрения. Оказалось, что рукопись бережно сохраняется своим владельцем, и что будет трудно заполнить ее, но копия с нее должна быть снята.

Энтузиазм, который я испытывал к этой стране, вел к тысячам мыслей на тему моего здесь обоснования, и завоевания доверия ее жителей, среди которых я должен был поселиться. Дружелюбие, проявленное ко мне некоторыми из княжон, не достаточно, по моему мнению, для возможности предпринять все что я желал; мне требовалась могучая поддержка, и было необходимо избавиться от подозрений, которые могли возникнуть ко мне, если бы я натурализовался в стране. Я узнал, что обычаи облегчают мои желания, предлагая мне способ быть принятым в черкесскую семью. Церемония усыновления

⁹³ Сосуд, встречаемый в римских захоронениях, который, как считается, использовался для хранения слез, пролитых родственниками на похоронах. – прим. Переводчика.

состоит в прикладывании губ на несколько мгновений к женской груди. Женщина и ее муж, становятся с этого времени аталиками чужеземца, которого они принимают в число своих законных детей. Поскольку это ведет к некоторым подаркам семье, а у меня в это время не было возможности сделать их, я отложил до следующего прибытия исполнение своих желаний. Натурализованный таким образом чужестранец, который пожелает поселиться в Черкессии, не будет испытывать трудности на пути женитьбы, он мгновенно станет союзником великого множества семейств, поскольку ответвления родства очень широко распространены, и связь накладывая обязательства иметь те же самые общие интересы, даст силу и уважение, которые трудно обрести без этих средств.

14 июля. – Мы высадились очень рано, надеясь увидеть прибытие нашего черкесского проводника, согласно его обещаниям; но тщетно прождав, мы решили отправиться в одиночку к месту, которое было указано, и взяли с нами черкеса и моряка, снабженного киркой. После восхождения в гору, к юго-востоку от рейда, сквозь очень густой лес, наполненный древними гробницами, мы достигли вершины. Здесь мы обнаружили ровную площадку, покрытую маленькими могильными холмиками, и возделанную между ними: она ограничена к северо-востоку лесом, которым заросла одна из самых высоких гор долины, а с юга – крутой пропастью, около пятидесяти ярдов над уровнем моря, омывающего ее подножье. Мы долгое время не могли решить, какой участок выбрать; но с нашими скудными возможностями, мы, естественно, выбрали могильный холм, который показался нам наиболее легким для раскопок. На глубине примерно двух футов ниже поверхности, на юго-запад, на одном уровне с площадкой, мы нашли длинный, крепкий меч, с железным наконечником копья, положенными в форме креста. Это открытие заставило нас удвоить усилия, и после того как мы некоторое время копали рядом со слоем угля, мы преуспели в находке вазы, которую оказалось очень трудно извлечь из земли, принимая во внимание ее твердость, и камни, которыми она была окружена. Наше постигло крайнее разочарование, когда после всех возможных стараний избежать каких-либо повреждений, мы нашли только старый глиняный горшок, края которого были сломаны, и который был перевернут кверху дном. Слой грунта, затвердевшего от времени, хранил пепел, который мы опознали внутри сквозь трещину. Я перевернул его кверху, и обнаружил среди золы несколько медных пуговиц той же формы, как те, что были даны мне ранее, и какие-то железные предметы, обесформленные ржавчиной, которые ломались от прикосновения. Я желал продолжить раскопки, но солнце, поднявшееся уже высоко, сделало жару невыносимой: наши труды продвигались медленно, так как мы имели только одну кирку, было невозможно предпринять раскопки одного из курганов, который, своим размером и огромными камнями, покрывавшими его, вероятно указывал на знатность персоны, погребенной под ним. На обратном пути я удовольствовался посещением очень широкой дороги, которая ведет вдоль моря к древней крепости, развалины которой до сих пор можно видеть на горе, господствующей над долиной, и которую мы надеялись посетить на следующий день. Было поздно, и дела призывали меня в другие места.

Вечером мы получили доказательство слабости партии составленной родными жены Мудрова. Прогуливаясь по берегам реки, мы увидели брата юной Матапхи, того что стрелял по нашей шлюпке, пересекающего ее в челноке, чтобы получить убежище у

одного из наших друзей, которого он избрал своим кунаком. Черкесы, так же как и иностранцы, вынуждены иногда обращаться к кунаку. Это средство используется слабыми, или несчастными, чтобы защитить себя от нападков тех, кто может обидеть их.

Почти закончив погрузку нашего судна, мы условились на следующий день прийти на встречу с Индаром-Оглы, который ожидал нас в своем доме.

15 июля. – Господин Тауш и я рано сели на лошадей. Я вновь увидел, с неослабевающим удовольствием прекрасную долину, через которую пролегал наш путь. Мы ненадолго остановились у дома черкеса, который был болен, и которого мой компаньон желал увидеть. Я был изумлен шумом, исходившем изнутри: молодежь и дети были заняты всевозможными шумными играми, тогда как врач с серьезным видом сидел у постели немощного, едва произносившего время от времени одно-два слова. Место врача считается священным; никто не смеет туда присесть в случае его отлучки; каждый, кто решится осквернить его, заняв, будет вынужден заплатить врачу значительную сумму. Они лечат своих пациентов лекарственными травами и амулетами: для лечения определенных лихорадок, они очень верят в некоторые древние гробницы и руины древних памятников, куда посылают своего больного спать на несколько ночей. Во время моей первой поездки в Геленджик, черкес попросил меня о лекарстве, или молитве за родственника, который долгое время страдал от болезни, которую он не мог точно описать мне. Так как на борту не было никаких медикаментов, я решил помолиться за него, что смогло бы удовлетворить его, без возможности причинить какой-либо вред. Это было сделано доктором со всей серьезностью, и воспринято очень уважительно человеком, не знавшим границ в выражении своей благодарности. По возвращении в Крым, я больше не задумывался об этом занятом приключении; но однажды, тот же человек пришел напомнить мне о нем, принеся яйца и сыр от своего родственника, который полностью излечился. Хотя я был изумлен таким исцелением, я подумал, что могу себя побаловать, пойдя чуть дальше в своем шарлатанстве, и ответил, что заранее знал, что лечение будет успешным.

Для раненного церемония отличается: он не должен иметь оружия в своем доме. У его двери ставится тарелка полная воды, в которую кладется яйцо, и рядом лемех от плуга; каждый, перед тем как войти, трижды касается ее кончиками пальцев и брызгает воду в комнату. Юноши и девушки играют и поют песни сложенные в честь раненного человека, и также развлекаются, отщипывая от круглой лепешки, подвешенной на шнурке к потолку. Обычай производить шум в комнате больного встречается среди других народов, более или менее цивилизованных по сравнению с черкесами, которые полагают, что этим способом отгоняют злых духов.

В половине лиги от жилища Индара-Оглы, господин Тауш показал мне место, которое князь предложил для строительства складских зданий, с целью обеспечить их спокойствие, и избежать, вследствие их размещения на принадлежащей ему земле, выплат ввозной пошлины, которую черкесы вымогали от нас. Поскольку товары будут в этом случае в центре долины, они будут более доступны со стороны домов расположенных вокруг.

По прибытии в жилище князя я был принят во вновь возведенном здании, на месте сожженного родственниками Мудрова. Госпожа Е. проживала в здании, где меня

принимали в предыдущий приезд. Я поблагодарил Мехмета за его радушие и прием, который он и его семейство оказали ей. Он отвечал, что ничто не было столь лестно для него, как ее доверие к нему; что он должен быть рад, что пребывание в Пшаде было продлено, и он получил возможность показать насколько он нас сильно любит; что, более того, госпожа Е. вольна остаться с ним до моего возвращения; что он своей жизнью, и жизнью сыновей отвечает за безопасность, которой она будет наслаждаться во время моего отсутствия. – «Я люблю вас, как собственных детей», – сказал он, – «располагайте мной по любому случаю. Хвала Богу, у меня достаточно богатства; единственное мое желание иметь друзей».

Стоимость волов долгое время заставляла меня размышлять о засолке мяса, что должно принести великолепную прибыль в Черкессии. Здесь только анапские турки, заняты в этой отрасли производства, для которой они нашли рынок в Константинополе. Козы и их шкуры тоже стоили очень низко. Я подумал, что производство сафьяна будет великой помощью для этой страны, где он продается за пятнадцать – восемнадцать турецких пиастров, и где спрос на него очень велик. Я сообщил князю о своем желании создать представительство, в котором мы могли бы заниматься изготовлением этих двух товаров. Он тепло приветствовал идею, и сказал мне, что я смогу положиться на безопасность, которой смогут наслаждаться сотрудники представительства.

Капитаны некоторых английских и испанских судов задавали мне в Керченском карантине, множество вопросов о стране, и мои ответы, казалось, вызвали у них сильное желание посетить ее; они спрашивали с этой целью о побережье, якорных стоянках, и об имени нашего кунака, которое я дал им. Индар-Оглы, узнав это, казался обрадованным, увидев, что он без малого, становится известен в Европе за свое гостеприимство, и уверил меня в добром приеме, который он окажет каждому чужеземцу, который сойдет на берег от моего имени.

После ужина князь пригласил меня пройти и увидеться с его семьей. Во время того, как я был с ними, жена Ногая убежала через окно, чтобы не быть увиденной своим мужем, который как раз был объявлен. Черкес, кажется, старается избегать всего, что может напомнить ему о привязанностях и связанных с ними удовольствиях, как будто допустить их, было слабостью. Считается даже невежливым говорить ему о его детях, особенно, когда они очень молоды. Я причинил боль Ногаю, отметив одного из его детей, возрастом около четырех лет, который, казалось, обещал иметь тот же характер, что и его отец. Только с возрастом приобретается право отойти от такого стоицизма, и пожилой человек, который показал свою смелость в молодости, может расслабиться до проявления нежности в лоне своей семьи. Индар-Оглы виделся со своей женой и ласкал своих детей.

Я вновь встретил в доме князя юную шапсугскую княгиню Джантине; она поразила меня своей симпатичностью, но ее внешность была далека от достоинств ценимых черкесами. Я сам отметил в ней много кокетства, которое демонстрировалось ее полностью европейскими манерами, что приятно меня удивило.

Княжны усиливали горечь расставания, которую мы чувствовали в предвкушении, тысячами знаков внимания, всем тем, что может доставить нам удовольствие. Я

присутствовал при танцах, исполняемых при звуках инструмента, похожего на трехструнную скрипку: они были в азиатском стиле, несколько меланхоличные, но без выразительности; фигуры состояли из прыжков в воздух, без грациозности, и исполнялись с огромными трудностями, позициями ног, которые почти всегда выворачиваются вовнутрь. Другие их инструменты представляют собой вид флажолета⁹⁴ и баскского бубна. Песня не более заботливо исполняемая, чем танец, хотя некоторые из напевов достаточно неплохи; их песни, не содержащие рифмы, часто служат для чествования доблести, так же как и для обличения преступлений: они являются одним из видов наказаний нечестивцев. Несколько из них пелись в моем присутствии; среди прочих – жалоба юноши, которому они желали изгнания из страны, поскольку он вернулся один из экспедиции против русских, в которой все его товарищи погибли. Таким образом, в истории этих людей беспрестанно встречаются черты, напоминающие нам о героических временах Греции.

Поэты также посвящали свои песни чествованию памяти наиболее выдающихся событий. Изучение этих песней поможет проникнуть через густую вуаль, которая окутывает историю народов Кавказа. Я был бы рад получить перевод одной из этих поэм; но, несмотря на обязательность господина Тауша, знавшего несколько из них, я был лишен этого удовольствия. Он предоставил мне песню другого рода, особенность которой побуждает меня разместить ее здесь. Я знаю князя Джамбулета, который в ней упоминается: это был человек известный своей храбростью, который умер от чумы в 1816.

На перекрестке Пака⁹⁵ отдала приказ поставить столб, чтобы легко было привязать коней рыцарей, которые пришли восхититься ее несравненной красотой.

Ворирача, ворира ма Пака!

Naourous-okou davlet mourza – начинает танец, Batseche-okou – присоединяется к нему, Raide Melike-olou – прибывает в конце.

Ворирача, ворира ма Пака!

Прорицатель Has-oglou, горбун – Haounte-oglou, Ghaoume-okou, Batseche; Ghatkha Kalabate –мудрец, который все приводит в порядок.

Ворирача, ворира ма Пака!

Его брат Джамбулет располагается на перекрестке. Он вытаскивает свой меч, и поражает всех любовников, которые плохо говорят о его сестре Пака.

Ворирача, ворира ма Пака!

Их пыл скоро угасает, связи с Пака разрываются и Пака остается мудрой. Она выходит замуж за князя Бжидукского.

⁹⁴ Вид флейты – прим. Переводчика.

⁹⁵ Рака – это имя означает «вздернутый нос»; то же самое, что «курносая» по-русски.

Ворирача, ворира ма Пака!

Подготовка к нашему отходу вызвала сожаление всего семейства Индара Оглы. Они наполнили арбу всевозможными припасами, среди прочего мучными лепешками, медом, сливочным маслом; князь хотел презентовать мне двух лошадей, но я согласился принять только бурку.

Наше расставание было болезненным: знаки дружбы со стороны этих добрых черкесов сильно привязали меня к ним; и я предвидел с грустью, что возможно их больше не увижу. Гоаша, ее мать и сестры долго держали госпожу Е. в своих объятиях; она с сожалением вырвалась из них, и смешала свои слезы с их слезами. Индар-Оглы обещал увидиться со мной на следующий день. Было поздно: его сыновья Ислам-Гери и Касполете, их родственник князь, и несколько дворян, были уполномочены сопровождать нас. Мы встретили несколько семей, которые будучи оповещены о приближении нашего отъезда, ждали нас на дороге, чтобы попрощаться, и пожелать обязательно вернуться и увидиться с ними.

Особенно огорчил черкесов отъезд господина Тауша, которого другие дела звали в Крым; каждый из жителей чувствовал, что теряет в нем сына или отца; и сам он с сожалением покидал страну в которой прошла его юность.

16 июля. – В восемь часов Индар-Оглы прибыл в сопровождении своего сына, нескольких дворян, и Мудрова. Он привел для госпожи Е. корову и козу с козленком, которых Гоаша послала ей в подарок. Я передал на попечение этого доброго князя наши склады, а так же наших плотников, которые с сожалением наблюдали за нашим отъездом. Он уверил меня, что будет неустанно охранять их покой.

{ – «С учетом того, что еще остается», – сказал он, – «закрепить процветание вашего представительства, ты теперь также хорошо информирован, как я сам: ты пожил под нашей крышей, и если дело Мудрова навредило твоему предприятию, то по крайней мере показало, что дружба черкеса и француза непоколебима, и что невзгоды не смогут ни в какой степени повлиять на нее». Затем взял меня за руку и сжал ее с чувством: – «Иди», – сказа он, – «достойный джигит, расскажи русским, презирающим нас, что ты здесь видел. Убеди их положить конец бессмысленным войнам. Скажи им, что свобода живет в наших горах; что смерть для нас предпочтительнее иностранного ярма; и что только торговля сможет обеспечить им доступ на наши берега. Пусть они приходят с твоим именем; пусть они снабжают наши нужды. Моя дружба – все чем я обладаю, будет принадлежать им. Что же до тебя, не забудь проекты, о которых ты сообщил мне; поспеши начать их исполнение, и знай, что во мне ты всегда найдешь отца и друга»⁹⁶.}

Я воспользовался временем, в которое он занимался бизнесом со своей семьей, чтобы пойти в священную рощу и совершить религиозную церемонию, что давно хотел сделать.

⁹⁶ Этот параграф опущен в русском издании. – *прим. Издателя.*

Приносить жертву кресту общепринято, для черкесов, торгующих по стране, тех кто с победой возвращается из набега, или связал себя какой-нибудь клятвой. Вещи, предназначенные в жертву, прикрепляются к самому кресту, или к дереву, которое его поддерживает. Никто из жителей не смеет их трогать, и разоряют их только враги, делающие набеги на страну. Последние, хоть и исповедуют ту же религию, не уважают святость места, и грабят все что найдут. Обычно за церемонией жертвоприношения следует праздник, а головы животных, убитых по такому случаю, развешивают по ветвям деревьев. Различные дела представительства, поглощавшие мое внимание все время нашего пребывания здесь, отвлекали меня от придания этому благочестивому начинанию великолепия, которым, в моем представлении, оно должно сопровождаться. Я удовольствовался походом с госпожой Е., в сопровождении части команды, нескольких дворян и наших представителей, и прикрепил пожертвования к кресту. Госпожа Е. сделала это первой, а мы все последовали за ней. Радость и восхищение, которые увиденное произвело на черкесов, которых мы сразу не предупредили о цели нашей прогулки, невозможно описать; они тепло пожимали нам руки, и уверили нас, что всем расскажут о нашем благочестии и почтении, которое мы проявили к их религии. Наше возвращение к старому князю было чем-то вроде триумфа.

Все наши дела были улажены, пришла пора расставания. Наш кунак повторил в теплых выражениях уверения в своей дружбе. Я был тронут его добротой, и добротой его людей: один из них, по имени Калмук, твердо настаивал следовать за нами, и поднялся на борт, чтобы плыть в Крым.

Мы подняли паруса в девять часов вечера, со свежим ветром с северо-востока. Путь длился шесть дней. Нас задерживал штиль и встречные ветра, и наконец **22-го июля** мы встали на якорь на рейде Феодосии.

Некоторое время спустя, я был вынужден по разным причинам просить отставки, и навсегда попрощался с народом Кавказа⁹⁷. Должен сознаться, что того момента, как я пришел к такому решению, меня мучили тысячи планов: я часто был на грани того, чтобы рискнуть их воплотить; и ни их масштаб, ни их сложность не стали бы препятствием на моем пути, если бы судьба сделала для меня возможным их исполнение. Однако требовалось нечто большее, чем я, чтобы заставить обычную последовательность событий идти гигантскими шагами, соответствующими моему нетерпению.

После того, как я сошел на берег, команда шхуной «Черкес» была поручена офицеру, служившему под моим начальством. Судно было послано в крепость Сухум в Мингрелии, и в этом году он уже не появлялся в Черкессии. В этом путешествии шхуна была бы атакована двумя абазскими барками, если бы молодой Черкес, которого я взял с собой, и который плыл на ней, в надежде вернуться к себе на родину по пути в Мингрелию, не объявил себя ее кунаком. Короткое время спустя склады в Пшаде были подожжены, а плотники, так же как и другие сотрудники были бы безвинно вырезаны, если бы не Индар-Оглы, защитивший их со свойственным ему великодушием. Этот всегда постоянный друг

⁹⁷ Жизнь впоследствии доказала, что я ошибался.

восстановил склады за собственный счет, и вновь преуспел в умиротворении своих соотечественников. В 1819 русские опять попробовали послать туда шхуну с грузом соли: но назад были привезены только несколько образцов строительной древесины, после очень плохого приема в Геленджике и Пшаде.

Таковы ограничения, в рамки которых были заключены русские операции на берегах Черкессии в это время (1820), и нетрудно предположить, что они недостаточны чтобы изменить склонность населения к грабежу, {или дать ему почувствовать преимущества, которые они извлекут из установления торговых и дружественных отношений со своими соседями⁹⁸}.

{⁹⁹ Горестно думать, думать, что Император Александр, до крайности утомленный жалобами на черкесов, которыми его ежедневно одолевают, возможно решится на войну с этой страной. Некоторое время назад генерал Ермолов, командующий в Грузии, атаковал племена соседствующие с его губернией, именно те, через чьи страны проходит дорога из Моздока в Тифлис. Но некоторые успехи, часто оплаченные значительными потерями, являлись, до сих пор, единственными результатами; и какие плоды могут быть получены от войны против этих воинственных людей в неизведанной стране, труднодоступной, заполненной ущельями или бескрайними лесами, чьи обитатели, которым останется нечего терять после того, как сожгут их хаты, закрепятся в недоступных горах, откуда, даже если предположить, что нижележащие края будут подчинены, они будут досаждают завоевателям, которые должны будут постоянно держать здесь армию? Ужасы войны со свободнорожденными дикарями, самые свирепые экземпляры которых невозможно приручить, зальют это завоевание кровью. Иезуиты Парагвая оставили нам более приятные воспоминания чем Кортес и Фердинанд; и я думаю, не нужно сомневаться, что начатая генуэзцами в этой стране торговля, которая с тех пор придала Оттоманской Порте присущую той силу, единственная может преуспеть в реализации в Черкессии привлекательной картины, сценой которой станет эта часть Нового Мира. Бедные и воинственные племена в краю, который так легко защищать, будут всегда объединяться в противостоянии завоеванию; они будут биться за свое единственное достояние – свободу; напротив, выгода не замедлит разъединить их, и откроет широкое поле политическим мероприятиям, которыми поневоле займутся дельцы¹⁰⁰.}

После получения отставки, я послал в Одессу, генералу графу Ланжерону, губернатору Новоросии, описание якорных стоянок Геленджика и Пшады с их планами, так же как и

⁹⁸ Предложение в скобках является добавкой в русском издании. – прим. Издателя.

⁹⁹ Этот параграф опущен в русском издании. – прим. Издателя.

¹⁰⁰ Дюк Ришелье, знавший черкесов, и воспринимавший такими как они есть, считал это величайшей правдой; и, без сомнения, никто другой не заслужил более чем он, права представить Императору Александру план, задевавший народное благополучие. Его желания должны были быть исполнены, и этот чувствующий человек, явил бы миру новую нацию, возникшую из мрачных дремучих лесов Кавказа, обязанную философическому князю и доблестному министру всеми благами цивилизации. Почему, – увы! – какие-то люди должны разрушить столь благодные надежды! – прим. Издателя.

части побережья от мыса Тсугу¹⁰¹ до Геленджика, которое было до тех пор неизвестно. Граф Ланжерон выразил мне свои благодарности в самых лестных словах.

* * *

Путешествие в Черкессию в 1823 и 1824 гг.

Введение

Капитуляция, подписанная Оттоманской Империей и Республикой Соединенных Провинций Нидерландов, которая давала последней право входа в Черное море, датированная 1680, но которая никогда не выполнялась вплоть до 1820 года, периода, когда фирманы были подтверждены, без включения каких-либо условий, составленные по той же самой форме, как получаемые русскими судами; но ни одно нидерландское судно не воспользовалось ими. К концу 1820, правительством были предложены поощрения любому судовладельцу, который совершит экспериментальное путешествие к побережью Черного моря, Брюгский торговый дом Делескюз, пожелал ими воспользоваться, и снарядил для такой цели два брига – «Тереза» и «Тритон», составивших коммерческое предприятие, взятое под протекцию Королем Нидерландов. Я был назначен ответственным за него, и 9-го января 1821, Его Величество любезно просил именовать меня его Вице-консулом портов Черного моря. Таким образом я оказался во главе первого предприятия, осуществленного Нидерландами в море, над которым их флаг получил право развиваться 140 лет назад.

Я взошел на борт брига «Тереза», под командой капитана Буша. 16-го марта мы вышли из Ньюпорта, но были отброшены бурей назад в Остенде, откуда 10-го апреля мы вышли вместе с «Тритоном», под начальством капитана Целинка. 3-го мая мы прошли пролив Гибралтар. 7-го, на широте Алжира, мы встретились с нидерландской эскадрой, под командованием Адмирала Райса¹⁰², предупредившего нас о беспорядках, вспыхнувших в Греции. 11-го мы причалили на Мальте, чтобы получить более подробные сведения; и поскольку мы не узнали ничего хорошего, мы вновь отплыли 20-го числа. 1-го июня, на траверсе Афинского залива, командир греческой флотилии сообщил нам некоторые детали о положении в Константинополе, заставившие нас зайти в порт Идра, для встречи с Российским Консулом в Афинах, который был вынужден покинуть свою резиденцию. Сведения, которые мы получили от этого чиновника, письма, которые позже дошли до нас, и отъезд русского министра из Константинополя, привели нас к выводу о неизбежности разрыва между дворами Санкт-Петербурга и Турции. Вследствие чего мы опасались оказаться запертыми в Черном море, и решили ждать в Эгейском, до тех пор, пока не очистится политический горизонт. Это решение и различные обстоятельства ему сопутствовавшие, задержали меня на восемнадцать месяцев на театре греческого восстания. Я посетил Идру, Специю, Афины, Коринф, Саламис, Эгину, мыс Сунуим, почти

¹⁰¹ Tsoougu – прим. Переводчика.

¹⁰² Ruuyus – прим. Переводчика.

все Циклады, значительную часть Спорад, Смирну и некоторые другие части Малой Азии. Памятные случаи, радостный энтузиазм и глубочайшее горе, которым я был свидетелем, сильно привязали меня к Греции. Годы 1821 и 1822 сформировали эпоху в моей жизни, воспоминания о которой никогда не сотрутся из памяти! Я провел зиму 1823 в Константинополе; и 19-го марта этого года я вошел в Черное море с бригами «Тритон» и «Маленький Август», которые встали на якорь в Феодосии 30-го числа. Я не буду здесь распространяться обо всех путешествиях совершенных мной по Черному морю, в составе экспедиции. Я опишу только те, которые связывают меня с Черкессией, и записи о которых я извлек из своего журнала; целью путешествия было пополнение знаний о Кавказе, которые сегодня оказываются предметом интереса в связи с овладением русскими Анапой, и поселениями, которые они строят на побережье. Я должен избегать, насколько это возможно, касаться любых тем, не относящихся к сюжету, и даже намекать на отношения установленные здесь господином Скасси и их результаты.

Поездка в Анапу в 1823

17 апреля 1823 я оставил Феодосию за кормой брига «Маленький Август», под командой капитана Корнелисса, направляясь к берегам Черкессии. «Тритону» было назначено посетить Азовское море позднее. Мы отправились в пять утра, со свежим ветром с северо-запада, который быстро подгонял нас к Анапе, расположенной в шестидесяти шести милях от Феодосии, но дул он недолго. К полудню мы были захвачены штилем, который продлился до девяти вечера. Напротив горы Опук и Скал-Кораблей¹⁰³, отстоящих примерно на две мили от берега, и которые мореплаватели издавна принимают за корабли под парусами. Я заметил, у подножья горы Опук две реки – предположительно Киммерион и Ките; чуть дальше – руины Акры, у входа в Босфор Киммерийский, берега которого ассоциируются с памятью о Пантикапее, Нимфее, Фанагории; но величие имен которыми прежде славилась Афины, Саламис, Аргос, Коринф, и греческих колоний в Скифии, теперь погрузившихся в варварство, уже не действовало столь сильно на мое воображение.

Всю ночь дул сильный ветер. К рассвету мы были напротив гор Черкессии, на вершинах которых казалось прикреплены облака; все небо было затянуто тучами и придавало мрачный оттенок этому дикому берегу. Я очень скоро рассмотрел белые скалы в окрестностях Анапы, и мыс, на котором стоит эта крепость. Я приказал управлять судном так, чтобы обойти прибрежное мелководье, и мы опустили якорь на шести фатоммах глубины. Тяжело перекачивающиеся волны, в соединении с яростью ветра, препятствовали нашей высадке. Турецкий барк, однако, вышел поприветствовать нас, и на следующий день вернулся с Лиман Раисом (капитаном порта), чтобы отвести нас к Паше. Его приветствие было каким-то резковатым. Я подумал, что наш вид возбудил подозрение среди жителей Анапы, которые, в первый раз, увидели прибытие к ним франкского судна, восстание греков и то участие в них, которое они приписывали русским в его развитии, заставило их рассматривать каждого иностранца как шпиона, или даже лидера враждебной силы.

¹⁰³ Karavia – Прим. Переводчика.

Для визита в Анапу и к берегам Малой Азии, Поверенный в делах Короля в Константинополе, сумел получить для меня только фирман «Бозириан», или торговца, поскольку Султан гарантировал только России и Франции право иметь консулов. Я, следовательно, был снабжен документом совершенно недостаточным, чтобы рассеять подозрения анапцев.

Море немного успокоилось, и нашей шлюпке стало возможно доставить меня на берег, где я был немедленно окружен толпой любопытных турок и черкесов. Я был немедленно проведен к Паше, чей дом, оказавшийся жалким бараком, располагался в южной оконечности крепости. Чтобы попасть в зал приема, я был вынужден пройти через подобие коридора, узкого, грязного и темного, в конце которого передо мной была поднята портьера, и оглашен приход гяура. Паша принял меня сидя на диване, завернутый в несколько халатов, и не демонстрировал никаких человеческих форм, кроме головы, украшенной длинной белой бородой, посередине которой янтарный мундштук трубки подходил к губам. После долгих расспросов о целях моего путешествия, количестве человек вместе со мной, и характере нашего груза, он отдал приказ офицеру – туфекчи-баши (начальнику стрелков), исполнявшему обязанности начальника полиции, посетить судно, и на прощание, он запретил мне любое передвижение или прогулки по крепости.

Два больших турецких шлюпа и наша лодка были заполнены людьми, вооруженными до зубов, которые провели очень строгий обыск нашего «Маленького Августа», чтобы убедиться, что здесь нет ничего опасного для крепости Анапы. Чтобы я мог более терпимо относиться к этому абсурду, туфекчи-баши сто раз уверил меня, что это ничто иное как имитация таможенного досмотра, недавно введенного у них, но уже давно используемого гяурами. Его сопровождал молодой черкес, отличающийся располагающей внешностью. Он казался удовлетворенным всем увиденным, прохаживаясь по бригу часто повторял итальянское слово «биопо». Я отвел его в сторону, чтобы налить стаканчик рома, и расспросить, к какой стране он принадлежит, и где видел франков. «Ох!», – ответил он, – «я не принадлежу к этим дикарям; я не из Анапы, или Анатолии, родился в Лариссе, в прекрасной Румелии. Я служил под началом знаменитого Али Паши, и его сына Вели; поэтому видел франков, и оценил их превосходство над нами. Али, бывший великим человеком, высоко их ценил. Турки в Анапе вообразили, что на борту судна вы привезли отряд, чтобы захватить их крепость. Можете представить себе таких трусов? Они говорили, что вы шпионы; но что здесь можно выведать? Русские пять лет владели Анапой, и достаточно хорошо знают как она укреплена». – «Но», – спросил я, – «к какой нации они нас относят? Если они верят турецкому паспорту, они должны считать, что мы голландцы, и следовательно не имеем повода для войны с ними». – «О, мой друг, эти люди не страдают здравым смыслом, они не приучены думать как вы, под именем гяуров они объединяют всех христиан, семь королей¹⁰⁴ которых, по их словам, объединились вместе, чтобы противостоять силе мусульман. Что до меня, я вас рассматриваю как торговцев, путешественников, достойных людей, которые хотят увидеть мир, чтобы приобрести

¹⁰⁴ Турки насчитывают семь мощных союзных христианских суверенов объединившихся для этой цели: Россию, Австрию, Пруссию, Францию, Англию, Испанию и Швецию. – сноска пропущена в английском издании. – Прим. Переводчика.

больше знаний. Я бы жил лучше с вами, чем с ними. Увы!.. когда я смогу вернуться в мою страну? Вы были когда-нибудь в Румелии?» – «Да». – «Говорите по-гречески?» – «Да». – «Хорошо, давайте говорить на греческом, это почти мой родной язык». Я узнал, что его зовут Али, что при дворе Вели Паши он убил молодого человека, претендовавшего, быть красивее, чем он сам, и что это вынудило его бежать из Константинополя, здесь он поступил в свиту Анапского Паши на должность наргиледжи-баши (начальника кальяна). Наконец сослуживцы отозвали его, выговаривая за столь длительную беседу с гяуром, и он ушел, сказав, что поговорит обо мне с Пашой.

Довольно обычно наблюдать дружелюбие, которое турки, рожденные в Греции, проявляют к христианам, когда сами они окружены азиатами. Я часто это отмечал, и как мы увидели в Анапе, я вновь получил доказательства этого.

Туфекчи-баши унес несколько лепешек и две бутылки вина, которые тайно доверил своим друзьям.

Я оставался на борту, с нетерпением ожидая решения Паши. Ночью с юго-востока налетела сильная буря, которая вынудила нас отдать второй якорь, и подготовить третий, который, к счастью, не понадобился. Опасность, которой нас подвергла эта плохая погода, в купе с негостеприимностью жителей Анапы, отбросили тень на наши души, и господин Делескюз-младший, пожелал мне вновь поднять паруса так скоро, как это будет возможно. Привыкнув долгое время встречаться с неприятностями, я лучше, чем он, переносил такое неудачное начало. Я объяснил ему, что нам гораздо дешевле обойдется выстоять здесь несколько дней против плохой погоды, в сравнении с подозрениями жителей.

На следующий день я предстал перед Пашой с господином Делескюзом и господином Галлина. Его прием был несколько более благоприятным; но он все еще настаивал на необходимости держать на рейде крепости маленький бриг в восемьдесят тонн, вооруженный четырьмя пушками, с командой из десяти человек. Я вышел, получив в качестве единственного послабления, возможность разместиться в кофейне капитана порта, расположенной напротив ворот набережной, и у входа на улицу занятую лавками, в которые нам запрещалось даже заглядывать. Каждый турецкий начальник имеет свою кофейню, являющуюся чем-то вроде караульного помещения; народ идет сюда заплатить положенное, и это место, как и почти в каждой стране, служит для встречи бездельников. Даже Паша имеет собственную кофейню, с той только разницей, там его никогда не видели; здесь правит кафеджи-баши, главный по кофе Его Превосходительства. Этот человек является одним из главных офицеров; его покровительства ищет каждый, и он получает львиную долю подарков, которые направляет на содержание дома своего хозяина.

22 апреля. – Наконец мне повезло разыскать татарина, который пожелал поделиться со мной информацией, что можно купить в Анапе, и в чем нуждаются туземцы. Я убедился, что наши постельное белье, ситец, сталь, гвозди и стекло будут продаваться здесь с выгодой. Взамен жители Анапы могут предложить шкуры, заячьи шкурки, меха и воск. Я немедленно пошел к Паше, сделать последнюю попытку; его лицо показалось мне менее

отталкивающим; долгий разговор о политике, который мы имели предшествующим вечером, изменил его мнение обо мне в лучшую сторону. Я воспользовался этим, чтобы попросить об одолжении поспособствовать моей встрече с торговцами Анапы. Он не обещал этого, но пожелал послать на борт «Августа» человека уполномоченного ознакомиться с образцами постельного белья и ситцев, в которых он нуждался. Человек оказался армянином, ничем не выделявшимся. Простотой моих вопросов и показным доверием, которое я к нему проявил, я заставил его поверить, что он сможет чудовищно на нас заработать, если мы развернем бизнес в Анапе. Я устроил ему очень уважительный прием, а несколько бокалов пунша преуспели в достижении желательного результата. По возвращении к своему хозяину, он предложил свою голову в залог нашего хорошего поведения, и просил благосклонно поручить ему разрешить нам продажу товаров, равно как и покупку тех, что жители смогут нам предложить.

После ужина, я предпринял те же шаги через иморогора, или старшего конюшего: этот человек был найден пьянствующим. Я позволил ему увидеть несколько бутылок рома, и он незамедлительно объявил всем, что был близко со мной знаком в Константинополе и Александрии.

Следующим утром молодой албанец из Лариссы пришел сообщить мне, что чрезвычайные изменения случились в мою пользу в уме Паши. Я рассказал ему о намерении сделать Паше подношение, и попросил его помочь мне в выборе товаров, которые по его соображениям лучше подойдут. Согласно его совету, я выбрал ром, сахар, кексы, и поспешил послать Паше, которого я исправил. Было невозможно дольше сомневаться в моем прогрессе, когда он пригласил меня сесть, и я услышал, как он распорядился принести мне кофе – знак почета, которого я прежде не удостоивался. Мы наконец получили разрешение выгрузить наши товары, и разместить их в маленькой лавке, расположенной между кофейнями туфекчи-баши и капитана порта, и мы получили от Паши в подарок двух овец. Все это, в совокупности с чудесной погодой, заставило улыбки вновь показаться на наших губах; наши лица стали веселыми, и мы стали думать, как извлечь пользу из полученных преимуществ.

20-го числа, с самого раннего утра, великое множество бычьих и коровьих шкур уже было сложено возле нашей лавки, для обмена на сталь. Наш торговый обмен становился с каждым днем все более и более существенным; население Анапы и черкесы окружали нас постоянно, и испытывали свое удовольствие в усилиях доставить нам все, что мы казалось желали; все еще нам не позволялось свободно прогуляться в другие кварталы города; поскольку некоторые торговцы продолжали рассматривать нас как врагов, и Паша, которого уже ничто не страшило, остерегался подвергнуть нас опасным последствиям их подозрительности.

30-го апреля я был свидетелем приезда князя Атиукайя, проживавшего в Геленджике, о котором я упоминал в описании своего первого путешествия в Черкессию. Он с явным удовольствием вспоминал о том времени: предложил мне свои услуги, и пригласил меня повидать его с моими компаньонами, которых я ему представил. Он уверил меня в быстрой распродаже наших товаров и отличных сделках по местным продуктам, о которых

мы более всего расспрашивали: но я знал Геленджик слишком хорошо, чтобы верить во все то, что он рассказал. После того, как он пожал руки всем нам, он задержал мою, поднял глаза к небу, и предварил глубоким вздохом следующую речь, которую он произнес с торжественностью: – «Уже много лет прошло с тех пор, как я узнал вас; вас принимали в моем доме; в то время я ничего не мог сделать для вашей торговли, потому что Индар Оглы перетащил ее в Пшаду; но я сильно способствовал появлению у вас друзей, и распространил ваше имя среди натухайцев, шапсугов и абазехов. Вы сделали мне презент, который я хранил долгое время, и который я носил за ваше здоровье и счастье. Сегодня я рад познакомиться с новыми путешественниками. Я также могу стать их кунаком: я засвидетельствую свою силу и власть в их защиту, и окажу любые услуги, которые могут им потребоваться. Я уже говорил о вас Паше; он будет отвечать мне за ваше спокойствие; но вам будет гораздо лучше в Кутузи, и там я обещаю вам великолепную торговлю. Вы обещали туда вернуться, и я не сомневаюсь, что так и сделаете: а тем временем, я буду очень обязан, если вы дадите мне шестьдесят пиастров, ткани на одежду, и пороху. Не думайте, что я спрашиваю из корысти. О нет, Бог спас меня от такого чувства! Просто в залог вашей дружбы, мне не терпится получить эти вещи».

Мои компаньоны, которые не предвидя такого окончания, до сих пор восхищались благородным гостеприимством черкесов, совершенно нелепым образом резко изменились в лице. Я преуспел в уменьшении презента до нескольких ярдов хлопковой ткани, к которой мы добавили немного пороха, и множество комплиментов. Мы уверили Атиукайя в нашей привязанности, как мы будем рады увидеть его снова, и тогда докажем это новыми подарками. Он оставил нас с чувством глубокого удовлетворения.

Должен, однако, признать, что это была очень небольшая плата за дружбу князя, чье покровительство всегда так важно! Я сделал это замечание господину Делескюзу, который, казалось, очень сожалел о своей ткани и порохе, напомнив ему, что Телемах тоже делал подарки Менелаю.

Беседа с Атиукайем поставила Пашу в известность о факте моего посещения портов натухайцев. Он расспросил меня о том, что я там делал, и предполагаю ли вернуться туда? Отвечая, что позднее, мы возможно так и поступим, было легко заметить, что Сейд Ахмет, который начал убеждаться, что открытие нашей торговли в Анапе может стать ему выгодным, соображает как можно воспрепятствовать нам отправиться куда-то еще. Тем не менее, он обещал мне свое покровительство среди черкесских князей, и предложил анапского турка, имевшего множество кунаков, с которого он возьмет поручительство сопровождать нас, в целях безопасности, вдоль всего побережья.

Край к югу то Анапы предлагает лишь немного продуктов: чтобы собрать значительное их количество, необходимо провести здесь значительную часть года, и создать в различных пунктах побережья небольшие хранилища, которые суда будут сами разыскивать, или же местные суда должны будут собирать из них товар в главное представительство. Таким способом станет возможно закупать воловьих шкур среднего размера, воск, мед, заячьи шкурки, шкуры диких кабанов, волков, лис, соболей, шакалов, оленей и косуль; рожь, пшеницу, кукурузу, и различную древесину. Доставка этой продукции трудна, так как

нужно преодолевать очень высокие горы, где можно отыскать только узкие проходы, в которых едва хватает пространства для лошади. Анапа, напротив, расположена на западном берегу плодородных равнин Кубани, с легкостью получает их плоды, равно как и с северной части Кавказа. С момента упадка генуэзских владений на Черном море, черкесы больше не имели никаких внешних связей, исключая связи с магометанами, и когда, после покорения Крыма Екатериной II, турки основали Анапу, они организовали поставки всего необходимого. Никакое другое место не сможет перехватить торговый поток с этого маршрута, организованного более полувека назад, за исключение, однако, бухты Суджук-Кале, расположенной в тринадцати милях к юго-востоку от Анапы, и чья долина сообщается с равнинами. Именно здесь должно быть сформировано большое европейское представительство, если требуется создать владение не пересекаясь с турками. Ее якорная стоянка просторна и хороша. Раньше здесь была видна небольшая крепость, в которой турки держали гарнизон. Русские овладели ей в 1790, под командованием генерала Гудовича; а в 1811 под командованием Дюка Ришелье. Возвращенная туркам по мирному договору 1812, она остается незанятой; и в наши дни там можно увидеть лишь кучу руин: по берегам бухты виднеются несколько черкесских жилищ.

Черкесская торговля кажется значительно уменьшилась за последние годы, чему главным образом способствовало занятие местности русскими, в разное время прерывавшая связи с народами Кавказа, легко подверженные всем видам лишений. Набеги черноморских казаков также переместили значительную часть жителей равнин в горы, а тех кто остался, повергли в беспокойство, не способствующее их индустриальному развитию, и наконец чума, которая иногда производит ужасные опустошения в Черкессии, совместно с торговлей рабами, с неизбежностью уменьшила производство в этой стране, унеся значительную часть ее населения.

Каждый день около пятисот черкесов прибывают в Анапу, привозя с собой на маленьких повозках, а чаще на спине лошади, различные продукты, которые они приходят обменять на предметы в которых нуждаются.

Нужно иметь склонность к подобному бизнесу, но более всего, необычное терпение чтобы им заниматься, большая часть этих горцев привозят очень немногие вещи: например, две заячьих шкурки, небольшой сыр и меру зерна. Человек требует в обмен за это десяток необходимых ему мелочей, ради которых он проделал путь в тридцать лиг, чтобы получить их в Анапе. Все последние дни я часто видел подобные сделки. Во время торговли Черкес никогда не устанет повторять описание погони, в которой заяц был убит. Расскажет о корове, которая дала молоко, из которого сделан сыр. О поле и трудах по обработке земли, посева и жатве зерна, которую он предлагает. После сказанного нет смысла добавлять, что иностранец должен сначала предпочесть торговлю в Анапе только через посредничество турок, в пользу которых он должен отказаться от удовольствия прямого общения с черкесами.

Независимо от активности ежедневных торговых сделок, есть периоды года, когда торговля значительно оживляется прибытием конвоев с продуктами внутренних областей страны, которые турки называют «kervene» – караваны. Они прибывают в апреле, августе и

октябре. Первый караван – калмыцкий, привозит множество шкур быков, коров, буйволов, кроличьи шкурки, жир и воск. Поэтому именно весной совершается наибольшее количество сделок. Многие турки не ограничивают себя ожиданием в крепости прихода черкесов, они также отправляются в горы продавать свои товары, и создают небольшие амбары у своих кунаков.

Место, где расположена Анапа и ее окрестности, раньше принадлежала небольшому черкесскому племени, называемому Шхегаке¹⁰⁵, князь которого, Мамед Герей-Сане, был богат, занимался торговлей, имел суда в Черном море. В 1784 году турки построили Анапу для защиты татар, которые бежали на левый берег Кубани, и ногайцев, населявших равнины этой части Черкессии, а также для сохранения своих прежних связей с народами Кавказа. Начиная с этого времени черкесская продукция стала циркулировать по этому новому каналу, также, как раньше через Тамань и Темрюк, только что занятые Россией. В 1790 генерал Бибиков с 8 000 солдат попытался взять Анапу, но был вынужден отступить за реку Кубань, после потери половины своих сил. В 1791 генерал Гудович, после трехнедельной компании, взял Анапу штурмом. Это место оборонялось к тому времени 10 000 турок и 15 000 горцев. Их артиллерия состояла из восьмидесяти трех пушек и девяти мортир, население оценивалось в 5 000 человек. Россия вскоре возвратила Анапу Турции, также, как и крепость Суджук, взятую тем же генералом. 29 апреля 1807, русская эскадра состоящая из пяти линейных кораблей, пяти фрегатов, двух бригов, брандера и пяти канонерок, под командованием маркиза Траверсе и контр-адмирала Пустошкина, показала перед Анапой, с четырьмя полками морских пехотинцев на борту, под начальством генерала Говорова. 29-го атака продолжалась только два часа: жители и гарнизон сбегали в горы; лейтенант с «Неверовского», с несколькими моряками подняли русский флаг над стенами Анапы, в которой они застали только двадцать человек. Сотня орудий, множество военной амуниции, и два торговых судна попали в руки победителя. Все турки, искавшие убежище среди черкесов, были ограблены шапсугами и натухайцами.

6-го мая эскадра подняла паруса и оставила пустую Анапу, после неудачной попытки взорвать углы крепостных бастаионов. В 1809 Россия разместила здесь некоторые войска. В 1811 крепость Суджук была взята Дюком Ришелье, а в 1812 по Бухарестскому договору обе крепости вернули туркам. Некоторые части стен Анапы имели налет древности, заставивший меня подозревать, что они существовали до появления турок, некоторые укрепления могут быть отнесены к генуэзцам, от которых здесь не осталось никаких воспоминаний. Я также склонялся к мысли, что в более отдаленные времена это место занимал город Синдон, или Синдика. Помимо двух греческих надписей, и множества древних монет, которые были найдены здесь за время оккупации русскими, Арриан и Старбон подтверждают эти гипотезы. Первый из этих географов оценивал расстояние от Синдика до Пантикапея в 540 стадий. В наши дни, расстояние от Анапы до Керчи составляет 46 миль, которые, умноженные на 11 морских стадий, которые Арриан наиболее часто использует, составляет 506 стадий. Определенное сходство между названиями влияет на отождествление Синдики, с местоположением крепости Суджук, но

¹⁰⁵ Skhegake – прим. Переводчика.

следует отметить, что Суджук-Кале¹⁰⁶ это турецкое название, а черкесы, которые должны были сохранить название Синдика, называют Суджук-Кале – Тумуссе¹⁰⁷.

Крепость Анапы расположена на скале, продолжающей последние горы Черкессии, по-турецки именуемой Кизилкайя¹⁰⁸; ее поверхность ровная, и постепенно переходит в обширную равнину, тянущуюся к северу и востоку по направлению к Кубани. Стены Анапы со стороны моря имеют длину около четырехста двадцати пяти ярдов, а их периметр составляет 3/4 лиги. К югу и западу стены покоятся на отвесной известняковой скале более шестидесяти ярдов высотой. К северу, в сторону порта, берег понижается; некоторые бастионы и, со стороны равнины, выложенный камнем ров, защищают эту крепость, которая не сможет выстоять против европейской армии. Ее стены оснащены множеством пушек, насчитывающих восемьдесят пять медных орудий различного калибра, среди которых можно отыскать несколько кулеврин: они все увозились русскими в Севастополь. Невозможно даже вообразить, насколько ужасно состояние этих батарей; из них будет невозможно произвести больше трех-четырёх выстрелов.

Одна треть территории, внутри анапских стен, занята двумя сотнями лавок, и примерно столькими же хижинами из дерева, жердей, или глины. Население не превышает две тысячи душ. Гарнизон состоит из нескольких плохих артиллеристов, и вооруженных анатолийских крестьян, насчитывающих сегодня, до четырех сотен человек. Забавно видеть их прогуливающих по улицам, вяжущих шерстяные чулки и несущих свои ружья перекинутыми за спину на веревке. Паша не очень им доверяет; и от него часто слышали, что при первом появлении русских он сдаст крепость без сопротивления. Год назад появление в отдалении пяти судов заставило большую часть населения бежать в горы.

Крепость Анапа имеет несколько колодцев с очень плохой солоноватой водой, непригодной для питья; питьевую воду привозят в бочках из небольшой реки, называемой Бугур¹⁰⁹, которая, петляя по равнине, тринадцать лет назад излила свои воды в море на расстоянии в треть лиги от стен крепости. С тех пор у ее устья сформировалась песчаная насыпь, и только зимой река набирает силу чтобы пробить проход.

Население Анапы можно разделить на три класса: первый – собственно жители, называемые анапчанами¹¹⁰, рожденные в крепости, и происходящие от татар или турок, породнившихся с черкесскими семьями; второй – турки из Константинополя или Анатолии, которые большей частью, появляются здесь только в благоприятное время года: в целом это служащие некоторых богатых собственников из их страны; среди них находится часть бродяг, явившихся в Анапу в поисках убежища; третий класс – офицеры Паши.

Все эти люди имеют своих кунаков в Черкессии, что делает их почти независимыми от Паши. Отсюда происходят самые ужасные беспорядки, а их зачинщики редко несут

¹⁰⁶ Soudjouk, или Sooudjak-kale.

¹⁰⁷ Tumusse – прим. Переводчика.

¹⁰⁸ Kizilkaia – прим. Переводчика.

¹⁰⁹ Boughour, ныне река Анапка – прим. Переводчика.

¹¹⁰ Anapoli – (во французском издании) – прим. Переводчика.

наказание. Если они ощущают страх по этому поводу, им достаточно покинуть Анапу, и у подножия ее стен нагло смеяться над угрозами правосудия, которое никогда не отказывается принять их извинения при посредничестве их кунаков. Последние пользуются случаем взыскать со своих протезе подарки, в которых те никогда не смеют отказать. Обладание Анапой обходится Оттоманской Порте в значительные суммы, которые проводимая здесь торговля не может возместить. Многие черкесские семейства получают пенсии, Паше выделяется около 130 000 пиастров на их поддержку и содержание его свиты, присутствию которой он обязан своей безопасностью. На нем лежит также содержание таможни, обходящееся от 15 000 до 40 000 пиастров в год.

Некоторые райяты¹¹¹ также появляются в Анапе. Я встретил здесь девять армян и шестерых греков, постоянно проживающих несколько лет, либо уезжающих в конце лета. Они заняты различными ремеслами, и в малом бизнесе, где немногие из них получают существенный доход. Несколько русских, распределенных по различным магометанским сословиям, дополняют население Анапы. Многие состоят на службе Паши. Некоторые были захвачены черкесами в их набегах на правый берег Кубани; другие являются дезертирами, которые становятся собственностью первого встречного, на этой негостеприимной земле. Иногда их грузят на суда для продажи в Турцию.

В конечном итоге, в Анапе находится причудливая смесь всех сортов индивидов: лица кавказской национальности из самых отдаленных краев, среди которых можно упомянуть калмыков, комуков¹¹², кабардинцев, ногайцев, демиркапов¹¹³, дагестанцев, бухарцев и казанцев. Они приносят свои продукты туркам, или пришли сесть на судно для хаджа в Мекку. Я никогда не мог себе объяснить, как многие из них пересекают русские владения, отделяющие их от Анапы.

Утром 2-го мая на торговом бриге, принадлежащем Паше, вспыхнул пожар. Мы знали, что если бы это случилось ночью, капитан судна сказал бы, что мы пытались его поджечь, а население Анапы, чье воображение подогрето результатами бедствий, причиненных судам Султана греческими брандерами, без колебаний бы этому верило, и заставило на пушечный выстрел отойти от рейда. Сам Паша уверил меня, что отрубит голову каждому, кто заподозрит нас. Часть кормы брига была взорвана, несколько членов экипажа были тяжело ранены, и перевезены на берег, где мы попросили посетить их. Во время моего пребывания в архипелаге, другие турки заставили меня выполнить роль хирурга, говоря, что христиане, и особенно франки, наделены божеством даром медицины. Возможно господин Галлина и я смогли бы спасти одного из моряков, если бы в Анапе нашелся любой, кто умел бы делать кровопускание, или ставить пиявки, но наши поиски оказались бесплодными, и раненый захлебнулся кровью. Несмотря на это, наша забота произвела впечатление на население, и вскоре мы были окружены людьми, просившими нашего совета. После чего нас даже приглашали в дома лечить женщин. Нам повезло преуспеть в этом, применяя простейшие меры. Наша репутация разнеслась далеко и широко, и

¹¹¹ Райяты, райя (тур. râya, [p'a:я]) — слово обозначает всех христианских подданных Султана.

¹¹² Komouks – прим. Переводчика.

¹¹³ Demirkarouis – прим. Переводчика.

привела в Анапу татарина, бывшего гиппократом этого края. Он сказал, что пришел отдать должное нашему таланту, и углубить свои знания тем, чем мы пожелаем с ним поделиться. Он добавил, что обязан всеми познаниями французскому врачу, у которого он в давние времена служил в Крыму.

Анапский Паша, проведав, что я знаю русский, обязал меня перевести ему несколько писем, которые он уже давно получил от высших российских офицеров, и ответить на них. Война продолжала разорять берега Кубани. В феврале несколько боев произошли возле реки Афипис, которая впадает в Кубань недалеко от Екатеринодара. Русские сожгли здесь несколько сел. 7-го мая Сейд Ахмет получил информацию, что 3 000 черкесских конников в свою очередь сделали набег на территорию казаков, и вернулись, ведя с собой множество пленников. Паша казалось сильно разозлился на князей, руководивших этой экспедицией; поскольку, как он сказал, они ухудшали отношения с Россией, подозревавшей его в подстрекательстве. Он уверил меня, однако, что черкесы очень редко были агрессорами, но поскольку они беспрестанно возбуждались враждебными демонстрациями, ему их трудно сдерживать. Тогда я рассказал ему о миролюбивых намерениях России, и торговых отношениях, которые она желала установить с черкесами, особенно вдоль их побережья. – «О, ты все об этом знаешь», – сказал он, – «и ты реально думаешь, что эта держава желает торговать с черкесами? Она желает покорить их, как покорила татар, грузин, мингрелов, для чего ей заботиться дружбой бедных, неважных племен?» – «Россия», – ответил я, – «надеется побудить их сделать свои берега гостеприимными, и уважать ее границы, чьи обитатели безостановочно подвергаются хищным набегам. Если ее войска иногда воюют против племен, на берегах Кубани, или на дороге Моздок-Тифлис, то это потому, что русские убеждены, что привлекательность торговли не сможет повлиять на беспокойную ситуацию; что тот же человек, который приходит обменивать свои продукты на Екатеринодарский рынок, появляется чуть позже, увозя русских подданных в горы». Паша имел некоторые трудности, защищая мотивы черкесов, которые часто угоняют его лошадей с Анапской равнины, и среди которых даже турки, так долго обеспечивали их нужды, ничего не предпринимают без хороших гарантий. Сейд Ахмет перевел разговор на попытки России создать представительства на побережье. – «Это никогда не увенчается успехом», – сказал он, – «я знаю тех, кто участвует в этих предприятиях. Это явно клерки, пытающиеся пробраться в Пшаду, или другое место, несколько еврейских или армянских торговцев, которые привозят только соль, и все возвращаются очень разочарованными. Они ничего не добьются, побережье бедно, и только в Анапе можно получить какую-то прибыль. Это место хорошо расположено, и черкесы уверены, что найдут здесь все что им нужно. Русская торговля на побережье служит только обогащению Индара-Оглы: его компаньоны завидуют и подозревают в измене; но я убежден, что этот князь не слишком предан русским. Если ты будешь в Крыму, повтори, что я тебе говорил, и убеди их, что Сейд Ахмед не стремится чинить никакие препятствия торговле русских, для которой он предлагает использовать его крепость, куда они могут безопасно приходить и торговать получая выгоду». Легко было заметить, что Паша скорее бы предпочел не видеть русских ни на побережье, ни в своей крепости; но не менее ясно, что Россия сама стремится прийти в Анапу и подорвать перевес турок на Кавказе. Нет ничего более легкого, если правительство само предпримет это, и поручит исполнение персонам достойным его

доверия. Я убежден, что по истечению пары лет, ни одного турецкого торговца не останется в Анапе, все они станут брокерами или агентами российских торговых домов. Эти представительства должны быть защищены консулом, который будет иметь под своим командованием небольшой военный корабль, для поддержания связей между берегами Крыма и Кавказа.

Временами между турками и черкесами вспыхивают ссоры, которые возмущают спокойствие Анапы и даже ее торговли. Часто случай едва привлекает внимание цивилизованной части городского населения. Например, некий гарнизонный артиллерист оскорбил доверие черкеса, изнасиловав его жену: несколько районов клянутся отомстить и сообщают Паше, что будут нападать на всех турок, которых встретят, до тех пор, пока не получат возмещение, соответствующее чудовищности оскорбления: они поясняют, что война их не беспокоит, и если у турок есть крепость, то им крепостью служат горы. Виновный должен быть посажен Пашой в тюрьму, до вынесения приговора. Он будет присужден к уплате штрафа оружием, отрезами материи и скотом. По этому случаю черкес заметил мне, что турки погрязли в лени, и что они неспособны защитить Анапу от малейшей атаки русских, если только 20 000 черкесских всадников не поспешат им на помощь. – «Эти турецкие солдаты», – сказал он, – «не стоят трех парасов. Однако мы – другие, мы франики¹¹⁴, активны, воинственны и любим славу». Затем он пригласил меня пойти с ним осмотреть огромное множество камней с надписями, которые до сих пор встречаются в горах, что свидетельствует, по его словам, о происхождении черкесов, и к которым они испытывают величайшее уважение. Поскольку мое присутствие в Анапе являлось необходимым, было невозможно предпринять эту экскурсию, однако сообщение меня сильно заинтересовало.

16-го мая я познакомился с армянином из России, который прибыл получить деньги, которые ему задолжали турецкие торговцы. Он путешествовал по внутренним областям страны, скупая заячьи шкурки, которые пересылал в Таганрог. Он платил за них рублями и серебряной проволокой. Он сказал мне, что здесь есть районы полностью заселенные армянами, отличающимися от черкесов только исповеданием христианской религии. У них есть священники, но я ничего не смог узнать об их происхождении. Мне не терпелось отправиться и посетить их лично. Насколько было бы полезно сотрудничать с ними в стремлении развить в Черкессии драгоценные ростки христианства существующие здесь! Это будет большая работа для министра религии Иисуса, и может служить мощным средством, или даже единственным средством умиротворения Кавказа. Во время моего первого путешествия в Черкессию я был глубоко занят подобным проектом; покидая Нидерланды я должен был желать взять с собой маленькую статуэтку Девы, чтобы представить ее черкесам, под именем их Мериссы; поскольку я убежден, что христианство не должно быть представлено этим людям не как иностранная религия, а как их собственная, иллюстрированная, объясненная, и направляемая в сторону морали и возвышенности.

¹¹⁴ Franikes – прим. Переводчика.

Этот армянин имел с собой бумагу, согласно которой русские официальные лица поручали ему собрать информацию, относительно судьбы лейтенанта Гунали и его команды, которые были захвачены черкесами в 1818 на транспорте «Рафаэль», возвращавшемся из Редут-Кале в Керчь.

Крымский татарин прибыл **17-го мая** с Карасу-базарскими сафьяновыми кожами, обувью, и другими предметами, которые он приехал продать или обменять на черкесскую продукцию. Некоторые другие татары, привлеченные этой небольшой коммерцией, тоже приезжают каждый год в Анапу. Этот человек принес весть о мире, заключенном между Турцией и Персией, о сдаче Мореи¹¹⁵, об уплате нескольких миллионов, которые семь гяурских соверенов заплатили Султану. Паша послал спросить о моем мнении относительно этих событий. Я сказал ему, что не верю двум последним новостям, и это вызвало продолжительное обсуждение относительно протяженности, населения и сил государств каждого из семи соверенов, а также их влияния на остальную часть Европы. Я почувствовал смущение по поводу Сейд Ахмета, такое же, как чувствовал за год до того на побережье Малой Азии общаясь с Пашой города Скала Нова¹¹⁶. Их абсолютное невежество в географии, казалось мне невыносимым. Тем не менее, при помощи карты, в конечном итоге я смог им что-то объяснить. Не было ничего более забавного, чем видеть всех его офицеров, с руками скрещенными на груди, и вытянутыми вперед шеями, сосредоточенно следящими за кончиком моего пальца; они рассматривали каждое государство, раскрашенное в свой цвет, как символические фигуры. Россия была выкрашена в зеленый цвет, а Турция покрашенная красным у ее подножья, возмутила их; они подтвердили друг другу шепотом свое негодование, в попытке разубедить их, я пояснил Паше что это была южная часть, и что общепринято располагать одно наверху карты, а другое внизу. Сцена стала еще более нелепой, когда мы дошли до населения. Его Превосходительство не знал, что такое миллион. Мне пришлось показать ему счет десять раз по сто тысяч с помощью его десяти пальцев. Сотрудники, почувствовав его смущение, также стали считать; но это окончилось ничем; и каждый, глядя на две своих руки, закончил восклицанием – «чок!» (круто!).

Было время Рамазана – великого поста магометан, во время которого они воздерживаются, от восхода до захода солнца, от сна, пищи, питья, и даже курения. В крепости закат солнца отмечался для жителей пушечным выстрелом, который они ожидали с нетерпением, окруженные объектами в которых больше всего нуждались, таких как стаканы с водой, чашки кофе, хлеб, трубки, и т.п.; как только слышался звук пушки, все они приходили в движение, они ели, пили, курили, шли в мечеть, начинали ужинать, и в конечном итоге проводили ночь в удовлетворении своих потребностей и укрепляя себя перед лишениями, которые возобновятся на следующий день.

18-го мая, в Троицу, капитан «Маленького Августа» выстрелил из пушки, во время подъема флага в восемь часов утра; я накануне предупредил Пашу, который охотно дал свое разрешение. Вечером флаг был спущен, и произведен другой выстрел; но солнце еще не

¹¹⁵ Королевство Морея – венецианское название полуострова Пелопонес. – прим. Переводчика.

¹¹⁶ Современное название – Кушадасы (Kusadasi) – прим. Переводчика.

полностью опустилось за горизонт, и турки, перепутав звук выстрела со звуком крепостной пушки, мгновенно принялись есть. Каким же было их удивление, когда несколькими минутами позже, послышался выстрел их собственной пушки! Они побежали на бастионы, узнать в чем дело, и поняли, что гяуры выпалили из первой пушки, несомненно, чтобы обмануть правоверных и насмеяться над законом Пророка. Некоторые фанатики предложили добраться до судна и отомстить за себя; и они сделали бы так, если бы их смелость соответствовала их энтузиазму. Паша, который не был столь поспешен как прочие, не прекратил пост до обычного сигнала: он весело принимал жалобы населения, чей гнев он с трудом умиротворял. Мы сами, в неведении причин столь ужасного преступления, ничего не подозревая, сошли следующим утром на берег, когда Али пришел к нам навстречу с волнением, и сказал мне: – «Что вы наделали вчера? Вы всех нас заставили есть прежде заката. Жители вам этого не простят». – «Мой дорогой Али», – ответил я, – «за кого, во имя Небес, вы меня принимаете? Согласно вашим анапчанам, я одновременно русский шпион, прибывший захватить вашу крепость, и грек, прибывший поджечь ваши суда, а сегодня вы без сомнения назовете меня злым духом христианства, прибывшим в Анапу, насмеяться над Магометом, заставив правоверных есть раньше установленного времени. На самом деле все это слишком абсурдно! Я говорил вам, мой друг, что я вообще никак не отношусь к этой стране, а те кто так считают – дикари, не видевшие ничего». На это он рассказал мне о несчастном выстреле. Я сердечно посмеялся вместе с ним, но понимая, что могут наступить серьезные последствия, я попросил его объяснить, как все это случилось, и я пошел вместе с ним в несколько кофеен, где поработал, доказывая нашу полную невиновность. Сначала я был принят с жестким ропотом, но был достаточно успешен, снизив градус страстей, и я думал, что больше уже нечего было опасаться, когда два дня спустя, когда я проходил в конце торговой улицы, где я не смел показываться со времени моего прибытия, я услышал обращение в очень грубой форме, от человека, которого не знал. Я направился к нему, узнать, чего он хочет. Тогда, положив руку на кинжал, он закричал мне: – «Убирайся, или я убью тебя гяурская собака, шпион, явившийся насмеяться над мусульманами!» Другие турки старались его успокоить, и советовали мне вернуться. Я так и поступил, чтобы бессмысленно не подвергнуть себя чему-нибудь более серьезному, и я сходил пожаловаться Паше, который резко осудил этого человека. Он был одним из главных жителей Анапы.

23-го, несколько русских на рассвете убежали на шлюпке капитана порта. Я был удивлен, увидев, что нас не подозревают в том, что мы были посвящены в планы побега, и наши отношения с жителями нисколько не пострадали. Эти пленники направились на юг вдоль берега, и были перехвачены недалеко от Пшады, задержавшими их черкесами.

С начала нашего бартера, я почти все время был на берегу с господином Галлина, мы готовили себе пищу, которая большей частью была очень плохой, но и сам способ приготовления был настолько непригоден, что я был вынужден искать более комфортные условия. Старый армянин, по имени Балтазар, с которым я поделился своими нуждами, рассказал мне об одном из своих компаньонов, к которому мы можем обратиться, и предложил провести нас туда, на что мы с радостью согласились. Наш маршрут был загадочным: нас заставили пройти вверх по улице, достигнув маленькой двери, Балтазар отстучал заранее условленное количество ударов, и дверь открыл старик, за шестьдесят, с

впавшими щеками и короткой бородой. Мы вошли украдкой, и дверь моментально была закрыта изнутри, так же как и другая, открывавшаяся на улицу. Мы оказались замкнутыми в небольшом каменном доме, почерневшем от дыма, и освещенном только маленькими окнами, прикрытыми кружевными занавесками. То, как мы осматривались, было воспринято нашим хозяином как признак плохих предчувствий, что заставило его рассеять наши опасения – он несколько раз перекрестился, повторяя – «Христос». Он был очарован, услышав, как мы повторили слово, и начал радостно жарить копченый язык и готовить плов. Мы пригласили его принять участие в нашей трапезе, на что он согласился, и несколько стаканчиков рома, из бутылки, которую господин Галлина принес в своем кармане, сделали нас лучшим в мире друзьями. Эта сцена, достойная ранних веков христианства, заставила нас надолго задуматься об удивительной силе общей веры, объединившей нас у подножия Кавказа. Знак креста и имя Христа соединили за столом, словно членов единой семьи, одного армянина из Амазии, другого из Синопа, итальянца из Равенны, и голландца, изгнав из их среды подозрительность и беспокойство. Мы продолжали приходить и ужинать с этим человеком, ставшим нашим ресторатором.

Князь Ногай, сын Индар-коу, прибыл в Анапу 24 мая, в сопровождении господина Тауша, одного из торговых уполномоченных, содержащихся русскими в Пшаде. Я упоминал о них, в рассказе о моих первых путешествиях в Черкессию. Я с большим удовольствием увидел их снова; Ногай, представлявшийся нашим кунаком, извинился, что не смог раньше приехать повидать меня, и расспросил, не жалею ли я на анапчан? Я поведал ему об их подозрительности, о трудностях, которые сопровождали мое прибытие. Это вызвало его гнев против Паши, и я с большим трудом сдержал его желание пойти устроить разборки. Однако я сумел объяснить ему, что я не заявлял себя чьим либо гостем, а, следовательно, он только восстановит Пашу против меня, дав тому понять, что я на него жаловался. Он взял с меня обещание, что я незамедлительно сообщу ему о первой же неприятности, которой могу снова подвергнуться.

Ногаю нетерпелось увидеть бриг, где он объявил себя кунаком всех членов команды. Господин Делескюз, памятуя об Атиукайе, почувствовал, что бессмысленно ждать, когда от него потребуют подарки, распорядился приготовить ружейный ствол, порох, хлопчатобумажные изделия, и некоторые мелочи, что было принято Ногаем с удовольствием. Он отправился ночевать на берег, а господин Тауш, с которым мне не терпелось поговорить, остался на борту до следующего утра. От него я узнал, что опустошение, произведенное в последние пять лет в Новороссии саранчой, побудило караимских (армянские евреи) спекулянтов, отправиться в поисках зерна на побережье Черкессии, куда они везли соль из Керчи. Обратный груз состоял главным образом из ржи, продажа которой в Крыму приносит значительную прибыль. Этим занимались три или четыре небольших судна под российским флагом; но как только случится хороший урожай в Таврической губернии, или остальная часть Новороссии сумеет обеспечить собственное потребление, эта торговля не сможет дальше поддерживаться. Ржаное зерно дополняли небольшие партии воска и мехов. Несмотря на незначительность, этот бизнес поддерживал надежду на умиротворение и дружбу с черкесами, через торговые отношения; и русское правительство, представляемое господином Скасси, послало ценные

подарки князю Мехмету Индар-коу, который всегда рассматривался как большой покровитель русских в Черкессии.

Господин Тауш зимой совершил поездку в страну абазов, известную в Европе под названием Абазия. Он считает ее богаче натухайских краев, и он уверил меня, что иностранец, получивший рекомендации от Индара-коу, не преминет воспользоваться исключительно хорошим приемом. Местные жители рассказали ему о существовании в стране множества старых построек, имеющих репутацию святых мест, хранящих священные книги, фигуры и орнаменты огромной ценности. Они служат убежищами для преступников, которых оттуда никто не смеет вытащить. Они являются, без сомнения, церквями, о существовании которых у абазов нам известно, и которые свидетельствуют о присутствии среди них христиан. Согласно тому, что господин Тауш рассказал мне, кажется что там также есть несколько драгоценных остатков античности, таких как барельефы, статуи, надписи, остатки фриз и колонн. К сожалению, господин Тауш не попытался проверить реальность существования этих крайне интересных объектов.

Он показал мне несколько монет Боспорских царей, и сказал, что в окрестности Пшады в вазе было найдено большое количество похожих серебряных, но что он узнал об этом слишком поздно, после того как все они были переплавлены черкесами. Любителю этих драгоценных памятников истории, и торговли антиквариатом, будет без сомнения не только легко заполучить все то, что было случайно найдено при возделывании почвы, но также можно заинтересовать нескольких местных жителей полностью посвятить себя их поискам.

В рассказе о моем первом путешествии в Черкессию, я упоминал о некоторых горах, примечательных своими формами, или ядовитыми испарениями которые они выделяют. Господин Тауш в своем путешествии, слышал рассказ об одной очень высокой горе в высокогорье Кавказа, возможно Эльбрусе, где есть пугающая пропасть, из которой временами слышны звяканье цепей и громкие стоны. Абазы рассказывают, что человек из их племени спустился в эту пропасть, и обнаружил там огромного великана, который ему сказал – «О, ты, обитатель земли, пришедший навестить меня, что делается на поверхности? Вечно ли зеленеют растения? Царит ли мир в семьях? Верна ли жена своему мужу, дочь покорна матери, а сын отцу?» Черкес ответил утвердительно, сказав: – «Все хорошо, и я обречен жить там еще долгое время».

Эта сказка имеет определенное сходство с мифом о Прометее, следы которого я был рад обнаружить в той самой стране, куда его помещали поэты античности. Это доказывает нам, что этот персонаж должен иметь историческое происхождение, на которое, вероятно, можно будет пролить некоторый свет, при обстоятельном посещении высокогорного Кавказа.

Я расспросил господина Тауша о новостях семейства Индара-Оглы, и с горечью узнал, о недавней смерти жены этого князя. Шапсугский князь сватался к его дочери Гуаше, но предложенная цена оказалась слишком маленькой. Чапсин, которую я знал очень юной, прославилась среди натухайцев своим мастерством в женских делах, и матери ставили ее в пример своим дочерям. Ислама-Гери прозвали Мудрецом, и часто избирали судить

важные дела. Касполете пошел по следам своего брата Ногая, и уже отличился в опасных набегах. Мойссе, самый юный из сыновей Индара-Оглы, четырнадцати лет, уже угнал несколько голов скота и лошадей: в конце концов восьмилетним ребенком Ногай украл двух коз. «О!», – воскликнул господин Тауш, – «все обещает дому Индара-Оглы честь, силу и долгое процветание!» Это восклицание заставило меня рассмеяться, господин Тауш припомнил, что обращается к иностранцу, и сказал: – «Вы долго путешествовали с тех пор как мы встретились в этой стране, вы всегда принадлежали к цивилизованным нациям, и я забыл, что другие идеи преобладают здесь относительно того что составляет честь, и многие вещи зависят от более или менее блестящей рамы в которую они вставлены. Я уверен однако, что даже в Париже вы иногда сожалеете о долине Пшады, что над золоченым входом Тюильри вы видите соломенную крышу мазанки князя Индар-коу, и что в салонах столицы цивилизованного мира, где искусство непрерывно скрывает природу от нашего взора, вам иногда хочется перенестись в наши леса, и участвовать в наших праздниках».

Господин Тауш был прав.

В рассказе о моем первом путешествии в Черкессию, я говорил, что этот агент находился в этой стране с шестнадцатилетнего возраста, некоторые обстоятельства вынудили его оставить господина Скасси, когда я оставил командование шхуной «Черкес». После чего он около трех лет жил в Крыму со своими родными, постоянно тоскуя об усыновившей его стране. В конце этого срока. Его бывший шеф пожелал снова привлечь его к коммерческим связям с Черкессией, в которых он был незаменим, и он воспользовался отправкой транспорта, чтобы вернуться туда. Вместе с ним был отправлен коллега по имени господин Молфино, генуэзский моряк. Мудров, который в 1818 выкрал молодую девушку из Пшады, был вынужден покинуть эти края и вернуться в Крым.

Господин Тауш покинул нас утром 25-го, после обеда, сразу же отправившись с Ногаем в сторону Бугаза, где он должен был общаться с какими-то русскими чиновниками.

Я убедился, что этот визит Ногая, и то, что он, без сомнения, рассказал обо мне анапчанам, прибавило к уважению, в приобретении которого я наконец-то преуспел. Некоторые торговцы пришли уверить меня, что друг Ногая всегда найдет в их лице самых преданных защитников. Черкесский князь по имени Науруссе-Оку Девлет-Мурза¹¹⁷, отличившийся в войнах против русских, имевший высокую репутацию в окрестностях Анапы, искал моей дружбы, говоря. Что он племянник Ногая, и что он сожалеет, что раньше со мной не познакомился, поскольку, возможно, мог бы быть мне полезен.

За время месяца, когда я ежедневно общался с черкесами, я смог узнать множество слов, для того чтобы самостоятельно понимать язык, но необычно то, что во время моего визита в Анапу, было очень немного носителей языка, небольшой словарь которого я ранее составил, которых можно было понять, и когда я хотел откорректировать орфографию, я двадцать раз менял буквы для одного и того же звука, хотя я крайне внимательно следил за произношением черкесов. Эта трудность присуща большей части их слов: я отношу это к

¹¹⁷ Naourousse-Okou Devlet-Mourza

тому, что так как народ не имеет письменности, звуки, которые они используют в своих словах еще не устоялись, вследствие чего артикулируются небрежно, в неопределенной манере, которую можно передать голосом, но которую никак нельзя передать буквами. Идею этого выдвинули турки, рассказывая, что Султан послал ученого в путешествие, с заданием изучить все языки на земле, и когда после возвращения, ученый признался, что не знает черкесского, он вытащил из кармана мешочек с галькой и начал его трясти, говоря, что это единственный способ которым можно передать звуки этого особенного языка.

Хотя черкесская продукция с каждым днем все больше и больше накапливалась в Анапе, и наши мены становились все значительнее, мы решили готовиться к отходу, поскольку приближался срок нашей встречи с «Тритоном» в бухте Феодосии. С этой целью я нанес визит Паше, прося его о бумагах «Маленького Августа». Он распорядился их подготовить, и был выдан сертификат, подтверждающий, насколько глубоко он был удовлетворен моим поведением, и торговлей, которую я желал опробовать и затем открыть в крепости. Он упрекнул, что я не приходил чаще повидаться с ним, и задал множество вопросов о состоянии и политике главных христианских стран. На следующий день я имел случай испытать его правосудие. Туфекчи-баши, который, как я уже говорил, исполнял функции начальника полиции, был неуважителен к Али-Аге, который просил его заплатить за несколько товаров, которые он приобрел у нас, но желал иметь даром, сверх множества подарков, которые мы ему сделали, я пожаловался на него Паше, последний незамедлительно его вызвал, и после ужасного разноса в моем присутствии, приказал ему заплатить в таможенную въездные и экспортные пошлины, которые поднялись до суммы, которую он нам задолжал. Некоторые армяне сделали все, что было в их силах, чтобы побудить меня пожертвовать эти деньги, расписывая мне негодование туфекчи-баши в самых живописных красках, но это только сильнее заставляло меня доказать жителям Анапы разницу между нами и райатами, и в Турции кроме того было общепринято, назначать себя на выбранное место.

1-го июня значительное количество черкесов вновь пришли требовать удовлетворения за оскорбление, нанесенное какими-то артиллеристами их женщинам. Анапчане были сильно обеспокоены, и предложили 1200 пиастров, либо продать в рабство виновника, но дело не было завершено.

Я ушел от Паши, и думал только о подъеме парусов, когда, в 10 вечера, Али-Ага пришел ко мне в крайней спешке и просил пойти к нему, перевести письмо, которое он только что получил с правого берега Кубани. В нем говорилось, что здесь замечено большое скопление русских солдат, а в Анапе явно боялись атаки, которой Сейд-Ахмет не имел желания противостоять. Все население Анапы молилось в паническом страхе. Я поспешил успокоить их страхи, как только прочел письмо, которое было написано русским генералом в очень мирном тоне, и ограничивалось вопросами обмена нескольких дезертиров. Паша, в чьей власти они находились, и который не выдавал их, ответил генералу, что все они убежали на шлюпке капитана порта.

2-го июня, после полудня, мы наконец подняли паруса с хорошим восточным ветром. Мы провели следующий день в море, а 4-го бросили якорь в порту Феодосии.

Поездка в Редут-Кале, Трапезунд, Пшаду и Анапу

Я вновь поднял паруса, отправляясь из Феодосии на «Маленьком Августе» **6-го июля**, с тем чтобы посетить большую часть азиатских берегов. **7-го** мы прошли возле Анапы, Суджука, Геленджика и Идукопаса, а к заходу оставили Пшаду на расстоянии около восьми миль к юго-востоку. Виды всех этих мест живо напомнили мне обстоятельства сопровождавшие первые путешествия которые я туда совершил: склонившись над такелажем, я внимательно всматривался, и мое воображение путешествовало по горам и среди лесов, в гуще дикого населения, которое недавно так прочно приковало мое внимание.

К югу то Пшады мы направились дальше от берега, чтобы нашей скорости не противодействовало течение, которое вдоль берега течет строго к северу. **11-го**, в шесть вечера мы встали на якорь возле Копи (Редут-Кале), в трех четвертях лиги от берега. После высадки нескольких торговцев, направлявшихся в Грузию, мы оставили это ужасный рейд после полудня **18-го**. На следующий день перед нами открылся Батум у подножья белого обрыва, над которым господствовали очень высокие горы. **21-го** мы были вблизи мыса, расположенного примерно в тридцати-шести милях от Батума, дальше побережье отступало и образовывало подобие залива с мысом Орос Трапезунда. Я любил созерцать эту страну, где прежде существовали вторые Афины, и я был бы рад иметь возможность высадиться здесь, чтобы разыскать следы этой плодородной дочери Перикла, угасшей, как знаменитый изгнанник, вдалеке от лазурных небес своего отечества, ее гробница окружена нищетой и забвением, и пока небесное знамя вьется над Парфеноном, еще долгое время будут слышаться звон цепей и крики варваров. Мы, которые видели Афины освобожденными от своих оков, улыбаемся с надеждой, охваченные горестными чувствами; мы желали, показав наш поднятый флаг, послать сигнал этим местам, украшенным знаменитым именем, все величие которого, без сомнения, знали только мы на этих берегах; это была дань, уплаченная городу Минервы – букет цветов на могилу ее дочери.

Вечером **24-го** мы встали на якорь у Трапезунда; мое пребывание в этом городе продлилось восемнадцать дней. Я имел здесь удовольствие познакомиться с господином Сент Андре, французским консулом, упоминания о котором я часто слышал в Греции, которую он оставил незадолго до моего визита, и господами Мессоном и Бушером, его советником и драгоманом. В это время они были единственными европейцами, жившими в Трапезунде. Мы подняли паруса вечером **10-го августа** и направились к Пшаде. **14-го** числа гигантские массы Кавказа показались по правому борту: они пересекались облаками в четырех или пяти местах, и казалось формировали столько же воздушных островов. В полдень **17-го** мы обнаружили парус, очень близко от берега, позже мы убедились, что это не черкесская лодка; но так как мы были уверены что небольшие суденышки, принадлежащие лазам, здесь часто одалживаются по требованию черкесов с целью грабежа судов проходящих рядом с их берегами, мы зарядили наши пушки и

приготовились к обороне. Эти приготовления оказались ни к чему, поскольку турецкое судно, послужившее их причиной, прошло мимо нас после захода солнца очень миролюбиво, ответив на наш «oghhourollah» («удачи»), которым я его приветствовал.

Мнение, которое бытует о черкесских пиратах – преувеличено: описание, которое я дал их лодкам в первую поездку в Черкессию, достаточно доказывает, что они не могут ни держаться вдалеке от берега, ни противостоять выстрелу самой маленькой пушки. Я убежден, что с двумя хорошо подготовленными пушками, и несколькими ружьями, судну будет легко выдержать атаку нескольких лодок. Черкесы, чтобы укрыть их от непогоды, загоняют их в речушки, или вытаскивают на берег; и для того чтобы не подвергать их солнечному жару, который способствует их разрушению, они заботливо наполняют их водой, или укрывают листвой. Некоторые авторы смешно предполагают, что это предосторожность, с целью не быть замеченными с судов, которые обрекаются на неожиданное нападение. Будет трудно и опасно преследовать эти лодки к местам их укрытий, кроме того, что их разрушение принесет очень мало пользы, если находящиеся на борту не будут одновременно наказаны. Чтобы этого добиться, будет необходимо заманить их в море видом судна, которое будет замаскировано таким образом, чтобы не оставалось вообще никаких внешних признаков воинственности, и которое сможет расстрелять их из пушек по первому сигналу. Эти меры, которые конечно не новы, в очень короткое время обеспечат спокойствие каждого судна приближающегося к Кавказскому берегу.

Здесь я добавлю то, что Страбон говорил о Черкесских пиратах античности, и о различных народах этого побережья, которыми оно изобиловало даже тогда. Это описание можно почти полностью отнести к сегодняшним дням: «Ахеи, зыхи и эмохи, населяющие берег Черкессии, после азиатских меотов и горгипов¹¹⁸, занимаются пиратством на маленьких лодках, сделанных из досок, тонких, узких и легких, вмещающих двадцать пять, реже тридцать человек; они называются «камара»; иногда хозяева Киммерийского Боспора укрывают их, предоставляя им секретные бухты, рынок, и выставляя их добычу. По возвращении в свои края, где лодки не имеют укрытия¹¹⁹, они берут эти камары на свои плечи, и уносят далеко от берега в лес, который они населяют, предпочитая равнинам, почва которых бедна. Они приносят эти лодки обратно на берег, когда настает сезон благоприятный для навигации; то же они проделывают и на иностранных берегах: они обустроивают болотистые места, для вытаскивания своих камар; а затем появляются днем и ночью чтобы захватить рабов: но когда они захватывают пленников, они с готовностью соглашаются на их выкуп, и указывают их родителям место, куда пленники будут доставлены.

Среди тех племен, что управляются собственными князьями, чужеземец, подвергшийся жестокому обращению, может найти определенную поддержку. Одно племя будет

¹¹⁸ Meotians and ghorghypie – прим. Перводчика.

¹¹⁹ Если под «убежищем» подразумевается якорная стоянка, то это неправильно, поскольку Черкессия имеет их несколько, в особенности для лодок.

защищать его против другого, поскольку они часто воюют между собой, и берут в плен камары своих врагов вместе с их командами».

18-го я вышел на палубу в четыре утра, осмотреть якорную стоянку Пшады, от которой мы были очень близко, – самое большое – две лиги отделяли нас от берега, который не был закрыт облаками; это было действительно величественное зрелище видеть цепь могучих гор, последовательно освещаемых солнцем, которое вставало позади них. Я обнаружил, что мы были на траверсе Туге¹²⁰, находящейся примерно в двадцати милях от Пшады. Это очень маленькая бухта полукруглой формы, диаметром около три четверти мили. Следует держаться на расстоянии кабельтова от двух точек ее входа, где расположены отмели, и бросать якорь между ними, на глубине десять с половиной – одиннадцать фатомов, на илистое дно. Я не сомневаюсь, что внутренняя часть бухты дает лучшую якорную стоянку. В Туге можно встретить значительное население, что облегчает меновую торговлю. Это место на побережье, и другое, называемое Шапсукай, соотносится с древней Ахайя у Арриана, которую он помещал в 830 стадиях от Синдики. Ближе к восьми часам я заметил небольшой низкий мыс, а дальше – следующий, который завершал берег; двигаясь дальше, я разглядел на последнем сосны, а немного погодя – местность, очертания которой были мне знакомы. Скалистые обрывы, которые ограничивают берег Черкессии, уже были белыми, а не красными, и наконец небольшая бухта открылась взору. Здесь я увидел гробницу, покрытую крышей, долину, рощи – это была Пшада! Мое сердце забилося при виде первой страны, где мое честолюбие надеялось найти необычную карьеру, что в последствие долго служило темой моих мечтаний. Я так же знал, что мое появление здесь сформировало эпоху, что я смогу вновь найти здесь воспоминания обо мне, сильно запечатленные в памяти нескольких тысяч человек, тогда как мое нахождение среди цивилизованных людей оставалось неизвестным, а мой портрет возможно изредка напоминает черты моего лица тем, кто были моими самыми близкими друзьями.

Мы бросили якорь в девять часов, рядом с небольшим судном под русским флагом, которое было вынуждено преждевременно покинуть бухту Туге, чтобы не быть атакованными врагами их кунака. Керченский грек, который командовал им, пришел повидаться со мной, и сказал, что он разузнал о том, что население долины Пшады само было далеко от спокойствия; разделенное на две партии, из которых, населявшая левый берег реки была против Индара-Коу, и по прибытии чужаков множество пистолетных и ружейных выстрелов слышались прошлым вечером, и высадка не представлялась сколько-нибудь благоразумной. Однако, поскольку мне хотелось сойти на берег, я оделся в черкесскую одежду, которую я получил пять лет назад в Пшаде, и которая с тех пор следовала со мной через значительную часть старой Европы. Я покрыл голову башлыком, служившим Брюге образцом для головного убора статуи Яна Ван Эйка¹²¹. И вооружившись

¹²⁰ Toughe – прим. Переводчика.

¹²¹ Рассматривая некоторые портреты 15 века, я всегда удивлялся сильному сходству костюмов того времени и современной одежды татар и черкесов в наши дни. Особенно головные уборы совершенно подобны, их фасон должен был распространиться по Европе, когда торговля большей части Азии проходила через Каспийское море, Бухару, Новгород, Шердиг и Висби, обогащая Германию, и формируя здесь род ассоциации, называемой Ганзейской лигой. Когда я был в Брюге, в

кинжалом и пистолетом, выступил с четырьмя моряками. Несколько всадников прискакали встретить меня в устье реки, где я собирался высадиться. Один из них сказал мне, что он господин Молфино, русский агент, действующий совместно с господином Таушем. Он сообщил мне, что последний был болен, князи Индар-Коу отсутствовал, как и его сыновья Ногай и Ислам-Гери; но Касполете и Моссе были в доме вместе с сестрами. Господин Молфино дал мне знать о своем желании подняться на борт, я не сошел на берег, и он отправился и провел весь остаток дня с нами.

С 1818 года склады в Пшаде поджигались три раза; представителям и торговцам здесь беспрестанно досаждали; суда отбирали, или угрожали отобрать, даже натухайцы. Как я уже говорил ранее, нехватка продуктов, которой был охвачен Крым в результате нашествия саранчи, заинтересовала несколько торговцев с этого полуострова, евреев-караимов, или армян, привлеченных их рассказами, попытаться экспортировать зерно из Суджук-Кале, Геленджика, Пшады и Туге: некоторые из них были разорены. Остались только двое, один из которых все еще боролся со своей нелегкой судьбой, а другой скрывал свои несчастья в Пшаде.

Русское Правительство, которое, однако, оставалось заинтересованным в торговых отношениях с черкесами, делало ценные подарки многим из их князей, и особенно Индару-Коу, который получил от Императора Александра великолепный кинжал, украшенный драгоценными камнями. И, тем не менее, он и его сыновья Ногай и Ислам-Гери, во время моего пребывания в Пшаде, участвовали в экспедиции против Черноморских казаков.

Господин Тауш прибыл вечером, после страданий, причиненных здоровьем, которые его сильно ослабили; он сказал мне, что меня ждали юные княжны, желавшие увидеть их строго друга, капитана. Мы отправились следующим утром увидеться с ними: недалеко от берега, я нашел три склада, заполненных солью, практически в том же месте, которое занимали те, что я видел в 1818. Маленький дом, построенный сбоку от них и окруженный раскидистыми деревьями, принадлежал Матапхе, которую представитель Мудров увез незадолго до моей первой поездки в Черкессию. В то время этот случай вызвал волнения в долине Пшады; позже Мудров получил приказ вернуться в Крым; он подчинился ему и расстался со своей любовью, которая как раз готовилась сделать его отцом. Этот отъезд очень сильно не понравился черкесам, и особенно семейству Матапхе, которое не

> _____

1821, я оделся по-черкесски, чтобы доставить удовольствие компании в которую я был приглашен вечером. Я надел черкесский башлык, концы которого завязал сзади, после того, как обвил их вокруг головы. Едва я вошел в комнату, как услышал чье-то восклицание: – «вот головной убор Яна Ван Эйка!» Он подошел ко мне, осмотрел мой капюшон, и сказал, что нанят изготовить статую этого художника, которая украсит площадь Академии художеств в Брюге, его родном краю, его очень сильно затрудняло угадать род головного убора, в котором тот изображен на своем портрете, и который он нашел на моей голове. Я предложил ему башлык, а он пригласил меня одеть его на модель головы статуи изобретателя письма масляными красками. Я так и сделал с большим удовольствием, так как этот скульптор, по имени Калуан (Calloigne) превосходный артист, уже обладавший несколькими достижениями. Его жена была прекрасным человеком и очень умна.

получило ничего из суммы которую они согласовали, и которые показывали свое негодование побуждая Индара-Коу написать в Россию требование заплатить; но это пока не было сделано. Несчастливая Матапхе родила сына, которого назвала Крымбей (князь Крыма). Оставленная своими родителями, презираемая своими соотечественницами, эта несчастная женщина жила на благотворительность. Господин Тауш оказал ей услугу, построив для нее дом, где она жила, и куда я пришел навестить ее. Как только он увидела меня, она выбежала навстречу, и выразила высочайший восторг и уважение: мой вид напомнил мечты о счастье, занимавшие ее мысли пять лет назад, и надежда опять увидеть того кто породил их, вероятно промелькнула опять перед ее глазами. Одна из двух комнат ее хижины была занята армянином, представлявшим в Пшаде всю полноту иностранной торговли. Это соседство вызывало множество слухов относительно Матапхе, которая все еще была очень хороша, и как говорили, чувственна.

Остов судна привлек мое внимание, и я с болью узнал, что это были останки шхуны «Черкес», которую я построил, и которой командовал, и которая потерпела крушение в Пшаде в 1819. Ее капитаном был офицер, о котором я часто упоминал в мою первую поездку; ему посчастливилось спастись со всей командой, и Индар-Коу обеспечил им спокойную поездку через страну натухайцев в Россию; Анапский Паша также внес вклад, помогая им.

Касполете и Моссе, сопровождаемые дворянами и вассалами, вскоре прибыли к складам, чтобы проводить нас к себе домой; все они, видя меня вновь, выражали радость в атмосфере искренности, что очень тронуло меня. Во время моего пребывания в Пшаде, я часто имел удовольствие замечать, что ее жители были до сих пор привязаны ко мне. Перемещаясь по долине я наблюдал несколько жилищ стоявших покинутыми или в руинах, владельцы которых умерли от чумы 1820. Это бедствие было, как обычно, занесено в Черкессию турецким торговцами через Анапу; Индар-Оглы избежал заражения, установив карантин в своем доме, где никто не пострадал.

Две дочери князя, Гуаша и Чапсин, приняли меня как старого друга; старшая усадила меня рядом с собой и постоянно держала одну из моих рук в своей руке. В 1818, я был лишен этого знака дружбы, который к моему изумлению выказывался господину Таушу. Чапсин была в постели, в комнате, где нас принимали, страдая от высокой температуры, по этому поводу я послал ей на следующий день немного ревеня, который полностью ее излечил. Посередине комнаты был расстелен маленький ковер, рядом с которым стояла пара тапочек и подсвечник, в память о матери этих княжон, умершей несколько месяцев назад; эти вещи будут оставаться здесь, пока не истечет год. Тот, кто в первый раз входил в это помещение, был обязан ударить себя в грудь и издать глубокий стон. Мой титул иностранца исключил меня из показа этого проявления горя.

Гуаша расспросила о даме, приезжавшей со мной в Пшаду в 1818; и она поспешила показать мне кинжал, который Император Александр послал ее отцу, и посмотреть который некоторые черкесы приходили издалека.

Трапеза была накрыта нам очень поздно, в хижине господ Тауша и Молфино, где мы провели ночь. Мы не оставляли княжон и этих господ до следующего утра.

Между жилищем Индара-Коу и берегом расположено несколько сооружений, которые я пошел посмотреть; их шесть штук, и они кажутся очень древними; каждый из них был составлен из пяти огромных камней, четыре из которых лежали горизонтально, формируя параллелограмм, а один положен плоско сверху, служа покрытием, и перекрывая их со всех сторон. Эти необычные памятники имеют около двенадцати футов длины и девять ширины: земля, которая была подсыпана вокруг них, мешает определить реальную высоту. Камни имеют толщину сорок дюймов. Тот, что формирует фасад, смещен на два фута назад между двумя боковыми камнями, таким образом формируя подобие открытого вестибюля. Этот же самый камень имеет в нижней части отверстие, максимум фут в диаметре.

Черкесы рассказывают, что эти уникальные памятники построены гигантами, чтобы дать защиту от немилосердия непогоды расе маленьких людей, которые тогда населяли их страну, и нуждались в силе для постройки здесь домов; их лошадьми были зайцы. Такова мифологическая традиция, но я верю, что эти памятники, которые до сих пор хорошо сохранились, служили гробницами для некой расы, населявшей Кавказ в очень отдаленный период. Определенная аналогия между ними и замком Онга, подмечена Фурмоном в Лаконии, около развалин Амиклеи, напоминая нам, что гениохи были народом происходящим из Лаконии, который был выведен на Кавказ колесничими Кастора и Поллукса, и который должен был поселиться недалеко от Пшады¹²².

Когда мы подошли к берегу, моряки со шлюпки, которая ждала нас в реке, сказали нам, что море сильно заштормило, что в устье реки была огромная полоса бурунов, в которой они почти потеряли управление, и что они думают, будет лучше не пытаться вернуться на судно. Однако, поколебавшись некоторое время что же нам предпринять, мы сели в шлюпку. Удивительно, как порой без нужды, подвергают себя опасности, о которой в другое время даже страшатся подумать. Единственной причиной, подгонявшей нас в этот раз, был аппетит, который черкесская диета придала юному Делескюзу, чей обильный ужин ждал на борту! Море обрушивалось с ужасным ревом на берег, оно было почти черным, и только сверкающие в лунном свете слои пены, делали видимыми белый гребень на верхушках волн. Зрелище этого гребня было воистину захватывающим – он вырастал перед нами как стена, у подножья которой разверзлась бездна, угрожавшая поглотить нас. Я правил так, чтобы пересечь эту массу воды под прямым углом, и подбадривал наших моряков частыми криками – «ура!»: малейшего ослабления усилий было достаточно чтобы шлюпку залило, и тогда все мы без сомнения должны будем погибнуть. Преодолевая гребень волны, наша шлюпка поднималась почти перпендикулярно, затем погружалась, поднималась опять – но уже не так высоко, вновь ныряла, и наконец, после нескольких сильных толчков, вывезла нас из опасной зоны. Мористее волнение было не столь сильным.

Во время нашей короткой стоянки в Пшаде, я стремился обменять некоторые из наших товаров на местные продукты, но эта попытка принесла очень мало успеха, поскольку армяне не имели абсолютно ничего, а все окрестные черкесы, что-либо имевшие, уже

¹²² L'Huillier

обменяли свои товары в Анапе. К описанию, которое я дал торговле в этой крепости, добавились некоторые размышления по тому же поводу на берегу Черкессии, но повторять которые здесь нет смысла.

Я был вынужден отказаться от сильного желания пойти осмотреть на вершине горы, господствующей над долиной Пшады, развалины древней крепости, поскольку я был убежден, что подвергнусь нападкам врагов Индар-Коу, населявших этот район. Я был вынужден ограничить свои прогулки правым берегом реки, где виднелась деревянная гробница. Ее конструкция и забота с которой она поддерживается, примечательны, они показывают как сильно до сих пор чтится память князя, погребенного здесь. Я сделал ее рисунок, так же как и маленького зернохранилища, которое очень интересно с точки зрения мер, принятых чтобы препятствовать крысам и другим деструктивным животным проникнуть в него. Для этой цели оно помещено на столбы высотой три-четыре фута, увенчанные большими плоскими камнями, формирующими подобие очень обширных капителей, значительно выступающих по всем сторонам, так, чтобы не допустить возможности забраться на них.

Новая священная роща была устроена в части долины с тех пор, как местные жители рассорились с жителями другого берега, которые владели древней рощей, в которой я принес в 1818 свою обещанную жертву. Я был сильно удивлен, обнаружив здесь, взамен креста, подобие виселицы, которую черкесы также используют в качестве символа своей веры.

Тау, которое имеет форму «Т», временами его заменяет, они рассказали мне, что только с течением времени добавили этим различным знакам недостающие части, чтобы сформировать крест, который очень сильно похож на древний знак. Торговые представители не смогли рассказать мне чего-либо проясняющего эту особенность, а присутствующие черкесы казалось больше ничего не знают. Неопределенность, которая преобладает в религиозных воззрениях этих людей увеличивается с каждым днем, и последние следы христианства, которые полностью вскоре исчезнут, оставят свободное поле религии Магомета, которая и без того слишком быстро прогрессирует.

Я сожалел и о другой священной роще с крестом, который видел здесь раньше, совершенство его форм, дух древности, красота окружающих деревьев, и поклонение, воздаваемое там Божеству многие годы, в самом деле наполняли сердце религиозным чувством.

Во время разговоров на религиозные темы, я изучил названия дней недели в Черкессии.

1	Понедельник	pleupeu	начало
2	Вторник	goubtkhe	
3	Среда	perezkesi	малый пост
4	Четверг	meafeuk	средний день
5	Пятница	perezkekouche	большой пост
6	Суббота	mefezeakeua	день уединения
7	Воскресенье	t-haoumaf	день Всевышнего

Праздничный день, как и у нас – седьмой.

Также любопытно, что среда и пятница называются маленьким и большим постами, хотя никакого поста черкесы не соблюдают, эти названия имеют большое сходство с греческим названием пятницы – *παρασκευή*, что означает «подготовка», поскольку евреи в этот день подготавливаются праздновать день следующий.

24-го августа, в День Рождения Короля, мы пригласили торговых представителей и нескольких черкесов отобедать, но принимая во внимание зыбь на море, которая могла расстроить аппетит наших гостей, мы устроили трапезу на берегу, в маленькой роще, расположенной на речной отмели. Мне посчастливилось быть первым в Черкессии, поднявшим тост за августейшую Оранскую династию, и звук орудия, салютовавшего в ее честь, в первый раз повторило эхо Кавказа. Другие тосты были выпиты за здоровье Императора Александра и другие связи, объединяющие Россию и Страну польдер. Море улеглось, и мы окончили празднование на борту «Маленького Августа».

Индар-Оглы вернулся домой в этот день очень поздно, и около десяти часов поспешил на берег, чтобы поздравить нас: его сигнал выстрелом из пистолета, заставил меня сойти на берег. Он выразил мне благодарность за подарки, которые мы послали в его жилище, среди которых были шесть обычных чашек, с глазурью имитирующей киноварь, которые были в шутку предназначены ему тещей одного из моих друзей в Брюсселе. Старый князь был очарован и восхищен, и несколько раз переспросил меня относительно социального положения дамы, поручившей мне подарить их, и каким подарком он может засвидетельствовать свою признательность. На следующий день он поднялся на борт. Я представил ему своих компаньонов по путешествию, которых он принял под свою защиту, и которых он убедил в своем стремлении сделать их торговые предприятия успешными среди натухайцев, и абазов.

Мы оставались шесть дней в Пшаде, и так как ничего не требовало нашего дальнейшего пребывания, мы вечером отплыли в Анапу, где мы снова надеялись вновь найти средства провести некоторые обмены. При великолепной погоде мы прошли на очень небольшом расстоянии от Геленджика и Суджука. После двойного мыса Тсуссуп¹²³, расположенного в трех лигах от последней упомянутой бухты, открывается оконечность гор Черкессии, которые заканчиваются в северо-восточном направлении высокими белыми обрывами, и острым мысом, на котором видны стены турецкой крепости и несколько минаретов.

27-го в полдень, находясь на 44°42' северной широты, я обошел очень плоский островок¹²⁴, около четырехсот ярдов длинной, к северу, 23° западной долготы, на расстоянии трех миль. Он расположен напротив долины, называемой черкесами Соухай¹²⁵, а турками – Су-

¹²³ Tsussup – прим. Переводчика.

¹²⁴ Остров Утриш – прим. Переводчика.

¹²⁵ Soukhai, вероятно, это долина реки Сукко, которую автор, через несколько лет посетив с суши, называет Сухе – прим. Переводчика.

Кале (Водная Крепость), которая заканчивается у моря, между белыми обрывами, о которых я уже говорил. Пролив, который отделяет этот остров от материка около трех четвертей мили шириной. Он служит иногда укрытием для судов, которые по пути в Анапу застигаются встречными ветрами, или тех, что меняют свой груз в Сухайе. Глубина якорной стоянки – пять или шесть фатомов, на расстоянии кабельтова от острова. После задержки северо-восточным ветром, мы встали на якорь у Анапы **30-го**. Мы были приняты здесь с удовольствием, но эта крепость уже не изобиловала, как это было весной, товарами которые нам подходили. Августовский караван еще не прибыл, из-за грабежей, совершенных казаками на левом берегу Кубани.

Поскольку обмены проходили слишком медленно, чтобы побудить нас продолжить нашу стоянку, господин Делескюз поручил армянину Балтазару подготовить некоторые сделки, которые мы сможем провести весной.

Мы оставили Анапу **9-го сентября**, в десять часов вечера, и стали на якорь в Феодосии ночью **30-го сентября** (11-го октября нового стиля).

* * *

Путешествие в Анапу в 1824

Обстоятельства обязали господина Делескюза-младшего отбыть в Константинополь вместе с «маленьким Августом». Он покинул Феодосию 26-го марта (7-го апреля) 1824, без исполнения своих договоренностей с Балтазаром, который согласно его распоряжениям подготовил каждый сорт товаров который ему требовался. Поскольку сам паша написал мне об этом, я счел своей обязанностью не колеблясь предоставить Балтазару нового покупателя, которого я отыскал в Феодосии, но с обещанием сопроводить в Черкессию одного из его агентов, господина Беранжера, который опасался отправляться туда один. Я согласился на это, и **31 марта** (12-го апреля) мы стартовали посуху из Феодосии, и вечером прибыли в Керчь: проведя здесь несколько дней, мы пересекли Киммерийский Боспор на лодке в Тамань, где мы наняли повозку, и ночевали уже в Бугазе, который удален от нее на восемнадцать верст. Бугазом называется небольшое скопление домов, расположенное у входа в Лиман, сформированный водами Кубани. Название турецкое и татарское, означает «горло», и служит для обозначения всех устьев рек, так же как и проливов. В Бугазе расположен карантин для прибывающих из Черкессии, таможня, некоторое количество казаков, артиллеристы, и около пятидесяти солдат пехотного полка составляют гарнизон Тамани. Я обнаружил здесь чиновника министерства иностранных дел, назначенного сюда господином Скасси для защиты торговли между черкесами и русскими, и препятствию импорту в Черкессию военного снаряжения. Этот черкес надзирал за меновым рынком.

Товары поступающие из России не облагались в Бугазе экспортной пошлиной, а товары из Черкессии освобождались от любых импортных пошлин. Та же привилегия существовала в Керчи для груза русских судов, но от них требовалось в качестве страховки расписку, подписанную торговыми представителями, находящимися в Черкессии, что по прибытии они предоставят сертификат происхождения. Эти меры предпринимались чтобы препятствовать использованию привилегии чужой торговлей, и предотвратить получение

выгоды самой Анапой, были определенно недостаточны от людей желающих совершить мошенничество. Что может помешать сгрузить товары на берегу Черкессии, а днем позже забрать их для турок, или погрузить для отправки в Средиземноморье? Черкесская шерсть будет иметь здесь прибыль в пятьдесят процентов, воловьей шкуры принесут прибыль в двадцать пять процентов.

Другие меновые рынки уже давно были организованы Черноморскими казаками на правом берегу Кубани, под особой инспекцией их Атамана (главы казаков), их восемь, а именно:

1. Талызин; 2. Кара-Кубань; 3. Великолагерный

Расположены напротив шапсугского племени, которое избавилось от своих князей, чья власть стала тиранической, теперь управляется старейшинами и дворянами. Сейчас известны Атуллахлазе, Хауте-Берзече, Цакемуко и Читагоже¹²⁶. Абазехи спускаются со своих гор, чтобы принести на эти три больших меновых рынка множество мехов, воск, мед, каштаны, разнообразные фрукты, и кроме того, прекрасную древесину дуба и липы, они платят шапсугам за право прохода их территории род пошлины.

4. Екатеринодар.

Напротив племени Беджухе¹²⁷, управляемом князем Алкассе и его братом Мехмет-Магаме Черей. Алкассе – старик, за семьдесят, получивший саблю от Екатерины II.

5. Малолагерный

Напротив племени Киркиней¹²⁸, князя Пшекуи-Могу-Корков¹²⁹, и авторитета Дударуке¹³⁰, являющегося главой района.

6. Редутский; 7. Усть-Лабинский.

У слияния Кубани и Лабы, которая берет свое начало на Кавказе, напротив племени Дамиргой¹³¹, которое признало своим сеньором князя Тау-Султан-Беизруке и его брата Джанбулата Айтека. Их отец был убит много лет назад в битве, где он принял сторону русских против Абазехов. Тау Султан очень миролюбив. Он хорошо относится к России, чьи владения Джанбулат, напротив, никогда не перестает атаковать.

8. Константиновское

Напротив племени Хатукай¹³², князя Джане-Герей-Аслан-Герей.

¹²⁶ Atoullahlaze, Khaoute-Berzetché, Tsakemouko, Tchitagoje – прим. Переводчика.

¹²⁷ Bedzoukhe – прим. Переводчика.

¹²⁸ Kirkinei – прим. Переводчика.

¹²⁹ Pchekoui-Moghoul-Korkov – прим. Переводчика.

¹³⁰ Doudarouke – прим. Переводчика.

¹³¹ Demirghoi – прим. Переводчика.

¹³² Khatoukai – прим. Переводчика.

За исключением шапсугов, все это население платит князьям десятину за разрешение торговать с черноморцами.

Соль – единственное, что меновые рынки предлагают черкесам. Казаки привозят эту соль с нескольких соляных озер на своей территории и на берегах Азовского моря, они ничего не платят правительству за ее добычу, которая дозволена любому. Соль продается в стране от пятнадцати до двадцати копеек за пуд, на меновом рынке цена фиксирована Атаманом на уровне пятидесяти копеек.

В окрестностях Таганрога есть несколько армян, которые также ведут выгодную торговлю с черкесами, но они не останавливаются на рынках, а переправляются за Кубань и везут в горы все виды товаров, большая часть из которых русского производства: меняют их на черкесские продукты, которые после продают в Ростове, Нахичевани, Таганроге и т.п. Другие армяне, которых я уже упоминал, как жителей Кавказа, также имеют право импортировать товары в Россию.

Определенно существует возможность воспользоваться преимуществами торговли, чтобы установить дружеские отношения между русскими и племенами Кавказа. Я убедился, что не смотря на плохую организацию и ограниченные возможности казаков, объем торговли уже около миллиона рублей. Торговые операции армян также должны быть равны ей по стоимости. (Смотри в конце этого тома Таблицу обмена черкесской продукции и цены приведенные к соли). Черноморские казаки не упомянули в перечне своих обменов несколько ценных товаров, которые поступают к ним с Кавказа: таких как шкуры медведей. Волков, лис, соболей, хорьков, шакалов, диких кошек, тигров и т.п.; абазехи также продают им большое количество каштанов.

Я имел рекомендательное письмо к начальнику Бугазского карантина. Он отсутствовал, но письмо обеспечило мне ночлег и ужин в его доме.

5-го (17-го) апреля, очень ранним часом, я оделся в свой черкесский костюм, и приготовился отбыть. Сотрудники подали какой-то сигнал татарским рыбакам, располагавшимся на другой стороне Бугаза, которые тут же прибыли, чтобы перевезти нас через пролив на своем баркасе.

Ясский договор, заключенный между Двором Санкт-Петербурга и Оттоманской Портой, назначил Кубань пределом России. Эта река когда-то называлась Птолемеем и Варданом по-гречески Гипанис; во времена хазаров – Укруге и Варсан¹³³; черкесы дали ей имя Пси-Схе¹³⁴, что означает «старая вода». Кубань берет свое начало на Кавказе, у подножия Эльбруса, и разделяется на расстоянии двадцати и тридцати двух лиг от устья на два рукава, соединяющиеся с Азовским морем. Лиман, который сам формирует ее устье, имеет около сорока восьми миль в окружности, раньше он назывался Корокондамите¹³⁵. Страбон рассказывает, что на его правом берегу, в стране синдов, которая в настоящее

¹³³ Oukroughe, Varsan – прим. Переводчика.

¹³⁴ Psi-Skhe – прим. Переводчика.

¹³⁵ Korokondamite – прим. Переводчика.

время населена черкесами, существовали города Гермонасса и Апатурос. Герона венецианцев, или Горгиппия, монетами которой мы обладаем, вероятно располагался здесь же. Резиденция царя синдов была рядом с морем. Лиман в наши дни богат рыбой: казаки на одном берегу и татары-адалисы на другом, ведут здесь обширный рыбный промысел.

Маленькое судно под русским флагом загружалось в Бугазе солью для Анатолии, оно стояло на якоре на глубине 14-15 футов, однако отмель глубиной 5-6 футов, расположенная на выходе, делала необходимым вскоре передвинуть его подальше, перед тем как окончить погрузку; по Лиману могут передвигаться только очень небольшие лодки.

Так как рыбаки, которые переправили нас через пролив, не имели лошадей, мы были вынуждены долгое время ожидать повозку, которая не появлялась допоздна. Она привезла новость, что разногласия, которые возникли в прошлом году между турками анапского гарнизона и некоторыми черкесами, по причине насилия над женщиной, вспыхнули вновь, и сделали дорогу очень опасной. Мы однако отправились, и черкес, которого я не знал, пожелал присоединиться к нам верхом, и служить нашим кунаком.

Перешеек земли, на который мы высадились, параллелен другому, расположенному в трех милях далее в Лимане, оба они простираются с юго-востока к северо-западу в форме вилки, по направлению к южному побережью острова¹³⁶ Тамань, на расстояние трех часового перехода в длину и шестьдесят ярдов в ширину; дорога утомительна из-за очень мелкого песка, по которому приходится идти: он формирует, огибая растущую здесь прибрежную растительность, множество дюн, через которое море часто промывает протоки, изливаясь в Лиман. У окончания этих двух кос поднимается плато Джемете¹³⁷, имеющее лигу в длину и три четверти лиги в ширину. Здесь я увидел два кургана, и был убежден, что дальше расположены значительные руины, которые возможно принадлежат античной Гермонассе. Поселок Джемете, куда мы прибыли у входа в бухту, расположен в южной части плато, и господствует над Лиманом; он населен татарами-адалисами, выращивающими зерновые, различные овощи и арбузы. Они владеют множеством скота и лошадей. Наш возничий привел нас к одному из авторитетов поселка, человеку респектабельной наружности, оказавшему нам очень гостеприимный прием. Дом для постояльцев, где мы были приняты, был сооружен из жердей, обмазанных глиной, которая там и сям оставляла щели, через которые ветер, который все еще был очень холодным, причинял нам неудобство. Ужин накрыли рядом с очагом, где горел сушеный помет, называемый по-татарски «tizek», они разожгли немного дров, и мы провели ночь рядом с огнем, на маленьких матрасах, служивших нам постелью.

6-го (18-го) апреля, на Пасху, мы продолжили поездку очень рано, после того как поблагодарили нашего хозяина, который с удовольствием принял несколько носовых платков очень ходовых расцветок. Его сын пожелал проводить нас до Анапы.

¹³⁶ Так у автора – прим. Переводчика.

¹³⁷ Djimaite – прим. Переводчика.

Немного погодя после того как мы покинули Джемете, мы пересекли аллювиальные почвы, пересеченные маршами и старицами, заполненными водой, в которых росло множество камыша. С морской стороны они граничат с дюнами, подобными тем, что мы видели прошлым вечером. Хотя ветер не был слишком сильным, он поднимал тучи песка, насыщавшего воздух так, что было неприятно как зрению, так и дыханию. Изучение этой части окраины Лимана убедило меня, что Кубань должна иметь второе устье у подножия плато Джемете, меньше препятствующее течению реки. В этом легко убедиться, так как оно менее закупорено, чем другие места.

В двух часах от Джемете расположены холмы, ограничивающие к северу долину Анапы, до которой все еще остается два часа пути. Мы думали, что найдем здесь черкесов устроивших засаду в оврагах, но встретили только несколько честных людей, здоровавшихся с нами обычным приветствием путников. К полудню мы наконец спокойно прибыли в Анапу, где Балтазар ожидал меня с нетерпением. Он приютил нас в обширном складском помещении, одна сторона которого выходила на улицу, а другая во двор: две ниши, оборудованные полками, и размещенные по сторонам главного входа, служили лавками; шкуры волков, буйволов, заячьи шкурки, воск, мед, жир, кукуруза, рис и т.п. занимали остальное. Выше этого хаоса товаров был чердак, на который можно было взобраться по плохонькой лестнице: здесь, в окружении льняных и хлопковых тканей, различных сортов меха и тому подобного, были постланы наши циновки и матрасы, на которых мы спали вперемешку с Балтазаром, его сыновьями и черкесами.

Несколько знакомых мне турок поспешили прийти повидать меня, среди прочих Али Ага, которого я нашел верным как всегда. На следующий день я сделал визит Паше, который выразил удовлетворение, которое вызвало мое прибытие. Он расспросил меня о политике Европы, о проектах России, так же как и о ходе греческого восстания, и вручил мне дюжину полученных от русских офицеров писем, которые оставались запечатанными. Я перевел их, снова возобновив мои функции секретаря-переводчика для Сейд-Ахмета. Они познакомили меня со многими происшествиями, о которых я, естественно, не мог знать. Со времени набега, который черкесы провели на черноморцев, в апреле 1823, в котором семейство Чипакуа¹³⁸ также приняло участие, несколько сражений имели место на Кубани. Казацкий генерал Влассов, посеял ужас на левом берегу этой реки, где он разрушил множество жилищ, и уничтожил около 2 000 человек. Паша рассказал мне, что черкесы вынашивают идею обязать его вновь затребовать из-за русских армию, которую он отослал из крепости. Эта война, которая разоряла плодородную страну и препятствовала проходу караванов, нанесла значительный убыток торговле Анапы; большой вклад в это внесла эмиграция около 10 000 ногайцев, которые перешли Кубань и поселились на русской территории, которую они оставили несколько лет назад, но теперь предпочли Черкессии, ввиду досаждающих им князей.

Прибытие «Морского конька», превосходного греческого брига под русским флагом, приятно меня удивило **15-го (27-го)** апреля: он отвозил в Константинополь племянника Паши и многих других турок, привезших в Анапу 700 тюков товаров. Сейд-Ахмет не

¹³⁸ Chipakoua – прим. Переводчика.

решался принять капитана до тех пор, пока не проконсультировался со мной относительно рисков, которым он подвергался поступая так. Я поспешил рассеять его сомнения, и затем он устроил ему очень достойный прием. Это экстраординарное доказательство доверия было несколько раз обновлено за время моего пребывания в Анапе, что привлекло туда несколько других судов под русским флагом. «Морской конек» поднял паруса спустя два дня, отправляясь в Таганрог.

18-го (30-го) большая часть населения Анапы, собравшись на валу наблюдало прибытие 200 анатолийских солдат, которые пришли пешком от Суджук-Кале, где встречный ветер вынудил их сойти на берег. Этот отряд, который заявил о себе издалека, выстрелами из огнестрельного оружия, маршировал в беспорядке через равнину, впереди шли знаменосцы и бинбаши (начальник 1 000 человек, или полковник) верхом на коне. Множество черкесских всадников окружало его. Стрельба удвоилась, когда солдаты вошли в ворота крепости, и продолжалась, пока они не достигли своей казармы: пули, падавшие повсюду сверху, чудесным образом никого не задели. О турках часто можно сказать то, что говорят о детях и пьяницах: что те имеют собственного особенного бога. Отряд состоял из анатолийских крестьян, чьи костюмы состояли из пары широких бриджей, которые не закрывали колена, и жилета из толстой ткани коричневого цвета; орнамент из черного шерстяного шнура украшал некоторые части их одежды; каждый солдат нес на поясе кожаную пороховницу, маленький мешочек с пулями, жестянку со смазкой, огниво, кисет, и здесь же они носили ятаган и пистолет: все их ружья заряжаются со ствола, и зарядание отнимает много времени.

Усиление гарнизона было затребовано Пашой, для того, чтобы лучше управлять населением, которое, как я уже говорил, насчитывает очень мало честных людей. В сентябре два турка разрядили в него свои пистолеты, но промахнулись, охрана отрубила одному голову, а другой, защищенный своим куняком, остался безнаказанным.

Я уже говорил, что большая часть кофеен Анапы принадлежит важным персонажам, и было обычно уплачивать им здесь подати. Я ходил туда почти каждый вечер, в поисках объекта развлечения. Эти места, как и во всей Турции, разделены на несколько отделений, поднятых на один-два фута над полом, огражденных невысокой балюстрадой и покрытых коврами и диванами. После того, как он снял свои тапки, каждый занимает место согласно своему положению или богатству: это следует делать, пересекая толпу в полной тишине, и приветствия знакомых раздаются только через несколько минут, когда предполагается, что человек отдохнул, затем подходят мальчики, предлагая трубки и кофе. Иногда одним из них очень громко произносится слово «джабба!», провозглашая публике, что этого посетителя он обслуживает бесплатно. В этом случае необходимо звучно и со вкусом прихлебнуть кофе, чтобы показать, что он превосходен. В середине плотного облака дыма, внимание обычно захвачено неким повествованием, или музыкантом, воспевающим славные деяния восточного героя, аккомпанируя себе на табуре¹³⁹. Я часто встречал в этих

¹³⁹ Род мандолины, реально называемый Saze. Я считаю его арабским инструментом.

(saz – струнный щипковый музыкальный инструмент с фиксированной высотой тона; В Турции сазом

кофейнях татар кубанских, крымских, и степей к северу от Азовского моря, которые рассказывали мне о России, Польше, Германии и Франции: многие из них, отслужив в России, предпочли Черкессию своей родной стране. Чувства, которые эти люди должны сохранять, могут очень опасно влиять на связи, которые они сохраняют со своими соплеменниками, посредством торговцев из Крыма, каждый год посещающих Анапу. Я обнаружил в одной из таких кофейен грека из Архипелага: этот человек поживал в Черкессии долгое время, и даже забыл свой язык. Его память сохранила лишь немногие слова. Он сказал мне, что его родиной был остров Микonos. Возможно, он был счастлив, но его присутствие натолкнуло меня на тревожные мысли, о больших неприятностях, или больших преступлениях, имеющих своей причиной лишение родины, при малейшей провокации честолюбия или возбужденного воображения. Вид нескольких поляков, также доставил страдания, они были компаньонами того несчастного, которого, как я упоминал в мою первую поездку, я видел в Анапе в 1813. Надежда и желание увидеть вновь свою страну было распространено среди них, но их жены, дети, привязали их навсегда к мрачным лесам Черкессии, куда судьба завела их провести свое существование в забвении. Этот отрыв от наших ранних впечатлений, привычек нашего детства, наших первых воспоминаний, и самых нежных привязанностей, должен терзать душу.

Среди русских, которых я видел в Анапе, был один, особенно ко мне привязавшийся, пользуясь долгими вечерами Байрама, которые он проводил в кофейне, пока его хозяин ходил в мечеть. Его имя Иван, было изменено турками на Осман: пятнадцать лет прошло с тех пор, как по пути в Тифлис, с русскими торговцами, он, недалеко от Афиписы, был угнан в плен черкесами неожиданно выскочившими из тростника, которым заросли некоторые части берегов Кубани. Он попал в добычу абазекского князя, который завез его в средину каких-то высоченных гор, увенчанных огромными скалами, между которыми, по его словам, он видел солнце в течение четырех часов в день. Пшеница и кукуруза, которые здесь выращивались, были недостаточны для населения, которое восполняло дефицит из других источников. Иван, который тосковал о своих степях, пытался бежать: он уже достиг берега Кубани, и готовился пересечь реку, когда его хозяин вновь схватил его; он был избит и осужден на наиболее тяжкие работы. Чтобы сохранить его верность, абазский князь решил его женить, и поскольку он отказывался, он на два дня запер его с молодой служанкой, которую он ему предназначил: такой тет-а-тет возымел свое действие. Иван стал мужем Хани: его мятежный нрав, однако, продолжал навлекать на него плохое обращение, и он составил проект возвращения свободы в пламенной манере. Удобный случай вскоре представился. Одним из вечеров, когда хозяин напился допьяна бузой, вместе с какими-то чужаками, пришедшими его проведать, Иван нагрузил жену провизией, и после того как закрыл все двери, поджег жилище, соломенная крыша которого и стога сена вокруг способствовали огню. Уходя со своей женой на вершину горы, Иван смотрел огонь со свирепой радостью, которую усиливали крики его мучителя, тщетно боровшегося с пламенем. Хани, дрожащая за жизнь своего мужа, заклинала его выбрать в кунаки ближайшего князя, но он предпочел другого, жившего поодаль, чей брат был убит

>_____

называют два сходных инструмента: 1) «баглама» (bağlama) — большой саз с 7 струнами, 2) «джура» (cura) — маленький саз с 6 струнами – прим. Переводчика).

его хозяином. Тщательно скрываясь в лесах, они потратили пять ночей, чтобы добраться туда. Князь обрадовался, услышав о смерти своего врага, устроил им отличный прием, и долгое время обращался с ними с величайшей добротой, но приняв мусульманство, поддался уговорам турецкого муллы, убедившего его отправиться в хадж к могиле Пророка, и отбыл, оставив Ивана своему брату. Хотя последний продолжал относиться к нему хорошо, смерть его жены и надежда вернуться в Россию, заставила его решиться на побег, и он осуществил свое намерение с большой легкостью. С тех пор Иван сменил хозяев восемнадцать раз, почти всегда убегая, только три продали его. Когда я познакомился с ним, он был порученцем богатого турецкого торговца, за которым он последовал в Константинополь и через всю Анатолию. Он часто развлекал меня своим планом посвятить свои медицинские знания французскому королю: он пояснил, что приобрел их в Черкессии, и считал себя обладателем экстраординарных секретов, которые обеспечат ему значимость и огромное состояние.

Его хозяин к несчастью не давал ему свободу, за исключением условия, что он примет мусульманство, и он приходил консультироваться со мной регулярно каждый вечер, чтобы узнать большое ли это преступление. Его упрямство в отказе согласится на это, и угрозы, давали повод снова быть проданным черкесу, который увезет его в свои горы, откуда вероятно будет трудно в дальнейшем убежать.

Большая часть русских, которых я видел в Анапе, были дезертирами, которые не казались мне слишком удрученными своим новым положением. Когда я угощал их бренди, они пели, и казались довольными: они в общем случае допускали с турками и черкесами атмосферу превосходства, которая странно контрастировала с их положением. Восточные люди, однако, обращались со своими рабами с большой добротой и фамильярностью, и их судьба не шла ни в какое сравнение с судьбой негров из наших колоний, или даже с судьбой слуг во многих странах.

В Анапе терялась большая часть ужаса, которое слово «раб» производит в наших умах. Я видел значительное количество людей обоего пола, предназначенных для Турции или Египта. Мысль об этом вынужденной экспатриации не делала их несчастными, Очень немногие из них бежали, и даже те, кого я видел с цепями на ногах, не теряли своей веселости. Все юные девушки, привезенные с гор, были заперты на складах, где они наверно проявляли свою веселость, которую мне всегда было больно наблюдать. Я скорее видел слезы и свидетельствовал самую душераздирающую трагедию, там где слышал песни и смех. Для меня будет трудно пытаться выразить, что они чувствуют, но после этого, пусть люди с ужасом обсуждают перевозку рабов турками, и сожаление о судьбе их рабов. Черкесы никогда не понимали, когда мы пытались внушить им мысль что продажа их детей является несчастьем. Они напротив, считали это средством обеспечить их, обзавестись покровителем для них, и часто перспективу великолепной карьеры. Я убежден, что когда Анапа будет принадлежать русским, отсутствие этой торговли заставит черкесов долго сожалеть о турках, поскольку рабы очень важный товар для их обмена, который они не скоро смогут заменить промышленной продукцией.

28-го апреля (10 мая) я был очень изумлен, увидев двух черкесов в масках, собравших значительную толпу турок. Один из двух, повыше, был почти полностью покрыт козлиными шкурами, сшитыми вместе. Его голова была украшена маленькими рогами животного, с закрепленным длинным клювом пеликана, который открывался и закрывался посредством шпагата, изобретательно закрепленного. Другой был значительно меньше. На нем была надета античная маска, которая полностью скрывала его голову и лицо. Она была мастерски сделана из черной овечьей шкуры, на которой не осталось шерсти, за исключением той, что обозначала волосы, бороду и усы. Его плащ был узкий и короткий. Он имел конский хвост и нес деревянную саблю, маленький лук и стрелу, похожую на те, что делают дети. Эти маски производили под звуки двух инструментов, подобие пантомимического танца, во время которого меньший часто пускал стрелу в своего товарища, которого в конце он убил своей саблей. Главный инструмент был эллиптической формы, пятнадцати дюймов длиной, полый, и был покрыт крышкой, в центре которой располагалось несколько отверстий. К нему были прикреплены две толстых струны из конского волоса, а звуки извлекались с помощью полукруглого смычка. Другой состоял из трех небольших планок, соединенных друг с другом одним концом, где посередине имелась ручка, за которую он держался. Этот инструмент был похож на тот, что используется рулевым некоторых судов, чтобы отмечать часы вахты.

Уже несколько месяцев Анапа не имела соли для черкесов, большая часть которых не стала отправляться в ее поисках в порт, куда ее привозили русские, из-за дальнего расстояния и трудной дороги их разделявших. Такая нужда в одном из товаров первой необходимости для племен Кавказа возникла из-за использования большого количества судов из Малой Азии в сопровождении Турецкой эскадры, которая в этом году действовала против греков. Долгое время соль из Крыма не пополняла запасы Анапы, вывозная пошлина, налагаемая Русским Правительством, настолько подняла ее цену, что заставила предпочесть соль из залива Смирна, или Сицилийскую, которая вполне качественная, но мало ценится во всех турецких портах Черного моря, и поэтому неизвестна. Соль, однако, так сильно поднялась в цене в Анапе, что продажа крымской соли могла вестись с прибылью. Я написал в Керчь, чтобы побудить некоторых русских спекулянтов воспользоваться преимуществом столь благоприятным в сложившихся обстоятельствах. Только я так сделал, как мы одновременно узнали, что меновый рынок в Бугазе известил черкесов, что поставит некоторое количество соли по очень низкой цене, и что последние сбились туда толпами с равнин Кубани с различной продукцией своих ремесел. Такая новость настолько возмутила анапских торговцев, что они решили вооружиться, чтобы выгнать черкесов с перешейка. После чего я узнал, что Паша их закулисно поддерживал, и даже предоставил артиллерийское орудие в их распоряжение. Однако выдвижение этой экспедиции ограничилось поселком Джемете, откуда участники возвратились на следующий день, уверяя, что теперь ни одного черкеса не осталось в Бугазе. Будучи вынужденным пойти туда на следующий день персонально, чтобы получить значительную сумму денег, присланную из Феодосии, я увидел их все еще занятыми погрузкой соли в свои телеги, но они не казались довольными. Ширина косы Лимана и трудность прохода через ее пески, неудобство пересечения в лодке горловины Лимана на другой берег, неприятные переговоры в карантине, зрелище штыков часовых, и приказной

тон некоторых сотрудников, не были рассчитаны побудить их туда вернуться. Вскоре после меновый рынок опустел, и позже черкесы там не появлялись.

Я поздно прибыл к горловине, рыбаки затребовали очень большую плату за перевозку на другую сторону, и так как правила карантина запрещали появление там ночью, я вернулся искать гостеприимства на черкесскую землю. Там, лежа на песке вместо кровати, положив голову на свое седло, окруженный турками, татарами, черкесами и ногайцами, я бы мог прекрасно выспаться, если бы тысячи комаров не мучили меня долгое время, пока поздним часом не поднялся ветер сдувший их прочь.

На следующий день, **1-го (13-го) мая**, я получил несколько тысяч пиастров золотом, которые я спрятал с крайней тщательностью, чтобы не возбуждать ни в ком алчность. Начальником бугазского карантина был молодой пехотный капитан, оставивший военную службу из-за своих ранений. Я остался перед ним в долгу за обед и бутылку вина, показавшихся мне превосходными, поскольку прошедший месяц я не ел почти ничего кроме сырого чеснока с йогуртом, и не пил ничего кроме воды. Я пустился в обратный путь тем же вечером, и ночевал в Джемете, где увидел несколько казачек, схваченных на Кубани, а на следующий день вернулся в Анапу; во время поездки меня снова терзали тучи комаров.

Летом 1824 очень мало турецких судов приходило, кроме русского брига «Меркурий», под командой сардинского капитана Бава, пришедшего забрать вырученные товары, что и было причиной моего возвращения в Анапу. Несколько других иностранцев, под российским флагом были привлечены сюда безопасностью, которую мое присутствие сулило им: все они обращались ко мне, а Паша не позволял им оставаться на рейде, пока не посоветуется со мной. Один из них, бриг «Св. Лаврентий», под командой сардинского капитана Риссо, был нанят в Генуе, для посещения ряда азиатских портов Черного моря, для оценки их потенциала. Господин Филипп Гарибальди, директор этого предприятия, услышав в Константинополе об эксперименте, предпринятом господином Делескюзом в Анапе, ощутил желание посетить эту крепость, но не решался его удовлетворить, принимая во внимание варварское состояние всего побережья Черкессии. Он решился так поступить, только после того как узнал от господина Сент-Андре, французского консула в Трапезунде, что сможет меня там найти. «Св. Лаврентий» стал на якорь в Анапе 24-го мая, и отплыл 29-го, после высадки господина Гарибальди и его слуги. Этот торговец, меньше чем за месяц, скупил 2 000 бычьих и коровьих шкур, 2 000 шкурок зайцев, несколько сотен овечьих шкур, 1 500 ока желтого воска, за которые он расплачивался маслом, кофе и испанскими пиастрами; большая часть масла и кофе была отправлена в Трапезунд и Синопу.

Это мероприятие было причиной происшествия, доказавшего как мало доверия вызывает у турок дружба местных жителей, протекция их вождей, и спокойствие царившее здесь в другие времена.

Меня регулярно оповещали, что некоторые турецкие торговцы с болью наблюдали, что магометанин Гендже-Ага из Трапезунда и армянин Балтазар были единственными персонами, получавшими прибыль от преимуществ, которые открывались покупками господина Гарибальди. Они хотели, как было сказано, спалить их склады и убить меня, как

человека первым приведшего гяуров в Анапу. Ип-Чауш¹⁴⁰, который недавно покинул Константинополь из-за убийства, возглавлял наиболее злобных неприятелей, и домогался чести быть моим убийцей. Этот человек, однако, приходил каждый день выпить несколько рюмок рома, обширный запас которого мы имели, и выражал величайшее дружелюбие ко всем нам. Однажды, когда я был один между крепостными стенами и морем. Я увидел его медленно приближавшимся ко мне: его лицо, украшенное длинными рыжеватыми усами, было бледным, и зловещий взгляд его светло-голубых глаз был сосредоточен на мне. – «Ты меня не знаешь», – сказал он, приближаясь ко мне, – «здесь я дервиш¹⁴¹, но Стамбул, Румелия, Анатолия и Эгейское море до сих пор помнят Ип-Чауша. Что ты пришел делать в Анапе?» С этими словами его рука опустилась к кинжалу, а я, вынужденный следить за всеми его движениями, сосредоточился на его правой стороне, и наполовину вынул свой, приготовившись пустить его в дело. Ип-Чауш задрожал от ярости, когда увидел мою готовность сражаться за жизнь. Ситуация была ужасной: чем бы не закончилась схватка, я проигрывал – убей я своего противника, жители Анапы не преминут отомстить за его смерть моей, прежде, чем станет возможным найти убежище у моих черкесских кунаков. Но Всевышний защитил меня! Появился таможенный офицер, добрый пожилой человек, один из моих друзей. Завидев его, Ип-Чауш пошел в крепость, пенясь от бешенства. С трусостью, равной его вероломству, он объявил своим сообщникам, что счел лучшим выбрать в жертву Балтазара, так как я не был райатом, и наутро, 11-го июня, он заколол его у дверей лавки. Этот жестокий случай ошеломил меня, и я буду хранить горькие воспоминания о нем весь остаток жизни. Стоило ли мне – увы! – появляться с океанских берегов, чтобы стать причиной смерти этого старика, лишив его несчастную семью кормильца? Слезы двух его сыновей камнем ложились на мое сердце, я с трудом мог на них смотреть: мне казалось, я читал в их взглядах ужасный укор!

Паша послал к моим дверям охрану из шести человек, и пригласил меня к себе домой. Хотя убийства были очень часты в Анапе, все население было поражено случившимся, и Сейд Ахмет полностью это использовал.

Господин Гарибальди выплатил значительный аванс Балтазару, в счет которого еще не были получены товары, которые он поручал приобрести. Я знал, что тот был должен нескольким туркам, и боялся, что увижу его сыновей лишенными средств для выплаты господину Гарибальди. Я сказал об этом Паше, и попросил, чтобы этот торговец не понес потери вследствие столь жестокого преступления. Паша пообещал, что отдаст приказ, чтобы этот долг был ликвидирован раньше других. Для того чтобы поддержать его усердие, я тогда проявил признаки публичного должностного лица, которые, как я посчитал, лучше всего поддержать через русских чиновников. Будучи слишком далеко от Константинополя, чтобы писать королю просьбу заняться этим делом, я получил от генерала Богдановского, губернатора Керчи, написанное по-турецки письмо, адресованное Паше, перевод которого – ниже:

¹⁴⁰ Ip-Tchaouche – прим. Переводчика.

¹⁴¹ Турецкий монах; здесь это значит быть человеком лишенным всех амбиций, не причиняющим зла людям; примерно то, что некоторые люди подразумевают под философом.

**Треххвостому¹⁴² Паше
Сейд Ахмету,
коменданту Анапы**

Я был проинформирован, что господин Тетбу де Мариньи, голландский вице-консул, который некоторое время назад находился в Анапе по коммерческим делам, встретился там со многими неприятностями, достигшими такой степени, что один из его врагов убивший владельца дома, где он проживал, не был наказан за преступление, а наслаждается совершенной свободой. Поскольку господин Тетбу де Мариньи находится вдалеке от своей верховной администрации, а сам я недалеко от вас, и к тому же полностью знаком с мотивами пребывания этого офицера в крепости Анапа, я чувствую себя обязанным просить Вас взять его под Вашу защиту, принудить виновников возместить травмы, возможно им полученные, и оградить его от всех опасностей в Вашей крепости. Я совершенно уверен, что Вы обратите внимание на мои требования, поскольку Вы, без сомнения, почувствовали преимущества, полученные жителями Анапы вследствие коммерческих отношений с европейскими нациями, которые господин Тетбу де Мариньи с таким усердием стремится установить. Таким образом, Ваши собственные интересы и правосудие требуют, чтобы Вы его защитили.

*Г. Богдановский,
25 июня 1824 г.с., Керчь.*

Это письмо достигло меня очень поздно, и не имело влияния на мою ситуацию. Однако я от этого не меньше благодарен господам Богдановскому и Кординатсу – сотруднику департамента иностранных дел, поддержавшему мой запрос к господину Богдановскому. Я также обратился к моим кунакам, которые прибыли в Анапу через несколько дней после убийства Балтазара. Ногай в очень энергичных выражениях приказал жителям уважать нас, и уверил их, что он будет мстить не только тем, кто посмеет оскорбить нас, но и их кунакам. Несколько турок поспешили выразить мне, какое огромное значение они придают защите Индара-Оглы.

Ип-Чауш убежал к черкесам, и жил там в безопасности, под покровительством своих кунаков, чья мощная защита давала ему возможность и смелость пренебрегать гневом Паши даже под стенами крепости, куда он часто приходил поговорить с друзьями о своих делах. Пока я оставался здесь, он никогда не заходил в крепость. Что было с ним после, я не знаю.

Чтобы более эффективно защитить нас от опасности, Сейд Ахмет поселил нас в камере, примыкающей к кофейне туфекчи-баши: за исключение того, что это была тюрьма, с нами не произошло ничего достаточно плохого, сравнимого с этим новым жилищем, которое, однако, было довольно неплохим для Анапы. Здесь я находился до того как оставил крепость.

¹⁴² Высший титул Пашей, дававший право иметь на своем бунчуке три конских хвоста – *прим. Переводчика.*

Убийство несчастного Балтазара вызвало запрет всему населению Анапы носить оружие. Эта важная мера, которую паша до тех пор не решался вводить, была исполнена с помощью гарнизонного бин-баши, который был очень усерден и использовал всю жесткость, которая была необходима для ограничения населения Анапы, громко выражавшего свое недовольство.

Никто в Керчи вовремя не воспользовался информацией, которую я поспешил туда передать, о скачке цены соли в Анапе. Первая, пришедшая из Константинополя, продавалась по пять пиастров за килограмм, за ту, что завезло первое русское судно, платили по 4,10, и турки-торговцы тут же перепродавали ее черкесам по 6 пиастров. **22-го июня** Лодка – торговец из Керчи – некоторое количество продал по 3,50; **3-го июля** этот товар уже стоил только 2,50, но в течение этого месяца французскому торговцу, господину Ш. предлагали:

за 1 меру соли	2 полных меры пшеницы;
то же	2,5 ржи;
то же	2,5 ячменя;
то же	3,5 овса.

Хотя соль стоила ему, максимум, рубль за килограмм, он не принял предложение, и трудно вообразить, что же послужило причиной его отказа.

Два черкеса, жители долины Сукко¹⁴³, торговались по товарам господина Ш. Они пригласили его в свой дом, давая возможность торговать со всей общиной: чтобы убедить его так поступить, я был вынужден пообещать сопровождать его. Я был в восторге от получения возможности совершить экскурсию в окрестности Анапы, что до тех пор было вне моих возможностей. Мы направились сначала к востоку, через гору, господствующую над Анапой: кустарники и разбросанные деревья украшали ее западный склон; дальше местность становилась более лесистой, а воздух наполнился ароматом бесчисленного множества можжевеловых деревьев. В трех четвертях лиги от Анапы есть ручей с очень хорошей водой, существует проект снабжения отсюда города водой, посредством акведука. Продвигаясь к долине Сукко, мы увидели перед нами высокий хребет, тянущийся с севера на юг. Его необходимо пересечь, чтобы спуститься в долину Суджук-кале. Долина Сукко очень узкая, ее ландшафт очень мне понравился. До самого берега моря тянется внушительный лес, среди деревьев которого расположены дома жителей.

Пока нам готовили еду, черкес, с которым мы здесь были, принес фрукты. Господин Ш. не одобрил этого, считая недостаточным, и несколько раз потребовал от своего Лодки, понимавшего по-турецки, что он должен дать что-нибудь еще поесть, потому что он был голоден, видя, что они не спешат подчиниться, он очень разозлился, и заявил, что возвращается в Анапу, предпочтя больше не обсуждать бизнес. Тщетно я высказывал ему свое мнение, все было бесполезно. Его примеру последовал господин Г., и они удалились пешком, пренебрегая опасностью пути. Однако на некотором расстоянии от Сукко они

¹⁴³ Soukha – прим. Переводчика.

сбавили шаг, и несколько черкесов, которых я оставил в неведении о причине гнева господина Ш., догнали их и послужили сопровождающими. После ужина я также покинул нашего хозяина, чьей жене я подарил носовой платок, и догнал компаньонов моего путешествия, мы прибыли ночью в Анапу все вместе.

Это приключение показало мне степень доверия, требующуюся от определенных торговцев для установления торговых связей между двумя нациями. Удачно, что характер, подобный обсуждаемому встречается редко, и что в основном они предпочитают хорошую сделку ужину.

В Сукко существует надпись, не являющаяся турецкой, черкесы приписывают ее франкам, возможно она на греческом или латыни. Я узнал о ее существовании много времени спустя после моей экспедиции в Сукко, в самый день моего возвращения из Анапы в Крым. Мне очень хочется чтобы какой-нибудь путешественник отыскал ее, поскольку, она может быть сможет пролить свет на столь мало известный край. Мне сказали, что она расположена на обратной стороне дымохода в доме, расположенном неподалеку от дома Каурум-Бати-Мурзы, где меня принимали.

В 1823 я уже заполучил несколько древних монет в Анапе, и преумножил их количество в 1824. Армянин и грек также скупали монеты для франков в Константинополе: такое соперничество мне очень мешало, но я задумал делать то, что редко случалось с этим сортом людей, а именно – компенсировать деньги, которые я выкинул на покупку распространенных монет, покупая монеты редкие, так что в целом они обходились мне недорого. Эти монеты изготовлены из золота, серебра и меди, и происходили из Пантикапейской и Фанагорийской автономий, или от Боспорских царей. Я также имел статер из электрона, на одной стороне которого изображена голова женщины, повернутая влево, украшенная сфендоном¹⁴⁴ и колосьями пшеницы, помещенная над рыбой, с другой стороны было углубление, поделенное на четыре неравных части¹⁴⁵.

¹⁴⁴ 1). Сфендон – головной убор, в виде полосы ткани, обернутой вокруг головы так, что закрывая нижнюю часть пучка волос, оставляет открытой верхнюю. Употреблялся греческими женщинами в период от 500 до примерно 330 года до н.э. (Symons, David J. *Costume of Ancient Greece*. New York: Chelsea House, 1987)

2). Сфендона – головное женское украшение в Древней Греции, имело форму месяца. (Сыромятникова И.С. *История прически: Учебник для театральных художественно-технических училищ.* – М.: Искусство, 1983 – 230 с.)

¹⁴⁵ По этому описанию, Alexander с сайта <http://bosporan-kingdom.com/> опознал электроновый статер мизийского г. Кизик (т.н. «кизикин»), ориентировочная датировка 500-450 г. до Р.Х. – *прим. Переводчика.*

Рисунок 2 Мизийский г. Кизик, электроновый статер (15,89 г.) ориентировочно 500-450 гг. до Р.Х., голова Деметры влево. Изображение с <http://www.acsearch.info/search.html?id=2155338>

Во время моего пребывания в Анапе, я занялся копированием надписей на многих саблях: мне казалось, что посредством изучения этих и других памятников Кавказа, станет возможно открыть следы древних людей, посещавших эту страну, или имевших с ней торговые связи. Я видел надписи «Генуя» и «Голландия», с изображением головы нашего Спасителя спереди, или надписи вроде следующей – «Не вынимай меня без причины и не вкладывай без славы», или «Parmi Deu y par tu Reu»¹⁴⁶. Наиболее часто встречаются надписи следующими буквами: *ovovo* и *слслсл*.

7-го июля мне сказали, что большое количество натухайцев и шапсугов отправились напасть на склады в Пшаде, и 9-го я узнал, что они сожгли и разграбили их. Индар-Коу, который хотел их защитить, был окружен в своем жилище, но подобно всем сражениям между черкесами, это ограничилось множеством ружейных и пистолетных выстрелов в воздух. Пуля, которая случайно оцарапала плечо одного из нападавших, стала впоследствии причиной судебного разбирательства между родственниками раненного и Индаром-Коу. Последний, в свою очередь, выдвинул все свои претензии за все оскорбления, нанесенные ему, и все причиненные убытки – поскольку два сожженных склада считались принадлежащими ему. Мне неизвестен результат этих дебатов, но я сомневаюсь, что старый князь мог что-нибудь получить от своих соотечественников.

Я поспешил написать в Керчь, господину Кодинцу, проинформировав его об этом несчастном случае, совершенно разорившем торговцев, хранивших соль в Пшаде. Несколько дней спустя, прибыло известие, что у Шапсухая¹⁴⁷ собрались семнадцать лодок, которые приготовились нападать на русских где бы они не находились на натухайском берегу. Эта угроза не была осуществлена, возможно из-за присутствия у Суджук-Кале греческого брига под русским флагом, вооруженного четырьмя пушками и некоторым количеством ружей.

¹⁴⁶ <за> моего Бога и моего короля (?) – прим. Переводчика.

¹⁴⁷ Якорная стоянка к югу от Пшады.

В течение июля в Анапе состоялись два собрания черкесских князей, а Паша Сейд Ахмет совершил поездку вглубь страны на расстояние восьми лиг от своей крепости. Он старался завершить очень важную работу – побудить племена в окрестностях Кубани принести клятву верности Султану, и руководствоваться в будущем турецкими законами. Для того чтобы преуспеть, он по отдельности льстил князьям, которые были наиболее преданы Порте, и вассалам тех, которые не желали подчиниться иностранному ярму: для этой цели он поддерживал жалобы последних против властных обид, которые причинялись их сеньорами, и которые, как они считали, были бездельниками, всегда передвигались верхом на лошадях, и жили за счет плодов их труда. На счету Сейд-Ахмета уничтожение шапсугских князей. Паша преуспел, заставив кабардинцев, абазехов и бжедуков принять клятву, и во время моего пребывания в Анапе он назначил турка управлять ими. Это событие было торжественно провозглашено жителям, собравшимся у его дома **2-го августа**.

Бриг «Св. Лаврентий», который господин Гарибальди послал в Таганрог, вернулся в Анапу 31-го июля. Он окончил погрузку 2-го августа и 3-го отплыл в Геную. Простившись с Пашой, я тоже отправился с господином Гарибальди в Бугаз, куда мы прибыли к 10-ти вечера. Мы провели ночь на рыбацьем мысу, и оставили следующим утром черкесскую землю только для того, чтобы разместиться в карантине на русской стороне: он длился только пятнадцать дней, наши пожитки подверглись окуриванию.

13-го августа шлюпка с судна, принадлежавшего господину Скасси, причалила в Бугазе, с капитаном Озерным, командой моряков, и двумя армянскими пассажирами. Они заявили, что взяв груз ржи и строевого леса в Тухе, они 29-го июля бросили якорь в Пшаде, чтобы здесь получить сертификаты происхождения товара, которые торговые представители имели привычку выдавать только после захода солнца; что три черкесских лодки набросились на них, что они постарались убежать, подняв паруса, но их успокоили несколькими выстрелами из ружей и пистолетов по палубе и парусам. Не имея оружия, чтобы оказать сопротивление, они решили оставить судно, и бежать в лодке, которая обладая лучшей ходкостью, оставила черкесские лодки далеко позади.

16-го господин Кодинец прибыл в Бугаз, **17-го** господин Тауш и сын Индара-Коу – Ислам-гери, прибыли проинформировать его, что они нигде не смогли отыскать никаких следов судна. Несчастья, которые раз за разом последовательно постигали слабые усилия русских установить торговые связи в Черкессии, очень затруднили торгового представителя, который более других был способен судить о мнениях относительно натухайцев. С тех пор я часто слышал об этом случае в Крыму: здесь это обсуждалось по-разному. Среди прочих мнений, говорилось, что эти лодки, которые так встревожили капитана Озерного, были наполнены черкесами, желавшими подняться на борт чтобы поразвлечься. Это плохая шутка, стоящая не большего доверия, чем та в которой говорится, что пиратами были турки, посланные Анапским Пашой. К концу года французский консул в Трапезунде сообщил жителям Крыма, что русское судно было найдено без команды на побережье Анатолии, неподалеку от Ризе. Описание судна, данное этим чиновником, доказывало, что это было именно судно Озерного, но чтобы получить его обратно требовалось уплатить значительную сумму туркам, которая, как они говорили, была потрачена на ремонты, и

судно осталось у них. По всей видимости, черкесы, не владея искусством управления судном, бросили его, предварительно ободрав все, что смогли унести.

Во время моего карантина два казанских татарина, возвращающиеся из Мекки, прибыли в Бугаз, они сошли на берег в Анапе, и возвращались на родину в маленькой двухколесной повозке, которую тащили две лошади. Эти люди, казалось, обладали какой-то удачей, но здесь были другие, из тех же краев, или из Бухары, отправившиеся посетить могилу Пророка, и которые нищенствовали на обратном пути как среди христиан, так и среди своих единоверцев. Говорят, что часто это становится довольно выгодно для них. Эти пилигримы садятся на судно в Анапе, в Крыму, Таганроге или Одессе, и вновь проходят через эти места, возвращаясь.

Когда окончился срок моего карантина, я отправился в Тамань, где мы провели ночь. На следующий день, **18-го августа**, я посетил старого генерала Бабайедова, начальника Таманского полка, который ошеломил меня любезностью в Бугазе. Ветер, который был очень силен с утра, успокоился ближе к полудню, и позволил лодке, которую мы наняли, попытаться пройти пролив. Мы гребли вдоль всей протяженности южного берега Тамани: здесь были маленькие островки из песка, покрытые тростником. Наши люди отдохнули на последнем из них: мы прибыли в Керчь в шесть вечера. Здесь был граф Ланжерон, и он пригласил меня в свой дом, раньше, чем у меня появилось время сменить одежду. Этот генерал убыл 12-го (24-го) августа в Одессу. Я дольше не откладывал мое возвращение в Феодосию, куда я наконец прибыл **18-го (30-го)**, четыре месяца и двадцать девять дней после моего отъезда.

Дополнение

К концу 1824 Анапский район был присоединен к Пашалыку Трапезунда, и двухвостый паша был послан заменить Сейд-Эмир Ахмета, который вернулся в Синоп.

В 1825 Чечен Оглы-Ассан, Трапезундский Паша, лично прибыл в Анапу и предпринял самые большие старания убедить кавказские племена населяющие страну между Черным морем, дорогой Моздок-Тифлис, Кубанью, Мингрелией и Имеретией, какое множество преимуществ они получают от заполнения пустоты в их политическом бытии, признав Султана своим властителем, который тогда получит право их эффективно защищать против нападков России. Большая их часть согласилась на предложение, но их клятва верности была дана и получена только под уверения, что их независимость не будет никаким образом уменьшена, и что этот шаг был только ресурсом необходимым для использования против России.

Мне стало известно, что два русских судна вернулись в 1826 к натухайским берегам, и вскоре после этого пропали. Анапский Паша в этом году объявил, что он будет ответственен за все потери причиненные торговцам, которые обратятся к нему за назначением кунаков.

В 1826 команда небольшого русского военного корабля, тонувшего у Анапы, получила очень дружелюбную помощь от Чичен-Оглы. Офицер, посланный к нему за помощью, был очень хорошо принят, и русские не имели причины жаловаться ни на Пашу, ни на черкесов.

Однако война продолжалась вестись на Кубани, между казаками и горцами происходили частые схватки. Генерал Власов, в экспедиции на левый берег реки, прошелся везде огнем и мечем, и привел назад несколько пленных: среди прочих были дочери могучего князя натухайского племени, по имени Калабате. Генерал Стрекалов, адъютант Его Величества Императора Российского, в мае прибыл в Бугаз и Екатеринодар. Здесь черкесы жаловались на своих соседей казаков, однако не рассказывали о своих собственных набегах на территорию последних, и притворялись, обещая свою дружбу России. Вследствие этих интервью дочери Калабате были возвращены отцу, со значительной суммой денег в качестве возмещения.

В начале 1827 капитан линейного корабля «Критский» был отправлен вручить Анапскому Паше табакерку украшенную бриллиантами, подарок Императора Российского, в награду за услуги, оказанные им команде судна, потерпевшего крушение в прошлом году: это офицер проследовал через Бугаз, и был с почестями принят Чеченом-Оглы.

В июне 1827 Русское правительство выделило 15 000 рублей семейству Индара-Коу, чтобы положить конец трениям, которые, как говорилось, возникли между ним и племенем шапсугов, которое недобрым глазом смотрело на покровительство, которое он оказывал русской торговле.

В ноябре того же года, полковник Перовский. Адъютант Его Величества Императора Российского, прибыл в Екатеринодар. Во время своего пребывания на правом берегу Кубани, он имел возможность получить важную информацию относительно состояния связей между русскими и черкесами.

Мне стало известно, что в феврале 1828 князь племени демиргой Тау Султан Бейзрук, и князь племени хатукай Джане-Герей Аслан Гериев, прибыли в Екатеринодар, и заявили, что Чичен-Оглы Ассан Паша, чьи враждебные планы против России давно были ими замечены, обратился к ним, как наиболее древним из властителей верховьев Кубани, чтобы убедить их подготовиться атаковать русских по первому сигналу, вместе с другими черкесами. Он сделал им значительные подарки, а один из его офицеров собрал представителей всех племен, чтобы убедить их на этот шаг. Эти два князя выразили свое желание попасть в ситуацию, которая позволила бы им отказаться от своего союза с Пашой, но вскоре после, чтобы избежать возмущения со стороны других племен, они были вынуждены поднять оружие и идти сражаться с русскими на анапской равнине.

В марте Чичен-Оглы отбыл в Трапезунд, оставив заместителем Османа, двуххвостого Пашу.

14 апреля 1828 Россия объявила войну против Порты, и немного погодя эскадра из восьми линейных кораблей, четырех фрегатов, двадцати одного корвета, транспортов и других судов, под личной командой вице-адмирала Грейга, вышла из Севастополя для атаки на

Анапу. Они имели на борту два полка егерей, насчитывающих до 2 200 человек, и команду артиллеристов под началом князя Меншикова. Полковник Перовский, который был назначен начальником штаба этого генерала, получил в это же время приказ выдвинуться через Бугаз, занять перешеек у Джемете, и присоединиться к ним под стенами Анапы. Для этой цели он имел 3 000 человек под своим начальством: пехоту, артиллерию, казаков, и восемьдесят черноморских черкесов, под командой Султан Селим Гереея. Он не выдвигался до тех пор, пока не смог увидеть эскадру на горизонте, заметив, что враги наблюдают за его передвижениями, он опасался, не без основания, что они могут подойти в большом количестве, и помешать его проходу. Чтобы избежать этого, он решил послать часть казаков занять песчаную косу. Они успешно захватили двух натухайцев, один из которых был племянником князя Наврузоку.

29-го полковник Перовский послал атамана Безкровного, во главе 500 всадников, пехоты и пяти орудий занять Джемете. Все жители этого поселка скрылись в горах, но предварительно подожгли свои дома.

Эскадра показалась на горизонте **2-го мая**, и в тот же день бросила якоря у Анапы. Плохая погода, которая в течение трех дней мешала любому судну приблизиться к берегу, поставила полковника Перовского в величайшую опасность, так как несколько тысяч натухайских кавалеристов атаковали его, когда он выдвинулся на анапскую равнину, и их количество позже значительно увеличилось за счет черкесов, принадлежащих к другим племенам. Удачно, что гарнизон города, насчитывающий 7 000 турок, не поддержал их усилия в это время, и не делал вылазок. Несколько лет прошедшие, после присоединения натухайцев к России, могли дать надежду, что как минимум они согласятся сохранять нейтралитет, а следовательно бессмысленно использовать большое количество войск для осады Анапы.

5-го числа море успокоилось, князь Меншиков получил возможность провести высадку.

6-го числа эскадра обстреливала Анапу с 9-ти утра до 5-ти вечера, войска сдерживали жестокие атаки со стороны черкесов, поддержанные несколькими сотнями турок.

Несколько крейсеров, отделенные от эскадрона захватили четыре турецких судна на пути из Трапезунда в Анапу, с 940 офицерами и солдатами, за несколько дней до прихода эскадры, 2 000 военных прибыли туда же.

8-го мая были вырыты окопы.

Среди черкесов, которые прибыли помешать осаждающим, как говорили, выделялись Ногай и Навруз, так же как и множество других чипакуа, которые в течение последних восьми лет регулярно получали знаки благорасположения от русского правительства. Нам также рассказали, что торговые представители Тауш и Люльер были вскоре вынуждены оставить Пшаду, и укрыться у друзей, в местности удаленной от боевых действий. Переводчик, посланный с Новогригорьевского кордона в Навруз, был убит князьями Клабатом и Чириком. Считается, что с тех пор атаки черкесов стали более дерзкими и лучше организованными.

Господин Скасси на несколько дней появился в лагере перед Анапой, куда он прибыл 3-го (15-го) мая, также он на военном корабле ходил в Пшаду, и встречался с Индаром-Коу. Никаких полезных результатов встреча не принесла, и этот чиновник вернулся в Крым.

Несмотря на различные трудности, операция по осаде быстро продвигалась. Был построен мост длиной 40 сажень, который обеспечил связь между двумя берегами Бугаза. Для того чтобы избежать рассредоточения войск, князь Меншиков перерезал подходы, связующие местность с Черкессией, посредством мобильных групп. Эта операция вынудила Пашу на резкое выступление **23-го мая** с.с., во главе 1 000 человек и пяти артиллерийских орудий. Атака была отбита, и он потерял оружие, захваченное юным графом Толстым, во главе отряда черноморских черкесов.

Кольцо вокруг Анапы сжималось, и, казалось, все свидетельствует о мирном настрое окрестных черкесов, когда **28-го мая (9-го июня)**, на рассвете дня, толпы этих горцев покрыли высоты господствующие над городом, и напали на форпосты, с другой стороны гарнизон воспользовался этой неожиданной атакой для вылазки. Потери русских были поначалу значительными: 175 гренадеров 13-го и 14-го егерских полков были наиболее ощутимой утратой, но князь Меншиков отомстил за них. Часть турок была отрезана от города, и штыковой контратакой оттеснена к морю, где многие из них погибли. Тем, кому удалось спастись, с южной стороны бросались с вершины скал и гибли на месте. Горцы тоже были вынуждены отступить, и преследовались русскими двенадцать верст. Ногай, как говорят, участвовал в этой битве и был ранен в руку. Сын Навруза также лишился там ноги.

После этого случая князь Меншиков приказал сжечь все черкесские дома, расположенные в радиусе пятнадцати верст от Анапы.

С этого дня осада сделала значительный прогресс: работы велись в 160 ярдах от города, а пушки бастионов, разбитых русской артиллерией были сняты. Большая часть войск, сделавшая последнюю вылазку из крепости, не смогла вернуться в город, и была вынуждена искать убежище среди гор.

Из десятка турецких торговых судов, стоявших на якоре возле Анапы в начале осады, три были потоплены. А три захвачены вооруженными шлюпками, под командой капитана фрегата «Немчинов».

Полный успех мероприятия 28-го мая, позволил жестко замкнуть кольцо осады, с обеих сторон достигшее моря. Через несколько дней работы велись уже у внешней части бруствера, и **10-го (22-го) июня**, спуск в ров был практически готов, были проделаны три прохода, Паше последний раз предложили сдаться в плен с гарнизоном. Он сначала настаивал на праве сохранить оружие и имущество, заявляя, что если такая возможность не будет дана, он будет защищаться до последней возможности: тогда переговоры были прерваны, и войска уже были готовы к штурму, когда городские представители вернулись и объявили, что сдаются без оговорок.

10-го (23-го) июня Анапа была занята русскими войсками, перед которыми шел священник в религиозном одеянии, держа в своих руках крест. Гарнизон был уменьшен

безвозвратными потерями и отступлением большого числа солдат и офицеров в горы, до численности примерно 4 000 человек; 85 бронзовых орудий, множество складов военной амуниции и провизии попали в руки к русским.

Гарнизон Анапы был послан в Крым, и только нескольким сотням семейных человек было разрешено вернуться в Анатолию, куда их перевезли суда нейтральных стран. Шестьдесят четыре татар-адалиса, и две пожилые женщины получили разрешение остаться в Анапе.

Во время прибытия русских войск, Осман Паша отослал большую часть своего богатства в горы, а теперь, став пленным, вынужденным оставить крепость и отправиться в Крым, желал получить обратно. Черкесы, всегда готовые воспользоваться любым случаем обеспечить себя имуществом без проблем, ответили ему следующим образом:

– «Мы не только не вернем тебе ничего, но еще придем и осмотрим стены Анапы, чтобы судить о той легкости, с которой ты сдал ее русским. Мы принадлежим Султану, нашему господину, который доверил нам, так же как и тебе, защиту этой крепости, куда мы были готовы послать огромные подкрепления».

Другие турки, скрывшиеся в горах со своими пожитками, пережили гораздо более ужасную судьбу, так как им ничего не вернули, и не позволяли уйти.

Со времени взятия Анапы до этих дней русскими было сделано множество попыток привести черкесов по другую сторону Кавказа в покорность: они имели различные результаты, о которых я не повествую, будучи слишком далеко от тех мест, и совершенно лишен средств получения надежной информации об этих событиях.

5-го апреля 1832, по представлению министра финансов, Совет Министров России издал постановление, одобренное Императором, относительно дозволения создать поселения на северо-восточном побережье Черного моря, и в бухтах Суджук-Кале и Геленджик. Все государственные крестьяне, граждане и торговцы, которые поселятся здесь, будут на двадцать пять лет освобождены от всех налогов и платежей, и от обязанностей военной службы, за исключением собственной защиты против горцев.

Было основано поселение Геленджике, я думаю на мысе Тлювес, оно ни в коем случае не заменит Анапу, деятельность здесь ограничена за счет плохих дорог, которые ведут вглубь страны. Но Геленджик должен стать военно-морской базой, которая необходима для безопасности плавания у этих берегов. Суджук-Кале должен стать торговым городом, который обладает большим преимуществом над Анапой, имея очень хорошую якорную стоянку в любой сезон, и который, единственный, как я уже упоминал, может соперничать с ней по сообщению с северной стороной Кавказа и равнинами Кубани, что будет огромным преимуществом для поселения.

Овладение Анапой открыло широкое поле для русских предпринимателей на Кавказе. Вся конкуренция закончилась, и черкесы были вынуждены, с той поры приучиться видеть только христиан поставщиками для своих нужд. Но все еще остается очень много сделать, и очень затруднителен выбор мер для того чтобы изменить привычки двух десятков

племен, насчитывающих около 300 000 семейств, окопавшихся в своих горах, которые ни цивилизация, ни оружие любой страны не в силах преодолеть.

Кавказские племена обладают многими чертами сходства с различными народами, прежде населявшими побережья страны сейчас называемой Новороссия, и бывшие татары, едва отличимые от черкесов, среди которых юные мурзы отправляются обучаться, и практиковать воровство на русских и поляках. Греки, однако, формируют коммерческие учреждения среди скифов, после того как генуэзцы и венецианцы делали тоже самое среди татар, и преуспели, так же хорошо как их предшественники, в управлении людьми, к которым они робко пришли предложить продукцию своих ремесел.

Торговля, также должна стать наиболее мощным средством усилий русских по умиротворению Кавказа: преимущества, которые она должна принести черкесам, если ее проводить с мягкостью и небольшими налогами – привлекательность удовольствий, доставляемых цивилизацией через встроенные средства с идеями соответствующими высоким взглядам правительства, принесут, я уверен, эффект быстрых и счастливых изменений среди населения побережья и равнин Кубани.

* * *

Приложения

Русские веса, меры и денежные единицы, упомянутые в этом труде

Один пуд равен 15 кг, или 33 ½ фунта¹⁴⁸.

1 фунт, или русский фунт – 1/40 часть пуда.

1 четверть = 9 ½ пуда – (100 четвертей равны примерно 125 марсельских мер, или 196 ¼ гектолитра).

Ведро = 13 ½ парижских пинт.

1 верста = 500 сажений – (4 версты равны 2000 сажений. Или 4400 ярдов с небольшим, около 1 французской почтовой лиге с небольшой дробью).

1 сажень = 6 футов и 6 ½ французских дюймов.

1 сажень = 26 ½ французских дюймов.

1 рубль ассигнациями = 100 копеек, или 100 сантимов.

1 франк: стоимость зависит от обменного курса.

1 копейка = 1/100 часть рубля.

Турецкие веса, меры и денежные единицы

1 батман = 6 ока, или 18 русских фунтов.

1 кантар = 44 ока.

1 ока = 1 ¼ килограмма¹⁴⁹ – 3 фунта: делится на 400 драхм.

1 килограмм пшеницы = 22 ока.

1 килограмм соли = 28 до 32 ока.

1 пик = 2 французских фута¹⁵⁰ и 1 дюйм.

1 пиастр = 70 – 80 копеек в 1818 г.

" = 40 копеек в 1823 г.

" = 22 копейки в 1833 г.

1 пара = 1/40 часть пиастра

¹⁴⁸ «Пуд = 15 кг» – указан во французском и английском изданиях книги. При этом во французском издании его вес = 33 1/3 ливра (1 lbs = 0,4895 кг.), т.е. ~16,32 кг. – прим. Переводчика.

¹⁴⁹ В современных источниках вес ока (окка) = 1,282 кг. – прим. Переводчика.

¹⁵⁰ Французский фут = 0,3248 м – прим. Переводчика.

Цены в турецких деньгах и по обменному курсу, какие я застал в свои первые две поездки в Геленджик и Пшаду в 1818

Соль 5 пиастров/ турецкий кг
 1 мера соли =1 мера пшеницы
 то же = 2 меры ржи
 то же = 2 меры ячменя
 то же = 2 меры кукурузы
 новое железо = 1 пиастр/ока
 старое железо = 25-30 пара /ока
 сафьяновые кожи = 15-18 пиастров/шт.
 чугунки среднего размера 3-4 козлиных шкуры /шт.
 за расписной керамический горшок я получил 1 коровью шкуру.

Пистолет обычный 3 воловьих шкуры
 1 вол 20-25 пиастров
 1 коза 1 ½ – 2 пуда соли
 Воск 4 пиастра/ока
 Мед 1 пиастр/ока
 За 12 ока жира у меня просили 2 пуда соли.

60 стволов можжевельника стоили мне 19 пудов соли

Цены установленные на Кубани казаками для определенных черкесских продуктов

Наименование	Единица измерения	Цена в пудах соли	Цена в рублях, по стоимости соли
Воск	1 пуд	60	30,00
Заячья шкурка	1 шт	1	0,50
Масло сливочное	1 пуд	16	8,00
Мед в сотах	1 пуд	10	5
Пшеница	1 четверть	8	4
Рожь	1 четверть	4	2
Овес	1 четверть	4	2
Ячмень	1 четверть	4	2
Просо	1 четверть	8	4
Табак курительный, очень крепкий	1 пуд	12	6
Жир	1 пуд	12	6
Рогатый скот	1 пара	80	40
Корова	1 животное	20	10

Наименование	Единица измерения	Цена в пудах соли	Цена в рублях, по стоимости соли
Конь	1 животное ¹⁵¹	50	25
Кобыла	1 животное	40	20
Телега	1 шт.	30	15
Большая лодка	1 шт.	36	18
Маленькая лодка	1 шт.	15	7,50
Сани под упряжь волом	1 шт.	5	2,50
Дикие яблоки	1 мера	15 фунтов	0,20
Дикие груши	1 мера	10 фунтов	0,125
Дуб и ясень, древесина	1 крупный брус	2	1
Дуб и ясень, древесина	1 маленький брус	1	0,50
Дуб и ясень, древесина	2 сажени длиной	10	5
Ясень, древесина	4 сажени	10	5
Ясень, древесина	3 сажени	5	2,5
Обручи для бочек	100 шт.	4	2
Дрова	1 куб.сажень	6	3

Экспортные товары в Анапе в 1823 и 1824 гг.

Пшеница оценивается по 4 турецких пиастра за турецкий килограмм¹⁵²; за один дают два соли. Перевозится на Анатолийские берега, где продается за 5-6 пиастров.

Рожь стоит по 2 пиастра за кило, 2 дают за 1 соли. В Анатолии продается по 2 $\frac{3}{4}$ – 3 пиастра.

Ячмень стоит по 2 пиастра за кило, 2 дают за 1 соли. Анатолийцы покупают по 2 $\frac{1}{2}$ – 2 $\frac{3}{4}$ пиастра.

Овес ценится по 1 $\frac{1}{2}$ пиастра за килограмм, 3 меняют на 1 соли. Но встречается редко, поскольку черкесы используют его только для изготовления спиртного напитка.

Воловьи, коровьи и бычьи шкуры. – Шкуры воловьи, при засолке весят 20- 25 ока; маленькие и коровьи шкуры 12-16; бычьи шкуры – 30-45. Последние ценятся как 2 шкуры вола. Все эти шкуры обменивают, или продают за деньги. В последнем случае они идут примерно по пиастру за ока. Некоторое количество может быть закуплено в окрестностях Кубани и в черкесских бухтах. В Трапезунде за них платят по 1 $\frac{1}{2}$ – 2 пиастра.

Овечьи шкуры продаются по 40-50 парасов.

Козлиные шкуры продаются по 60-80 парасов: в других местах побережья, южнее, можно их отыскать больше, и дешевле, чем в Анапе.

¹⁵¹ Черкесы не продают лошадей за такую цену.

¹⁵² Ока (?) – прим. Переводчика.

Заячьи шкурки. – Турецкие торговцы, которые покупают их зимой по 15-20 парасов за штуку, перепродают их иностранцам по 40. Они искали их только недавно. Около 30 000 сейчас экспортировано в Анапу, это количество будет увеличиваться, турки обнаружили, что их можно продавать франкам в Константинополе. Армяне из окрестностей Таганрога, вероятно пробрались вглубь страны, чтобы скупить большое количество заячьих шкурок, которые они обычно меняют на серебряный браслет: они перепродаются таганрогским торговцам по 1,0-1,3 руб.

Шкуры диких кабанов. – Армяне, которые занимаются этой коммерцией в Анапе, продают их по 7-8 пиастров; получая от черкесов за 3-4 пиастра в обмене. Этот товар всегда хорошо продается в Константинополе для Архипелага.

Для Анатолии: –

Волчьи шкуры 11-12 пиастров

Лисьи 9-12

Шакальи 1 ½-2

Диких кошек 1-1 ½

Для Константинополя:-

Коричневые шкурки ласки 10-12 пиастров

Красные шкурки ласки 5-7

Здесь находится множество шкур меньшей цены.

Воск – 6 ½ – 7 пиастров / ока. – этот товар может быть куплен у анапских турок только за наличные: он идет в Константинополь, на продажу франкам.

В Константинополе и Малой Азии эти товары продаются очень хорошо: -

Мед 50-60 парасов/ока

Масло сливочное 40-50

Жир 50-60

Рабы обоих полов. – Редко, когда мужчины продаются дороже 500 пиастров, но цена отдельных женщин достигает нескольких тысяч. Я позже расскажу об этом интересном коммерческом товаре.

Многие из упомянутых выше товаров есть и в русских портах, по той же самой цене, а чаще – дешевле; но в Анапе существует преимущество – уплата очень незначительных таможенных пошлин: они фиксированы, согласно нашей капитуляции, на 3-х процентах от стоимости товаров. В Анапе ока воска стоит 7 парасов, воловья шкура – 6, заячья шкурка – 2, и т.д. В России воск облагается по примерно 17 парасов, сухая воловья шкура примерно по 2 пиастра 43 параса и т.д.

Товары импорта в Анапу в 1823 и 1824

Турки ввозят в Анапу на сумму более двух миллионов пиастров бельевых тканей, таких как хлопчато-бумажные ткани производства европейского производства, муслин, батист, муслиновые и крашенные платки, которые черкесы носят на голове и плечах; и турецкую мануфактуру, известную под названиями Kadikeui-aladjasi, Berder-kirmezi, bezi-bouiouk,

Kutchuk-bezi, boghasi, kastambol-tsite, astar, achaa-astar, tchivile yechil, mavi moussul, alep-aladjasi, manus-aiadjasi, tchember yemeni.

Импорт других товаров достигает суммы примерно 500 000 пиастров: он состоит из соли, которая прежде поставлялась только из Крыма, но некоторое время назад, изменение ставок таможенных пошлин, налагаемых Россией на этот товар, побудило некоторых спекулянтов снабжать рынок солью из Фокии в заливе Смирна, и Сицилийской, которую франки поставляют в Константинополь. Качество этой соли, однако, не так высоко ценится, как крымской, особенно с озера Йелькене¹⁵³. Эта соль коричневая, и продается в Анатолии на одну четверть дороже чем пшеница. Незнание ситуации турецкими мореплавателями, явилось причиной необеспеченности Анапы солью зимой, и даже до мая-июня.

Сталь.

Полосовое железо.

Гвозди, из мягкого железа, от 1 ½ до 5 дюймов длины.

Свинец в слитках и в виде дробы.

Пистолетные стволы, 12-14 дюймов длины, малого калибра.

Ружья нарезные.

Круглые медные пластины, малые.

Клинки сабельные.

Сафьяновые кожи и кожи овец, черные, желтые, цвета «египетская земля», красные, зеленые. – Их везут в Анатолию; крымские ценятся выше, и соответственно продаются дороже.

Одежда. – Легкая, и в очень небольшом количестве, потому что это товар роскоши, употребляется очень немногими черкесами, и продается исключительно для использования турками.

Иглы.

Маленькие зеркала.

Турецкое мыло.

Кофе.

Сушеный инжир.

Изюм.

Гречиха.

Из России

Чугунки.

Топоры.

Серебряные нити.

Цветные шелка.

Лекарства.

¹⁵³ Yelkene – возможно современное название – озеро Тобечик (12 км к юго-востоку от Керчи возле села Челябиново) – прим. Переводчика.

Все эти товары очень хорошо продаются в Анапе, но гораздо лучше во внутренних частях страны и на побережье. Будет достаточно указать одно наименование: сталь, которая покупается в крепости по 2 пиастра за ока, и часто перепродается черкесам по 5, и которые готовы уступить ока воска за $1\frac{1}{2}$ ока этого металла.

Таблица торговли и перемещений в порту Анапы в 1833

1. Импорт из других стран

Хлопчато-бумажные товары и шелка	1097 реалов
Товары полученные на обмен от черкесов	4722
Всего	5819 реалов

2. Экспорт в другие страны

Невыделанные шкуры, 985 пудов	4790 реалов
Масло сливочное	1705
Заячьи шкурки, железо, выделанные кожи, жир и черная икра ¹⁵⁴	1465
Всего	7960 реалов

3. Движения в порту

Прибытие из иностранных портов	0
Отходы (1 русское судно, 1 турецкое)	2
Каботажная торговля	
Прибытия из различных русских портов с грузом	35
Входы туда же с грузом, б; с балластом 29	35
Импорт от каботажной торговли	7593 реала
Экспорт	1426
Послано в Геленджик на судне, принадлежащем правительству	28619
Всего	30405 реалов

¹⁵⁴ Здесь экспортные товары из Анапы, полученные из обмена с черкесами, смешаны с теми, что происходят из России, как железо, и экспортируются из Анапы самими черкесами.

Словарь диалекта черкесов-натухайцев

kh произносится как греческое χ, или русское «х», gh – как греческое «γ», или русское «г».

«'i» означает русское «йери». Произносится мягко, как безударное «е».

«s» между согласными здесь не произносится как «z».

Сегодня	Nepe
Ягненок	Melai
Прийти	Negoua
У вас есть?	Chi-ha
Прощай	Otkhache
Друг	Sibtagheu
Сидеть	Tize
Подожди	Saboure
Достаточно	Pachu, rokhoueu
Добрый день (утром)	Ouptche dezo khapchi
Приветствие в полдень и в пути	Mafizou sapchi
Добрый вечер	Ouptche azo khapchi
Доброй ночи	Ouptche essize okhou
Вагье	Elihline
Низкий	Thlepete
Крышка, шапка	Paougho
Говядина	Tsu
Борода	Djaghe
Рот	Jeu
Хорошо	Azir
Белый	Fege
Буза (татарский напиток)	Bak-sima
Капюшон по-татарски – башлык	Tcharkhone
Замок	Outkibze
Стеганое покрывало	Tchekhghene
Штаны	Onghandjandje
Тепло	Faben
Петух	Atakeu
Свинья	K-khoua
Лошадь	Chi
Кот	Ketou
Собака	Kha
Ногти	Oughoundjoughoune
Волосы	Chkhatsi
Приветствие	Ghogmaf
Как поживаете?	Ouzapachme
Воск	Chefu
Бог	Tkha
Завтра	Nakhoupche
Дай мне	Sakhe-Sete
Зубы	Tseu
Пальцы	Eup-Khouambe
Откуда ты?	Tedehagui?
Вода	Psi

Молния	Ghouasseu
Узкий и очень узкий	Zejou, Zejouded
Женщина	Chasse
Дочь, девушка	Psasi, si-psasi
Сын	Saou
Пожар	Mazone
Сыр	Khaie
Мука	Adjigha
Железо	Ougboutche
Ружье, пистолет	Ts-khouenke
Благодарение богу (используется как "спасибо")	Tkha-ou-psou
Вид гетр	Etlai
Нашивка, вышивка	Diche
Человек	Tsefeu, Tle, Tli
Высота	Inded
Одежда	Tsi
Он идет	Khake vaja
Я хожу	Si gholi
Я иду	Saze vaja
У меня есть	Cheu
У меня нет	Cheu-ep
Я буду стрелять	Si o voke
Я убью тебя	Si vou gbane
Я знаю	Tsradjigha
Я не знаю	Ta-ghourep
Я люблю	Sedjas
Я сильно люблю	Bo-Sedjas
Мне не нравится	Si-tchi ep
Ноги	Thlakoua
Красивая и очень красивая	Dakhu-Dakhu ded
Луна	Mazi
Молоко	Sezeno
Йогурт (простокваша)	S-ch-Khou
Он или она	Meri
Язык	Bzegou
Заяц	Tagoumghia
Волк	Doughousu
Напильник	Tchane
Рашпиль	Pkhakho
Утро	Neptchediche
Есть, прийти поесть	Ouchekhoune, yeblaghe ouche bhoune
Рука	Ea
Куница	Tseuze
Пальто (бурка татар)	Tchaouko
Море	Kh-chi
Мать	Yani
Мед	Soou
Я	Seri
Гора	Tkhe
Усы	Padjeu
Судно	Kouakheu
Не приближайтесь	Oukhamouke
Нет	Yahaou

Нос	Peu
Облака	O-sou-khapchi
Орехи	Dezu
Грецкие орехи	Deche-Kho
Птица	Bzeou
Уши	Tagoum
Лук	Bjunu
Яйца	Kiarkia
Куда ты идешь?	Tedeougoua?
Хлеб	Tchaoukhe
Отец	Yati
Курица	Keti
Приносить или давать	Kakhe
Груша	Khouzou
Слива	Skhoupza
Кинжал	Kameu
Большой палец	Eupkhabache
Двери и закрыть дверь	Ptche-Ptcheriaghase
Открыть дверь	Ptcheroukheu
Порох	Ghunu
Лиса	Bedjasueu
Река	Pse
Сабля	Keateu
Шашка	Chache-Khoua
Кровь	Thleu
Солнце	Tgha
Вечер	Tchazghose
Соль	Choghou
Женская грудь	Pidze, Buzu
Брови	Napseu
Пожалуйста	O-Sapchi
Обувь	Tchuako
Просторный	Kiakheded
Коса	Pkhakho
Ковер	Onptche
Земля	Tchi
Гром	Ghebli
Ты	Varie
Ткань	Beze
Вино	Souate
Вдова	Pkhouje
Мясо	Gl ... li

Декларация черкесской независимости, адресованная Дворам Европы

Жители Кавказа, вместо того чтобы быть подданными России, даже не примирились с ней, но многие годы вовлечены в продолжительную войну. Эту войну они ведут в одиночку, не получая одобрения или поддержки от какой-либо державы. Когда-то Порты удерживала господство над этими провинциями, оборона была оставлена на их собственное усмотрение, но позже Порты во всех смыслах предала и оставила их. Один Паша открыл ворота Анапы мусковитскому золоту, рассказывая черкесам, что русские пришли как друзья, поддержать Султана против восставших вождей Армении. Другой Паша вновь их предал, и оставил их страну ночью. С тех пор черкесы несколько раз посылали представителей к Султану, предлагая покорность, и требуя помощи, однако были приняты с прохладностью. Они также обращались к Персии, не с большим успехом, и в конце концов – к Мехмету Али¹⁵⁵, который ценя их преданность, был слишком далеко, чтобы поддержать их.

Во всех этих случаях, представители Черкессии получили инструкции рассказать тем, кто находился далеко, и не знал как невыносимо было угнетение России, как враждебна она была к обычаям, вере и счастью всех людей (иначе почему черкесы столь долго сражаются против нее?) – как коварны были ее генералы, и как жестоки ее солдаты, – что следовательно поражение черкесов ни в чьих интересах. Сотни тысяч мусковитских войск, которые заняты сейчас борьбой с нами, или наблюдают и блокируют нас, тогда будут сражаться против вас. Сто тысяч человек, сейчас разбросанных между наших пустынных и крутых скал, и борющихся с нашими твердыми горцами, тогда заполнят ваши плодородные равнины, и поработят ваших христиан и вас самих. Наши горы являются оплотами Персии и Турции, но без поддержки они станут воротами в эти страны – сейчас они единственная защита обеим странам. Они – двери дома, только закрыв которые можно защитить очаг. Более того, наша кровь, черкесская кровь, течет в жилах Султана. Его мать, его гарем – черкешенки. Его рабы – черкесы. Его министры и генералы являются черкесами. Он вождь нашей веры, и нашей расы; он владеет нашими сердцами, и мы предлагаем ему нашу верность – за все это мы требуем от него сочувствия и поддержки, а если он их не окажет, или не сможет защитить своих детей и своих подданных, то пусть подумает о крымских ханах, потомок которых живет среди нас.

Таковыми были слова, которые наши посланники были проинструктированы произнести, но они не были замечены. Это бы не было так, если бы Султан знал, сколь многими сердцами и клинками он может командовать, когда он прекратит быть другом мусковитов.

Мы знаем, что Россия не единственная сила в мире. Мы знаем, что есть другие державы, более великие, нежели Россия, которые хоть и сильны, но добры, которые просвещают незнающих, защищают слабых, и которые не друзья русским, а скорее их враги, и не враги

¹⁵⁵ Мухаммед Али-паша (араб. باشا يلع دم حم, тур. Kavalalı Mehmet Ali Paşa; 4 марта 1769 — 3 апреля 1849) — паша Египта (1805—1848), вассал турецкого султана Махмуда II, восставший против него в 1831 году; по происхождению – албанец. – прим. Переводчика.

Султану, но его друзья. Мы знаем, что Англия и Франция – первые среди наций земного шара, и были великими и сильными когда русские приплыли на маленьких лодках, и получили от нас разрешение ловить рыбу в Азовском море.

Мы думаем, что Англия и Франция не имеют интереса к простым и бедным людям вроде нас, но мы не сомневаемся, что столь мудрые нации знают, что мы не русские. И хотя мы мало знаем, не имеем артиллерии, генералов, дисциплины, кораблей, или богатств – что мы честные люди, и мирные, если нас оставляют в покое, но что мы ненавидим русских по уважительной причине, и почти всегда их бьем. Следовательно, это глубочайшее унижение, что, как мы узнали, что на всех картах, напечатанных в Европе, наша страна отмечена как часть России, что договора – о которых мы не знаем ничего – должны быть подписаны между Россией и Турцией, и претендуют подчинить русским этих воинов, заставляющих дрожать Россию, и эти горы, где ее нога никогда не ступала, что Россия говорит Западу, что черкесы являются ее рабами, или бандитами и дикарями, которых не смягчит никакая доброта, и не ограничивают никакие законы.

Мы должны торжественно протестовать перед лицом Небес против такой женственности и фальши. Мы отвечаем словами на слова, но слова эти – правда против лжи: сорок лет мы с триумфом отвечали на обвинения нашим оружием – эти чернила, как кровь, что мы пролили, провозглашает нашу независимость, и это печати людей, над которыми не известно превосходящей силы, сохранивших решение их страны – людей, не понимающих слабых аргументов, но знающих, как обращаться с оружием, когда русские окажутся в досягаемости.

Кто имеет право сдать нас? Мы предложили стать вассалами Султана, однако, если он в мире с Россией, он не может принять предложение, поскольку Черкессия пребывает в состоянии войны. Наша покорность – бесплатное предложение, и он не может продать ее, поскольку не покупал.

Пусть великая страна, как Англия, к которой обращены наши взоры и простерты наши руки, вообще не думает о нас, если это приведет нас к несправедливости. Пусть она не отворяет свои уши уловкам русских, когда глуха к мольбам черкесов. Пусть она судит по делам, между людьми, прозванными дикими варварами и их клеветником.

Нас четыре миллиона, но мы, к несчастью, разделены на множество племен, языков и вер; имеем разные обычаи, традиции, интересы, союзы и междоусобицы. Мы, следовательно, никогда не имели единой цели, но обладаем режимом правительства, привычками к подчинению и командованию. Вождю, избранному каждым племенем во время войны, подчиняются безоговорочно, наши князья и старейшины правят согласно обычаям каждой местности с большим авторитетом, чем в больших государствах вокруг нас. Но желая себе общего правителя, мы согласно обычаям Востока, всегда выбираем иностранного лидера. Так мы добровольно покорились власти Крымского Хана, а после – Константинопольского Султана.

Россия пытается, где только может, овладеть любой частью нашей территории, и кое где она преуспела, низвести нас до положения крепостных, чтобы забирать нас в армию,

заставлять проливать нас пот и кровь для ее обогащения, сражаться в ее войнах, и поработать для нее других – даже наших собственных соотечественников и единоверцев. Как следствие – растет наша ненависть, и усиливается кровопролитие, в другом случае мы бы давным-давно покорились мусковитскому властителю.

Долгой и печальной историей будет перечисление актов ее жестокости, вероломства, нарушенных обещаний, о том как она окружила нашу страну со всех сторон, отрезала от жизненно необходимого, как перехватила нашу торговлю, как способствовала гибели от ножа наемного убийцы последних потомков наших древних родов, оставив нас без вождей и руководства; как уничтожала целые племена и деревни; как подкупила предательских агентов Порты; как низвела нас до нищеты, и вовлекла нас в ненависть и неверие ко всему миру, через совершаемые ужасы – в то же время своими фальшивками унизив нас в глазах христианских народов Европы.

Мы потеряли источники, из которых прежде могли собрать сотни тысяч человек под их знаменами, но теперь мы наконец едины, как один человек в ненависти к России – 200 000 из наших людей были покорены ею за это долгое время, из оставшихся ни один добровольно не служит России. Много детей было украдено и сыновья авторитетов взяты в заложники, но те кто помнит страну – убежали. Среди нас есть люди, которые были в фаворе, принимались и чествовались Императором, но предпочли эту честь опасностям их страны. Среди нас есть тысячи русских, которые предпочли наше варварство цивилизованности своей станы. Россия построила крепости на нашей территории, но они не смеют соваться дальше досягаемости их пушек – 50 000 русских недавно сделали набег и были разбиты.

Страна может быть завоевана не словами, а оружием. Если Россия завоеует нас, то не оружием, а отрезая наши коммуникации, и используя Турцию и Персию, как будто они ей принадлежат, делая море непроходимым, как будто оно ее собственность, блокируя наш берег, уничтожая не только наши суда, но и суда других государств, приближающиеся к нам, лишив нас рынка нашей продукции, препятствуя в приобретении соли, пороха и другой необходимой военной амуниции, которые для нас являются жизненно необходимыми, и лишая нас надежды.

Но мы являемся независимыми, мы воюем, мы – победители. Представители Императора, которые считают нас в Европе Его рабами, которые на карте отмечают эту страну как Его, недавно открыли коммуникации с черкесами – не для того чтобы предложить прощение за мятеж, но как сделку за выход 20 000 человек, окруженных нашими людьми, и согласования обмена пленными.

«Портфолио», т. I, с. 187.

Лондон, 21-го числа месяца Ребуил-Акир, 1251 (1835).

Я еще формально не ответил на различные запросы, которые получал в разное время, как в виде писем, так и от делегаций различных провинций. Я не желал этого делать до тех пор, пока не получу хороших новостей, которые сообщу вам – до тех пор, пока не смогу сказать вам того, что доказав мое желание и способность оказать вам услугу, смогло бы оправдать доверие, которое вы мне оказали.

Хотя я опасался, что мое долгое отсутствие и молчание, если продолжатся, могут ослабить в ваших умах эти новые чувства, жаждущие информации, которая – я верю – некогда сделала вас людьми и народом, ценящим себя и уважаемым другими. Вы давно слышали об Англии, вы недавно много думали об Англии, сейчас вы получили письмо из Англии; пусть оно распространяется в провинциях – пусть беи, муллы и старейшины собирают народ, читают и разъясняют его; и таким способом вы получите удовольствие от совместного чтения тех же слов от Черного моря до Каспия, и услышите обращение к себе одним именем – черкесы.

Я уже неоднократно предостерегал вас от ошибочного предположения, что Англия предоставит вам практическую помощь. Англия не воюет с Россией, а значит, не может поддерживать любые военные операции против России. Когда я прибыл в вашу страну, и собственными глазами увидел, что вы независимы от России, я также видел, что все, что Россия о вас рассказывала, было ложью, и возмущился тем поведением, которое она практикует в отношении вас, и тем обманом, который она использует по отношению к нам.

Но если Россия использует ложь в отношении к Англии, то это доказывает, что она боится правды, и, следовательно, открыв Англии глаза на ваше реальное состояние, мы навлечем на Россию именно те последствия, которых она опасается, а вы выгадаете, избавившись от созданной вам фальшивой репутации.

Как я упомянул ранее, Англия не находится в состоянии войны с Россией, и поэтому не может предоставить вам помощь, в которой вы нуждаетесь сейчас, и поняли бы. Следовательно, я обязан объяснить вам, что я понимаю как поддержку, которую вы можете ожидать от Англии. Для этого я прошу обратить особое внимание, что неоправданные ожидания не менее опасны, чем безосновательная тревога и неверное понимание.

Когда Англия узнает, что вы не принадлежите России, и когда она поймет, что Россия посылает армии против вас, она скажет Русскому императору: – «Ты кто такой, чтобы делать войну и мир без ведома и согласия великих европейских держав?» И от такого вопроса сила России увянет. И когда Англия узнает, что Россия воюет против вас – по факту независимых, и ей не досаждающих, Англия себя спросит: – «С чего это Россия тратит так много крови и денег? Это не может быть только из-за Черкессии, должно быть, она желает покорить страны за Кавказом – Персию и Турцию. Мы не должны позволить ей овладеть Черкессией».

Это правда, что Император России имеет обширные территории, но вы знаете, что он владеет немногими ярдами Черкессии. Он обладает, это правда, многочисленными войсками, но можно ли сосчитать кости его солдат, что рассеяны по вашим горам? И если он говорит всей Европе, что Черкессия его, а вам говорит, что Европа за него, он, следовательно, хвастун и лжец. Но храбрец не хвастается, а сильный не нуждается во лжи. Он имеет миллионы подчиненных, но разве не существует миллионов его врагов? Разве на любой границе не стоят его противники? – и кто они, по отношению к тем, кто внутри страны?

С другой стороны, вы знаете, что Англия владычица морей, и когда пожелает, повергнет Севастополь в пыль и пепел за три часа, и не оставит Русского флага в Черном море за неделю. И после этого вы думаете, что Император России посмеет делать то, что Англия решила, он не должен делать? Подумайте над этим, и тогда вы поймете, почему Россия создает вам фальшивую репутацию, как много она поимела преуспев в своем обмане, как много она потеряет, а следовательно – получите вы, когда Англия узнает правду. Может случиться, что правда никогда не откроется полностью. Может случиться, что Англия никогда не скажет России – «Ты должна прекратить войну с Черкесами», но точно, что с момента, когда ваше имя прозвучит в Европе, – нет, с момента как Англия ступит на ваши берега и узнает «великий секрет» России, страх чего может посетить секретную палату советников России, и парализует ее усилия, и даже более возможно – усилит вас, разбудив надежды, и объединив ваши сердца.

Но эти ожидания не могут быть реализованы до тех пор, вы сами не предадите гласности, посредством публичного акта, тот факт, что до сих пор был скрыт от всего мира. А именно – вашу независимость, и до тех пор, пока вы не будете иметь общее правительство, регулирующее ваши внутренние дела, и соединяющее ваши ресурсы, тогда как ваши интересы уже едины, и пока вы не представите себя Европе в виде, достойном ваших героических свершений, и тем самым дадите возможность всем вашим доброжелателям провозгласить себя вашими друзьями.

Следовательно, только признание Англией вашего реального состояния, откроет вам выгодные перспективы, возможно и очень отдаленные, ограничений, которые ее сила наложит на ваших противников, оно откроет вам возможность приблизить этот случай, путем роста ваших идей и введения союза, отсутствие которого, больший ваш враг, чем русские. Я горд заявить, что эти ожидания уже реализовались, как минимум, до степени доказательства себе кем вы можете стать. Вы теперь чувствуете себя не различными племенами, но что вы – страна, и вы начинаете ценить, то, чего вам так не хватало – первого, главного шага к ее признанию.

Но эти великие и важные сами по себе результаты, не единственные последствия, ожидаемые от признания вашего государства в Европе и ее заинтересованности в ваших судьбах. Польская нация, в настоящий момент подчиненная, но чье национальное существование гарантировано Европейскими публичными актами, мгновенно почувствует свои судьбы необратимо соединенными с вашими. Двадцать тысяч поляков в русской армии, противостоящей вам, узнают, что их оружие было обращено против их братьев.

Оттоманская империя, которая недооценила и предала вас, узнает от Европы что вы были и есть ее защитники, и поэтому, глядя на Англию в первый раз, глаза лезгин, кабардинцев, чеченцев, осетин, черкесов и абазеков будут обращены в одно и то же место. В этой же точке они встретят взгляд поляков, турок, персов, и всех тех, кто страдает от несправедливости, или страха агрессии общего врага. И таким образом, вы предоставите в распоряжение Англии власть, посредством которой Англия одним словом сможет навсегда лишить Россию силы кому-либо навредить.

Но когда же наше имя станет известно в Англии, и ее ясный взгляд обратится к нам? Будьте уверены, это случится, не пройдет и нескольких месяцев, прежде чем тень английской власти упадет на грудь защищаемых вами морей, и когда Англия повернется лицом на Восток, как может ее взор не увидеть Эльбрус? Когда Англия обеспокоена маршем русской жестокости и несправедливости, сможет ли она не сыскать в своей груди симпатии к Черкессии? Когда ее тревожные сигналы разбудят тонущих Турцию и Персию, разве не будет она приветствовать гарнизон Кавказа?

Когда ее взор повернется в эту сторону, когда поднимется ее возмущение, когда пробудятся ее симпатии, только тогда она должна осознать ошибку признания вашего прошлого состояния, и провозгласить новую стадию существования нации в которую вы перешли. Тогда, когда новое имя Черкессия будет произнесено, когда давняя независимость Кавказа будет оглашена, Черкессия будет приветствоваться как новая звезда, поднимающаяся на Востоке.

Нет нужды призывать вас храбро сражаться, но я буду просить вас больше думать. Мысли сейчас распространяются от деревни к деревне, от провинции к провинции, а с ними переносятся и рассеиваются семена, которые могут в один прекрасный день взречь не просто в национальную независимость, но принести национальное процветание, величие и славу.

Дауд.

* * *

Оглавление

Предисловие.....	5
Путешествие в Черкессию в 1818 г.	6
Общее описание края в этот период.....	6
Журнал моего путешествия.....	11
Путешествие в Черкессию в 1823 и 1824 гг.....	60
Введение.....	60
Поездка в Анапу в 1823	61
Поездка в Редут-Кале, Трапезунд, Пшаду и Анапу	78
Путешествие в Анапу в 1824.....	86
Дополнение	102
Приложения.....	108
Русские веса, меры и денежные единицы, упомянутые в этом труде	108
Турецкие веса, меры и денежные единицы.....	108
Цены в турецких деньгах и по обменному курсу, какие я застал в свои первые две поездки в Геленджик и Пшаду в 1818.....	109
Цены установленные на Кубани казаками для определенных черкесских продуктов.....	109
Экспортные товары в Анапе в 1823 и 1824 гг.	110
Товары импорта в Анапу в 1823 и 1824.....	111
Таблица торговли и перемещений в порту Анапы в 1833.....	114
Словарь диалекта черкесов-натухайцев	115
Декларация черкесской независимости, адресованная Дворам Европы.....	118